

207 1

XXIV 75
11

00001
22

1844

XXIV 75
11

1291.

XXIV

75

12/1-84 her c 171-178 M.

III

БИБЛИОТЕКА

XXIV
для

ВОСПИТАНІЯ.

Изданіе Августа Семена.

log 1
ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

2

ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ

соч. М. ЕДЖЕВОРТЪ.

МОСКВА,

Въ Типографіи А. Семена.

1844.

11-83

ГЛАВА XIII.

О ГРЕЧЕСКОМЪ И НАУКАХЪ КЛАС- СИЧЕСКИХЪ.

Пока образованные люди будутъ почитать необходимою имѣть нѣкоторое понятіе о языкахъ ученыхъ, каждый отецъ сочтетъ долгомъ включить ихъ изученіе въ систему воспитанія сына своего. Напрасно станемъ повторять, что языки служатъ только ключемъ къ наукамъ; что слова не замѣняютъ вещи; что большое количество словъ, производитъ однѣ несвязныя идеи; что произношеніе, мелодія, геній Греческаго языка не извѣстны всѣмъ нашимъ ученымъ, и что Гомеръ и Ксенофонтъ не узнали бы языка своего въ

устахъ нашихъ профессоровъ. Правда и то, что знаніе языковъ древнихъ, даже такое, какое можемъ приобрѣсть въ наше время, приносить неоспоримую пользу. Греческой языкъ часто бываетъ необходимъ. Латинскій полезенъ во всякомъ званіи, но, всего необходимѣе и полезнѣе, было бы узнать средство какъ выучиться этимъ языкамъ съ меньшимъ трудомъ, съ меньшею потерей времени, съ меньшимъ вредомъ для разсудка. Школьный учитель прибавилъ бы: *«и какъ можно скорѣе;»* — но мы этаго не скажемъ; *сплши* медленно, есть самое полезное правило на поприщѣ воспитанія. Тѣ, которые съ твердостью ему покоряются, доходятъ до своей цѣли, между тѣмъ какъ торонящіеся воспитатели принуждены бываютъ останавливаться для того, чтобы перевести духъ, или что еще хуже, напрасно бьютъ и подстрѣкаютъ упрямаго коня своего.

Нѣкоторые юноши, не опираясь на чужую помощь, пускаются одни на поприще и опережаютъ всѣхъ состязателей. Кажется, будто наука дается имъ въ ту самую минуту, когда она имъ нужна, какимъ-то особымъ откровеніемъ; другіе, между тѣмъ, которыми постоянно занимались наставники, остались невѣждами, или не знаютъ какъ употребить массу свѣдѣній, на нихъ наложенную. Въ которомъ изъ двухъ разрядовъ, отецъ желалъ бы видѣть сына? Неутомимые наставники, занимаясь каждый день восемь часовъ, могутъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, научить цѣлый полкъ дѣтей по Гречески и по Латынѣ, но ни одинъ изъ этихъ дѣтей не выйдетъ изъ ряду. Неужели надобно жертвовать счастіемъ лучшихъ лѣтъ жизни, пріобрѣтенію вовсе бесполезному въ послѣдствіи? Не худо бы сравнить потерю времени, производящую отъ безтолковыхъ грамматикъ и отъ способовъ препода-

ванія, съ временемъ дѣйствительно нужнымъ для пріобрѣтенія классическихъ познаній, посредствомъ благоразумнаго метода. Мы желали бы доказать родителямъ, что дѣти ихъ могутъ пріобрѣсть желанныя свѣденія, не тратя ни здоровья, ни счастья, ни способностей разума.

Прежде всего просимъ искусную и доброжелательную руку исправить грамматики и элементарныя книги, необходимыя бѣднымъ школьникамъ. Жалко видѣть какъ они притупляются, выучивая наизусть правила совершенно безтолковыя и примѣры рѣчи, исполненные понятіями ложными и вредными. Геній новѣйшихъ языковъ такъ отличенъ отъ генія языковъ древнихъ, что буквальный переводъ почти невозможенъ, а между тѣмъ заставляютъ учениковъ переводить авторовъ слово въ слово. Такіе переводы не могутъ дать свободнаго слога, и еще меньше, охоты къ ученію. Привычка ко вниманію и жела-

ніе пристально заняться, не зависать отъ числа часовъ употребленныхъ на отыскиваніе словъ, ни отъ множества наизусть вытверженныхъ правилъ, ни отъ количества Латинскихъ фразъ, силою вбитыхъ въ память. Кто привыкъ къ вниманію и желаетъ учиться, тому достанетъ на все времени: безъ этихъ условій время всегда пройдетъ безъ пользы. Полчаса дѣятельнаго прилѣжанія успѣшнѣе подвинутъ впередъ, нежели цѣлая сутки вялаго ученія, и если сравнить сколько сдѣлаетъ прилѣжно занимающійся дитя въ тѣ часы, которые прочіе вяло проводятъ въ школахъ, то потеря времени будетъ ощутительна. Многія дѣти такъ ясно чувствуютъ какое оцѣпененіе производитъ медленность ученія, что откладываютъ до послѣдней минуты урокъ свой, дабы необходимость принудила ихъ живо заняться тверженіемъ. Въ заведеніяхъ общественныхъ, дѣти обязаны идти ря-

домъ; глупость должна часто соображаться съ шагами генія, но чаще гораздо, геній долженъ тащиться по стопамъ глупости. Такія неудобства неизбежны; но многому помочь можно исправленіемъ элементарныхъ книгъ и стараніемъ не обременять такъ немилосердно память.

Мы уже сказали прежде, что лучше не долго занимать ребенка, лишь бы это не долгое время, работа занимала его совершенно. Мудрено, чтобы грамматика такъ какъ ее преподають теперь, овладѣла всѣмъ его вниманіемъ; она производитъ въ ученикѣ какое-то потемнѣніе ума и отнимаетъ бодрость. Не трудно бы показать отношеніе употребляемыхъ словъ, не заставляя выучивать наизусть огромныя главы: *о частяхъ рѣчи*. Очень легко разтолковать, что есть слова значущія что какое-нибудь дѣйствіе совершено. Также легко пойметъ ребенокъ, то если дѣйствіе совер-

но, то кто нибудь, или что нибудь его совершило. Ему не трудно будетъ найти слово показывающее дѣйствіе и отличить его отъ имени. — Приглашаемъ читателя испытать это надъ семилѣтнимъ ребенкомъ, никогда не учившемся грамматикѣ.

Г- ъ А. — взялъ однажды пятилѣтнюю дочь свою на колѣни и растолковалъ ей сущность глаголовъ, именительныхъ имянъ и мѣстоимѣній. Потомъ задавши ей самую простую фразу, спросилъ: можетъ ли она найти глаголъ, мѣстоимѣніе и имя? Дѣвочка тотчасъ указала ихъ и этотъ первый урокъ не оставилъ въ ея памяти никакого непріятнаго впечатлѣнія. Но дѣти забывчивы и терпѣніе наставника должно упражняться въ безпрестанныхъ повтореніяхъ. Уроки должны быть коротки, а примѣры взяты изъ фразъ употребляемыхъ самими дѣтьми. Пусть дитя нѣсколько недѣль проходить одно и тоже. Пусть

безошибочно отличить глаголь и управляющее имъ имя отъ всѣхъ частей рѣчи. Тогда можно перейти къ предметамъ дѣйствія, но не спѣшите склоненіями и падежами. Правило, что именительный есть прямой или вертикальный падежъ, что родительный отклоняется немного, дательный, винительный и предложный больше и больше отъ перпендикулярной линіи рѣчи, совсѣмъ не нужно дѣтямъ. Успѣють еще они узнать сколько нелѣпостей придумали люди, для изъясненія того, чего сами не понимаютъ.

Когда посредствомъ терпѣливаго повторенія ребенокъ научился анализировать рѣчи свои, то находитъ большое въ томъ удовольствіе. Онъ скоро отличаетъ разницу глагола дѣйствительнаго отъ страдательнаго. Надобно позволить ему разсуждать объ урокахъ своихъ и говорить все, что войдетъ ему въ голову. У пятилѣтняго ребенка спро-

силы что значить слово: *вотъ*. Значить, что даютъ что нибудь, отвѣчалъ онъ. Всякой разъ какъ заставляемъ дитя учить что нибудь наизусть, безъ всякаго употребленія разсудка, то вредимъ его способности разсуждать и убиваемъ развитіе. Мы выучили безъ всякаго смысла и не понимая ихъ глаголы и предлоги, междомѣтія и союзы, а вырастающее поколѣніе не должно бы начинать ученое свое поприще, безусловно вѣрою въ бессмысленныя вещи.

Когда воспитанникъ вашъ пріобрететъ, посредствомъ короткихъ, повторенныхъ разговоровъ, общее понятіе о грамматикѣ и техническихъ ея терминовъ, то можно дать ему лексиконъ, и переводить съ нимъ вмѣстѣ легкія фразы. Положимъ, что первое слово будетъ союзъ или нарѣчіе, ребенокъ найдетъ его въ лексиконѣ и обрадуется открывши смыслъ латинскаго слова.
Слѣдующее будетъ вѣроятно не такъ

легко. Существительное имя или глаголъ не поддадутся его отыскиванью. Грамматика явится для изъясненія перемѣны въ окончаніи словъ. На пр. слово *musam* не находится въ лексиконѣ, но *musa* тутъ и, соединя пособіе грамматики, смыслъ слова отысканъ. Упражняясь такимъ образомъ нѣсколько дней, ребенокъ пойметъ, что грамматика есть дополненіе лексикона. Мало по малу грамматическія формулы сдѣлаются ему знакомы, а частыя повторенія утвердятъ ихъ въ памяти. Ко второму склоненію надобно переходить тогда только, когда первое уже совершенно понято, и при всякомъ пусть нѣкоторое количество словъ, принадлежащихъ этому склоненію, останутся въ памяти ребенка. Въ триста уроковъ, каждый урокъ не долѣе десяти минутъ, ребенокъ можетъ выучить всѣ склоненія, мѣстоименія, спряженія, предлоги, союзы, междометія, большую часть нарѣчій и общія

правила синтаксиса. Десять минутъ прилѣжнаго занятія въ присутствіи учителя; одинъ не долженъ онъ никогда учить ничего наизусть. Но сорокъ часовъ, это очень долго! « скажете вы. » Начните учить ранѣе, если боитесь потери времени. Къ тому же въ это время ребенокъ не только учить наизусть слова, но начинаетъ знать ихъ измѣненія. Уроки ни подъ какимъ предлогомъ не должны прерываться, постоянная кротость и настойчивость вселятъ полезную къ нимъ привычку. Праздники и вакаціи въ школахъ охлаждаютъ къ наукъ и приучаютъ къ лѣни и праздности.

Говорятъ будто Джонсонъ сказалъ, что ребенокъ никогда не любитъ того, кто учить его по латынѣ. Авторъ этой книги не взялъ бы никакихъ даровъ судьбы, разума и счастія въ замѣнъ за нѣжную дружбу сына, не имѣвшаго другаго учителя. Ученіе древнимъ язы-

камъ и грамматикѣ дѣтей своихъ, было для него всегда самымъ пріятнымъ занятіемъ. Нѣсколько лѣтъ сряду, посвящалъ онъ каждое утро полчаса, во время одѣванія своего, преподаванію языковъ различнаго возраста дѣтямъ, и никогда другаго времени на это не употреблялъ. Чтобы дать ясное понятіе объ успѣхѣ такого преподаванія, вотъ результатъ испытанія, сдѣланнаго сего дня 8 Ноября 1796 года.

Сидней, десяти лѣтъ, перевелъ дватцать стиховъ изъ Цейкса и Альціоны Овидія, справляясь два раза съ лексикономъ. Ему посовѣтывали переложить переводъ въ стихи, онъ сидѣлъ надъ этимъ три часа, и большую часть времени поправлялъ, перемарывалъ и переписывалъ свое стихотвореніе. Отецъ воспользовался этимъ, чтобы одобрить расположеніе его, не довольствоваться сразу собственными произведеніями.

Сидней до тѣхъ поръ три раза пытался писать стихи. Всѣ свѣденія его въ поэзіи ограничивались нѣсколькими баснями Гая, стихами его изъ *Минстреля*, тремя одами Грея, элегіей на Сельское кладбище, и отрывками изъ второго тома Ботаническаго сада, Доктора Дарвина. Онъ не зналъ Драйденова перевода Цейкса и Гальціоны. Латинская его ученость заключалась въ Овидіевыхъ превращеніяхъ и басняхъ Федре. Можетъ статья, намъ скажутъ, что въ школахъ есть дѣти такихъ же лѣтъ, которые болѣе сдѣлали успѣховъ, но мы не ищемъ сравненій. Желаемъ только показать родителямъ, что при нашемъ методѣ, занимаясь только полчаса въ день, ребенокъ не останется несвѣдущимъ, а легкій и необременительный трудъ предупредить скуку и утомленіе, слѣдующія всегда за принужденнымъ напряженіемъ головы.

Должно также обращать вниманіе на

то, какъ ученикъ сказываетъ урокъ свой. Когда онъ говоритъ безъ страха, то голосъ его естествененъ и движенія просты. Плаксивый голосъ и судорожныя движенія учениковъ принужденныхъ мучиться длиннымъ сказываньемъ вытверженнаго урока, не общають отличныхъ ораторовъ. Конечно, можно переломить всякую дурную привычку, но предупредить ее легче, нежели исправить. Молодой человѣкъ съ головой, набитой латынью и юриспруденціей, являетъ жалкую фигуру въ Парламентъ, или камерахъ, если онъ не ловокъ и страшенъ въ рѣчи. Нельзя надѣяться, чтобы юноша съ голосомъ беззвучнымъ или съ порокомъ въ произношеніи вышелъ отличнымъ ораторомъ. Онъ можетъ съ великими усиліями научиться декламировать по правиламъ искусства, измѣнять, повышать и понижать голосъ, употреблять правильныя и умѣренныя движенія; но если молодой адвокатъ

увлечется своимъ дѣломъ, если станетъ говорить отъ души и забывши принятую роль, то всѣ привычки подавленные искусствомъ явятся снова и въ сильнѣйшей степени. Только примѣръ и всегдашнее наблюдение за способомъ изъясняться, могутъ приготовить юношу, говорить съ успѣхомъ передъ публикой. Время употребленное на шаганье на ходуляхъ, лучше бы обратить на простое, ловкое хождение ногами. Актеру помогаетъ его котурнь, но въ обществѣ не всегда годится театральнѣй эффектъ. Большая часть неловкости молодыхъ ораторовъ происходитъ отъ того, что ихъ вдругъ поражаетъ существенная разница между школьными упражненіями и дѣйствительною жизнью. Они выучили два языка, которыхъ запрещено смѣшивать: языкъ ораторскій и языкъ разговорный. Послѣдній представляется имъ естественно, какъ скоро они взволнованы, а волнение не-

премѣнно возбуждено первымъ опытомъ публичной рѣчи. Молодой человекъ, пріученный всегда говорить правильно, знаетъ, что не скажетъ ничего страннаго, хотя бы пересталъ наблюдать за собою. Привычка хорошо говорить въ простыхъ разговорахъ, должна быть основою искусства ораторскаго, а эта привычка дается постояннымъ вниманіемъ родителей или наставниковъ. Можно учиться по латынѣ и не забывать собственнаго языка: объ литературы могутъ всегда преподаваться вмѣстѣ; для большей части дѣтей важнѣе пріобрѣсть образованный вкусъ и основу тѣхъ наслажденій, которыя доставляетъ наука, нежели сдѣлаться великими латинистами. Иное дѣло профессорамъ латинскаго языка или юрисконсультамъ, но для многихъ искусство писать по латынѣ совершенно лишнее.

Въ то время, когда вашъ ученикъ читаетъ Федра, Овидія, Корнелія Непота и

другихъ историковъ и поэтовъ, можно дать ему переводы прочихъ хорошихъ писателей, которые займутъ его и посеять добрыя семена. Укажемъ на жизнеописанія Плутарха.

Безъ знанія миѳологiи, классическая поэзія совсѣмъ непонятна, слѣдовательно надобно дѣтямъ учиться миѳологiи, но ученіе это должно непременно связать со всѣми поэтическими вымыслами; безъ нихъ не возможно пересказывать сцѣпленіе нелѣпостей и преступленій соединенныхъ въ исторiи языческихъ боговъ. Новѣйшіе поэты завладѣли баснями древнихъ: почти всѣ поэтическія сравненія принадлежатъ миѳологiи язычниковъ. Дѣти воспитываются для того времени, въ которомъ живутъ и должны знать эту миѳологію, для того, чтобы наслажденія литтературы были имъ доступны.

Надобно стараться, чтобы эта наука

не повредила прямотъ ихъ сужденія. Пусть смотрятъ они на всю эту толпу баснословныхъ боговъ и героевъ, какъ на существа выходящія изъ общаго порядка и не подлежащія нашимъ законамъ нравственности. Къ тому же дѣти равнодушно слышатъ объ иступленіяхъ любви и ревности, потому что эти страсти имъ еще незнакомы. И лучше гораздо, чтобъ они ихъ не понимали, нежели давать натянутыя изъясненія, выдающія имъ за истину, то что не имѣетъ и тѣни правдоподобія. Такъ напр. *Г. Рилей*, въ миѳологическомъ словарѣ пользуясь легковѣрностью дѣтей и вреда ихъ разсудку, увѣряетъ, что Сатурнъ и Адамъ одинъ и тотъ же человѣкъ, что Гесперъ и Атлантъ, это Моисей и Ааронъ; Вертумнъ и Помона, Воозъ и Руоъ; что въ царь Давидъ видимъ Аполлона, потому что онъ игралъ на арфѣ; что Меркурій есть Архангелъ Михаилъ, потому что его изображаютъ съ крыль-

ями у ногъ, и что наконецъ Сатана похожъ на Момуса, какъ двѣ капли воды.

Картинки находящіяся при мифологіяхъ также довольно важная вещь. Первыя впечатленія воображенія развиваютъ удивительно вкусъ. Надобно сколько возможно отыскивать самые правильные рисунки, для того, чтобы языческіе божества самымъ пріятнымъ образомъ поразили воображеніе. Нельзя довѣрить дѣтямъ драгоцѣнныхъ изданій, но у кого есть драгоцѣнное изданіе гравюръ, тотъ можетъ сдѣлать ихъ средствомъ пріятной награды, и въ то время какъ маленькая семья обступитъ любопытную картинку, рассказать ей содержаніе со всѣми подробностями, утверждающими въ памяти принадлежности каждаго лица.

Тоже вниманіе должно обращать и на слухъ; вмѣстѣ съ зрѣніемъ развивается онъ вкусъ. Поэтическое описаніе должно предпочитать прочимъ; пользу-

ясь минутой, въ которой живо еще впечатлѣніе картины, дайте ребенку чувство красоты поэтической. Вотъ напр. два описанія, одно изъ мифологическаго словаря, другое изъ стихотвореній Дарвина.

«Европа была дочь Агенора, Финикійскаго государя, и сестра Кадма. Она была такъ прекрасна, что говорили будто одна изъ нимфъ Юноны украла у богини горшокъ румянъ и подарила Европѣ: Юпитеръ плѣнился ею и обратился въ быка, чтобы ее похитить. Онъ посадилъ ее къ себѣ на спину, переплылъ море, и вышелъ на берегъ въ той части земнаго шара, которую называютъ Европой.»

Теперь послушаемъ поэта.

«Быкъ бѣлѣе снѣга пасется на берегахъ Африки и красиво раскачивая головою, рветъ душистыя травы и цвѣты прибрежные. Юная Европа подходит къ нему, гладитъ его нѣжной своей

«рукою, надѣваетъ розовый вѣнокъ ему
«на голову, обвиваетъ его бѣлыя рога
«цвѣтами. Играя, вспрыгиваетъ она на
«спину гордаго звѣря, и онъ величаетъ-
«ся прелестной своей ношей. Тихо
«опускаетъ онъ ноги въ свѣтлыя вол-
«ны, медленно идетъ по нимъ. Но мало
«по малу волны вздымаются и облива-
«ютъ шелковистыя бока его. Подруги
«красавицы въ смущеніи громкими во-
«плями зовутъ ее, умоляютъ возвра-
«титься. Но трепещущая Европа пря-
«четъ ножки подъ тонкое платье свое
«и наклоняется на бѣлоснѣжную спину
«своего похитителя, гибкими руками
«обнимаетъ его шею, розовую щечку
«свою прижимаетъ къ серебряной го-
«ловѣ, возносящейся надъ волнами. Мо-
«ре далеко передъ нею разлито. Свѣт-
«лыя ея кудри играютъ по волѣ зе-
«фира и легкая ткань лазуревой одеж-
«ды развѣвается и клубится по воз-
«духу. »

ГЛАВА XIV.

О ГЕОГРАФИИ И ХРОНОЛОГИИ.

Въ общественныхъ школахъ, гдѣ большое количество дѣтей должно выучивать, въ одно назначенное время, одну науку, обыкновенный способъ преподаванія есть единственно возможный; но выученное такимъ образомъ не сдѣлавъ на память никакого сильнаго впечатлѣнія, забывается легко. Каждый можетъ спросить у себя, какъ выучилъ онъ то, что знаетъ въ географіи и хронологіи? и каждый увидитъ, что оставшееся въ памяти не отъ школьныхъ уроковъ сбереглось. Когда разговоръ или нужное

дѣло заставить привести годъ или мѣсто, то мы стараемся припомнить его отдѣльно отъ всѣхъ неотносящихся къ нему фактовъ, которыми онъ часто об-
становленъ и такимъ образомъ даемъ памяти точку опоры, около которой нужные факты сберутся. Вѣроятно, не найдется двухъ особъ, равно въ географіи свѣдущихъ, которыя бы одинакимъ образомъ устроили связь своихъ идей, для пріобрѣтенія этой науки. Разбирая то, что въ насъ самихъ происходитъ, можно найти способъ преподаванія не тяготящій напрасно память дѣтей. Нѣкоторыя отношенія къ землѣ уже знакомой, къ историческому происшествію насъ поразившему, къ извѣстному лицу, образуютъ связь и помогаютъ памяти. Надобно стараться чтобы замѣтныя хронологическія черты, и общія мѣста географіи, соединились съ подробностями историческими: тогда ничто изъ этой связи не забудется, ландкарта

напомнить длинный рядъ фактовъ и время.

Осуждаютъ механическіе способы возбуждать память: правда, они достойны презрѣнія, когда служатъ для выставки подложныхъ свѣденій, но когда ими укрѣпляютъ память и употребляютъ какъ нить для свободнаго перехода по лабиринтамъ, то они могутъ сдѣлаться весьма полезны.

Сочиненіе Грая подъ заглавіемъ: *техническая память*, представляетъ многія средства, изъ коихъ можно выбрать удобнѣйшій. Баллада, въ которой воспѣты всѣ наши короли по порядку, также стоитъ вниманія: пѣсню забыть трудно. — Подобную мысль можно приложить и къ другимъ предметамъ.

Когда дѣти уже на возрастъ, то можно употреблять ученія механическія средства. Біографическія таблицы Пристлея помогаютъ дѣтямъ въ трудахъ ихъ. Потому же плану, можно повѣсить въ

ихъ горницу множество другихъ таблицъ, гдѣ бы имена собственные очень рѣдко были написаны и гдѣ бы ученикъ самъ наполнялъ пустыя мѣста.

Г-жа Радклифъ, въ путешествіи своемъ по Германіи, рассказываетъ, что осматривая замокъ Эрцгерцогини Маріи Христины, она увидѣла на столѣ въ ея комнатѣ разложенную карту. Это былъ театръ войны и разныя позиціи всѣхъ войскъ обозначены были на ней разноцвѣтнымъ воскомъ. Можно понять, что живое участіе, которое принцесса принимала въ военныхъ дѣйствіяхъ, помогло механическому средству изобрѣтенному для яснаго ихъ изображенія, и навсегда врѣзало ихъ въ ея памяти.

Многія особы стали заниматься географіей со времени теперешней войны. Отъ учителя зависитъ возбудить интересъ къ этой наукѣ. Медали, статуи, картины, все можетъ служить механическимъ пособіемъ, и надобно пользо-

ваться минутой пробужденнаго вниманія, чтобы направить охоту къ этой наукѣ.

Для преподаванія географіи, я предпочитаю глобусъ ландкартамъ. Можно начертить полушаріи на клееной тафтѣ, повѣсить надувши ее шарами въ комнату и дать оси земной истинное ея наклоненіе. Когда широта и долгота обозначены на шарахъ, то дѣти могутъ сами рисовать очерки земель на цѣломъ пространствѣ; сперва главные очерки, потомъ рѣки, цѣпи горъ, главные города. Это будетъ вдвойнѣ полезно и для изученія географіи и для изощренія вниманія, котораго употребленіе въ работахъ ручныхъ всегда пріятно дѣтямъ.

Между тѣмъ, всѣ механическіе способы могутъ быть полезны для скорѣйшаго пріисканія, въ нужномъ случаѣ, пріобрѣтенныхъ уже свѣденій; замѣтитъ же самую науку, они не могутъ. Наука

есть плодъ обдуманнаго ученія. Причи-
ны благоденствія и упадка царствъ ,
успѣхи ума человѣческаго, и великія
открытія геніевъ, вотъ истинныя коль-
цы исторической и политической цѣпи
всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ.

ГЛАВА XV.

ОВЪ АРИΘΜΗΤΙΚΩ.

Почитають дуракомъ того , кто не можетъ понять, что дважды два четыре. Но это часто случается съ дѣтьми при первомъ ихъ ариѳметическомъ урокъ. Частица *жды*, употребленная тутъ совсѣмъ въ новомъ смыслѣ, смущаетъ ихъ разсудокъ и мѣшаетъ понятія. Два и два четыре, было бы для нихъ яснѣе; но чтобы постигнуть совершенно это, по видимому столь простое предложеніе, надобно чтобы дитя узналъ отношеніе чиселъ къ настоящимъ предметамъ.

Дитя тогда не понимаетъ, когда не

умѣютъ ему порядочно растолковать. Съ умными и живыми дѣтьми труднѣе, нежели съ посредственными: эти учатъ по слуху, навыку, наизусть и, кажется, успѣхи ихъ быстрѣе, но имъ не наука дается, а простое механическое упражненіе, изъ котораго они получаютъ нѣкоторые выводы, безъ всякаго размысленія.

Опытъ доказалъ, что многіе дѣти по видимому совсѣмъ не способные къ ариѳметикѣ, вдругъ сдѣлались понятливыми, когда съ ними перемѣнили методъ. Іоаннъ Лудвигъ, Саксонской крестьянинъ, вышелъ изъ школы послѣ четырехъ лѣтънаго ученія и не зналъ вовсе ариѳметики, не смотря на всѣ старанія учителя и на всѣ перенесенныя наказанія. Нѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ деревнѣ работникомъ, вдругъ особенный случай пробудилъ въ немъ честолюбіе; онъ сталъ учиться ариѳметики по одной книжкѣ, которую удалось ему достать. Въ те-

ченіе года прошелъ онъ четыре первыя правила, тройное правило и дроби. Потомъ сталъ учиться геометріи и сдѣлался знаменитымъ, благодаря своему терпѣнію и настойчивости.

Любопытно знать, какая книга такъ ясно проложила ему дорогу. Вообще Ариѳметическіе курсы писаны для учителей, а не для учениковъ. Мы не открыли еще ни одного краткаго руководства къ этой наукѣ и слѣдовали съ нашими дѣтьми обыкновенному плану всѣхъ нашихъ ученій, т. е. не утомляли воспитанниковъ своихъ и не позволяли имъ довольствоваться словами, которыхъ они не понимаютъ.

Преподавая Ариѳметику надобно предохранять разумъ отъ привычки вѣрить не разбирая, соединять удовольствіе съ упражненіемъ вниманія и заставить ученика желать успѣховъ.

Какъ скоро ребенокъ выучился читать, можно выучить его считать и со-

ображать числа съ вещами сочтенными. Такъ напр. когда дитя понялъ, что одно яблоко и одно яблоко, составляютъ два яблока, ему можно показать цыфру 2, которая значить одинъ, и одинъ, и такъ далѣе. Во всѣхъ дѣйствіяхъ ариметики надобно переходить отъ видимыхъ вещей къ условнымъ знакамъ ихъ представляющимъ.

Искусство образовать умъ ясный и точный, состоитъ въ разочтенномъ соединеніи фактовъ и разсужденій. Докторъ Рейтъ очень справедливо удивляется мудрости природы, ограничившей въ дѣтяхъ способность разсуждать. Дѣтскій возрастъ есть время развитія тѣлесныхъ органовъ; пока они не укрѣпятся, не должно преждевременно развивать сѣмена разсудка. Это рѣдко безнаказанно проходить.

Когда мы говорили о дѣтскихъ игрушкахъ, то совѣтовали лучше давать дѣтямъ правильныя деревянныя фигу-

ры, нежели грубыя изображенія животныхъ и людей. Можно, для наученія ариѳметики, употребить съ пользою маленькіе кубы въ полвершка: ручки дѣтей легко съ ними управятся, глазъ окинетъ вдругъ достаточное количество, ихъ можно собирать и соображать многими различными способами, и разумъ нечувствительно привыкнетъ не только къ соображенію ихъ количества, но и къ фигурѣ. Названія употребляемыя въ послѣдствіи, когда придется учить квадраты и кубы, знакомы уже уму и, нѣкоторымъ образомъ, приготовили его къ ясному понятію.

Первые уроки всегда должны не долго продолжаться. Для начала довольно дощечки разчерченной шахматами, на которую ставятъ кубы различныхъ цвѣтовъ; на кубахъ можно какъ на костяхъ которыми играютъ, поставить цифры.

Одинъ и одинъ, называются два, скажете вы ребенку. — «Чего два? Два

куба. Одна рюмка и одна рюмка называются двѣ рюмки. Одна изюменка и одна изюменка называются двѣ изюменки. Одинъ кубъ и одна изюменка называются какъ? — Ребенокъ молчитъ. — «Называются двѣ вещи или просто два.»

Такимъ образомъ дитя понимаетъ отвлеченное значеніе слова: два. Тотъ же ходъ, при томъ же пособіи кубовъ, постепенно покажетъ сколькимъ разнымъ соображеніямъ подлежать девять первыхъ знаковъ. Въ то же время выучится онъ нечувствительно вычитать простыя цифры. Надобно чтобы умъ, глазъ и ухо упражнялись вмѣстѣ и потому, чтобы видимые предметы и знаки попеременно другъ друга смѣняли. Четырехъ лѣтній ребенокъ въ шесть мѣсяцевъ легко можетъ привыкнуть ко всемъ соображеніямъ этаго перваго десятка.

Надобно изъяснить понятнымъ образомъ ребенку ту часть ариметики, ко-

торую называютъ нумераціей. Дѣти не замѣчая, каждый день соединяютъ разные предметы въ одно собирательное число. Множество деревьевъ вмѣстѣ называется рощей; множество скотинъ, стадомъ: это одно *цѣлое*, не рассматривая отдѣльных предметовъ его составляющихъ. Этимъ замѣчаніемъ можно растолковать ребенку, что десять есть одно *цѣлое*, и онъ пойметъ десятокъ также, какъ понялъ единицу. По мѣрѣ того, какъ будетъ выучивать счетъ до ста, онъ увидитъ, что двадцать, тридцать, сорокъ, значать два десятка, три десятка, четыре десятка; такое открытіе ему понравится и сдѣлаетъ пріятнымъ малый трудъ его. Можно, напр. всѣ единицы означать черными камышками, десятокъ будетъ бѣлый и его пусть отложить въ сторону. Десять разъ повторенное тоже дѣйствіе, составить сотню; ее отличимъ мы краснымъ камушкомъ. Тутъ цвѣтъ обозначаетъ

отличіе; вмѣсто цвѣта можно будетъ поставить знакъ. Въ Римскихъ цыфрахъ на примѣръ Х значитъ десять; L пятьдесятъ; C сто, и т. д. Все это очень понятно шестилѣтнему ребенку, и поможетъ ему понять цѣну знака по мѣсту, которое онъ занимаетъ. Тѣмъ же способомъ изъяснить можно десятиричную АриѦметику: легко понять, что берутъ тѣ же самыя единицы для обозначенія десятковъ, сотенъ и пр. Это точно также будетъ понятно, какъ измѣненіе цѣнности цыфръ отъ одного мѣста къ другому.

Сложеніе не затруднить ребенка, знакомаго со всѣми этими измѣненіями: однакожъ безпрестанно должно стараться, чтобы не утомить его. Вычитаніе еще легче понимается; тутъ изъяснить нужно только великую тайну займа у сосѣднихъ цыфръ. Вы задали на пр: 46 вычесть изъ 94-хъ. Онъ знаетъ, что 94 больше сорока шести слѣдовательно сум-

му вычесть можно, но какимъ образомъ вычесть шесть изъ четырехъ? Можно вынуть шесть изъ четырнадцати, и потому стоитъ только занять десятокъ у сосѣдней цыфры, въ которой останется уже восемь десятковъ; и чтобы этаго не забыть, надобно перечеркнуть цыфру 9 и поставить внизу 8; такъ совѣтуетъ Камусъ, въ своей математикѣ. Со временемъ не нужно будетъ прибѣгать къ этой вспомогательной мѣрѣ.

Что же касается до умноженія, то непременно надобно твердо выучить наизусть таблицу умноженія. Кто-то выдумалъ сложить изъ этой таблицы пѣсню, и эта мысль мнѣ нравится. Всѣ техническія средства облегчить работу памяти хороши, когда не вредятъ уму. Когда ребенокъ учитъ таблицу, можно дать ему въ тоже время понятіе о квадратахъ чиселъ, и растолковать, что умноженіе есть только сокращенное сло-

женіе, множитель представляетъ сколько разъ повторить заданную сумму.

Тройное правило преподается обыкновенно самымъ простымъ, техническимъ образомъ. Безспорно, выучивши его, такъ можно прикладывать ко всему нужному, но наше главное стараніе состоитъ въ доставленіи здраваго разсудка и привычки мыслить при всякой наукѣ. Съ этой цѣлью, мы заставимъ сперва прибѣгнуть къ собственному разуму для рѣшенія задачи, а потомъ покажемъ, какъ выгодно можно помочь себѣ наукой, уже придуманной другими.

Когда покупаемъ что нибудь, то безпрестанно прибѣгаемъ къ тройному правилу. Три аршина матеріи по шеллингу, т. е. если одинъ аршинъ стоитъ шеллингъ, сколько три? Покуда первое число единица, задачу рѣшить легко, но если спросить у ребенка, сколько нужно яблокъ девяти мальчикамъ, предполагая, что двѣнадцати яблокъ довольно для

трехъ, — то ребенокъ вѣроятно задумается. Вы спросите тогда: почему онъ узналъ цѣну трехъ аршинъ матеріи? потому, будетъ отвѣчать онъ, что я зналъ цѣну одного аршина. — Следовательно, еслибы ты зналъ, сколько одному мальчику нужно яблокъ, то могъ бы отвѣчать? — Конечно. — «Тремъ мальчикамъ досталось двѣнадцать яблокъ, по скольку же каждому? — по четыре яблокъ. — Сколько же нужно для девяти? — девять разъ четыре, то есть тридцать шесть!»

Довольно этихъ примѣровъ для разумнаго воспитателя. Мы просимъ только не обременять памяти дѣтей многосложными задачами, а давать задачи простыя, взятыя въ томъ, что ихъ самихъ занимаетъ. Если въ присутствіи дѣтей, большіе рѣшаютъ какія нибудь не трудныя задачи, то дѣти великое принимаютъ въ томъ участіе; вообще все, что пріобрѣтаютъ они въ разговорахъ

общества, не забывается и служить весьма къ развитію ихъ разума.

Всякое изъясненіе требуетъ частыхъ повтореній: самые умные дѣти забываютъ легко, особливо вещи отвлеченныя, не входящія въ обыкновенныя обстоятельства жизни. Истинная драгоцѣнность науки есть логическая связь мыслей, доводящая до всякаго доказательства. Тройному правилу во всякомъ возрастѣ можно научиться, но когда органы созрѣли и лишились своей первой гибкости, привычка разсуждать уже не пріобрѣтается: ее надобно взять въ младенчествѣ и укрѣплять всякой день воспитаніемъ.

ГЛАВА XVI.

О ГЕОМЕТРИИ.

Нѣтъ большой дороги, которая вела бы къ познанію Геометріи, но можно приготовить разумъ такъ, что дорога къ ней ведущая покажется легкою и пріятною. Путешественнику не можетъ нравиться та страна, которой языка онъ не знаетъ и гдѣ по неволѣ разтерянъ между незнакомыми предметами. Нашъ воспитанникъ долженъ привыкнуть къ правильному и сжатому сужденію, потому и будемъ учить его Геометріи; постараемся не отвратить его скукой на первыхъ шагахъ. Пусть они будутъ какъ только можно, пріятны и не трудны.

Мы совѣтывали уже дать младенцамъ нашимъ играть правильными фигурами. Всѣ математическія фигуры съ ихъ названіями пусть будутъ имъ извѣстны. Деревянные модели и металлическія фигуры могутъ ощутительно доказать всякое Геометрическое предложеніе. Въ пользу таковыхъ фигуръ нельзя сомнѣваться.

Въ дальнѣйшемъ воспитаніи не должно упускать того, что память пріобрѣла въ младенчествѣ играми. Каждый день пользуйтесь всякимъ представляющимъ случаемъ, дабы прибавить что нибудь къ пріобрѣтеннымъ началамъ, и если склонность вашего воспитанника тому поможетъ, то ему легко будетъ сдѣлаться, современемъ, хорошимъ математикомъ. Если же не сдѣлается математикомъ, то привыкнетъ останавливать вниманіе свое и разсуждать логически, а это главное. Скажемъ еще, что мы замѣтили, что занятіе, съ раннихъ лѣтъ, математикой, нисколько не вредитъ раз-

вѣтїю воображенїя. Двѣнадцати-лѣтняя дѣвочка весьма легко понимала всѣ Геометрическія доказательства, а воображеніе ея было чрезвычайно живое, пылкое, изобрѣтательное.

Мы научили воспитанниковъ нашихъ понимать происхожденіе фигуръ точками и поверхностями, движущимися въ различныхъ направленїяхъ и съ различной скоростью. Напрасно думаютъ, что эти выдуманная опредѣленїя тяжелая работа для дѣтей; имъ это прїятно, а въ послѣдствїи весьма полезно для изученїя чистой математики, механики и астрономїи. Нельзя требовать постояннаго вниманїя къ математикѣ, отъ того молодаго человѣка, который не былъ къ ней постепенно приготовленъ.

Первое, чего требуютъ отъ разума юноши входящаго на поприще математики, есть безусловная вѣра, что точка, которую ему на бумагѣ показываютъ, не имѣетъ ни длины, ни широты, ни глубины. Док-

торъ Беддокъ опровергъ съ успѣхомъ это безрасудное понятіе; конечно слова *точка*, *лучь*, и другія, принадлежать видимымъ предметамъ; но слово *центръ* можетъ дать идею совершенно не зависимую отъ всякаго видѣнія и протяженія. Мѣсто, гдѣ скрещаются двѣ линіи, гдѣ сходятся радіусы круга, можетъ не быть изображено видимымъ образомъ. Разумъ очень ясно пойметъ центръ безъ долготы, широты и глубины. Также и конечную линію можно вообразить безъ глубины. Впрочемъ этотъ предметъ еще не рѣшенъ и споры Берклея, Робина, Ватсона доказываютъ, что и не легко рѣшать его. Я не намѣренъ приводить авторовъ за ту или другую сторону, но желаю только предохранить воспитанника отъ безусловной вѣры, въ предложеніе, что черная точка, которую ему показываютъ на бумагѣ, не имѣетъ пространства. Надобно также заставить его думать, что можно понимать долготу

безъ широты, и поверхность безъ глубины: эти выраженія сами посебъ даютъ понятія точно такія же ясныя какъ имена видимыхъ предметовъ, которыхъ разстояніе, цвѣтъ, тѣнь, теплота и пр. измѣняются до безконечности, и которые не могутъ подлежать никакому опредѣленію.

ГЛАВА XVII.

О МЕХАНИКѢ.

Нѣтъ науки, которая бы болѣе механики привлекала дѣтей и болѣе соответствовала ихъ способностямъ, между тѣмъ изученіе механики рѣдко входитъ въ составъ первоначальнаго воспитанія. — Всѣ говорятъ о рычагахъ, о клинахъ, о блокахъ: всякой чувствуетъ недостаточность своихъ свѣденій, когда дѣло коснется до ихъ употребленія и, только побужденные нуждою, начинаемъ мы стараться пріобрѣтать болѣе положительное о томъ познаніе.

Публичныя курсы механики приносятъ весьма мало пользы слушателямъ, не

отъ того, чтобы трудность рѣшаемыхъ задачъ и опытовъ, требовали глубокаго знанія геометріи и математики, но отъ того, что профессоръ говоритъ на языкѣ незнакомомъ. Чтобы слѣдовать безъ труда за его доказательствами, нужно знать точный смыслъ cadaго слова, нужно чтобы каждое употребленное выраженіе возбуждало мгновенно въ умѣ слушателя всѣ связанныя съ нимъ понятія. Эта быстрота соображеній пріобрѣтается только навыкомъ и надобно совершенно ознакомиться съ техническими выраженіями науки для того, чтобы преподаваніе не осталось безъ пользы.

Каждый шагъ въ сферѣ механики сопровождается отступленіемъ отъ обыкновеннаго разговорнаго языка. Если на пр. стануть объяснять дѣйствіе рычага, то непременно должно употребить слова: *пространство* и *время*. Не знающему механики, смыслъ этихъ словъ кажется весьма простымъ. Подъ сло-

вомъ пространство онъ представляет себѣ извѣстной величины промежутокъ; подъ временемъ, извѣстное число лѣтъ, мѣсяцовъ или дней, часовъ, минутъ. Кто изучалъ Лока или другихъ метафизиковъ, и начинаетъ заниматься механикою, того долженъ поразить обширный смыслъ этихъ двухъ словъ. Отвлеченное значеніе ихъ представляется уму, останавливаетъ вниманіе и путаетъ мысли. Профессоръ продолжаетъ лекцію не предполагая даже, чтобы такія простыя слова могли кого нибудь затруднить. Онъ разумѣетъ подъ пространствомъ разстояніе одной точки, отъ которой тѣло начинаетъ двигаться до другой, гдѣ движеніе его прекращается; подъ временемъ, извѣстное число секундъ, или другихъ общихъ дѣленій времени, проходящихъ пока совершается движеніе. Частое употребленіе этихъ двухъ словъ, дѣлаетъ ихъ для всѣхъ понятными, но все, что было сказано прежде, нежели смыслъ ихъ объяснилъ-

ся, потеряно для слушающихъ. Очевидно, что затрудненіе возрастаетъ, если въ самомъ началъ преподаванія представляются вдругъ десять или двѣнадцать незнакомыхъ выраженій.

Все сказанное нами о публичномъ преподаваніи, можно отнести и къ частному воспитанію; вѣроятно многіе проходившіе курсы физики отъ того единственно мало ее знаютъ, что безъ вниманія оставляли предварительное опредѣленіе начальныхъ словъ. — Разговоры съ дѣтьми могутъ служить самымъ полезнымъ приготовленіемъ; разтолкуйте имъ свойство, употребленіе, составленіе всѣхъ орудій, служащихъ для нуждъ вседневной жизни. Пользуйтесь всякимъ (безпрестанно являющимся) случаемъ, называйте предметы техническими терминами науки, и такимъ образомъ нечувствительно приготовите ихъ къ изученію самой науки. Два мальчика на пр: качаются на доскѣ, приведенной въ

равновѣсіе:— можно объяснить какъ перевѣсъ одного надъ другимъ зависитъ отъ большаго или меньшаго разстоянія отъ центра движенія, или точки опоры.— Они хотятъ сдвинуть съ мѣста тяжесть превышающую ихъ силы.— Можно имъ показать употребленіе и выгоды рычага.— Также легко поймутъ они употребленіе *клина*, если оно принаправлено будетъ къ ихъ нуждамъ или удовольствіямъ. Эти первоначальныя свѣденія облегчаютъ имъ путь къ наукѣ, а первые успѣхи возбуждаютъ охоту къ продолженію.

Руссо, доказывая необходимость соединить понятія съ словами, доводитъ это правило до крайности, пренебрегая нѣкоторымъ образомъ знаніемъ словъ и обращая все вниманіе на изученіе вещей. Ребенокъ, изучившій практически какое нибудь ремесло и не узнавшій ни одного изъ названій выражающихъ отвлеченныя, общія понятія, былъ бы не въ состояніи изъяснять свои мысли, прини-

мать отвлеченныя идеи другихъ и извлекать изъ общихъ правилъ полезный выводъ. Все равно еслибы на пр: человекъ, не знавшій Алгебраическихъ формулъ, хотѣлъ рѣшить задачу съ трудными вычисленіями, помощью одной Ариѳметики.

Сообщая ученику эти новыя, техническія выраженія, нѣтъ надобности сохранять обыкновенный порядокъ соблюдаемый при преподаваніи науки. Изученіе есть рядъ разсужденій, разсужденіе въ свою очередь есть рядъ многихъ предложеній между собою связанныхъ, по этому въ наукѣ необходимъ извѣстный порядокъ; но въ простомъ толкованіи нѣкоторыхъ словъ порядокъ не нуженъ. Важно только то, чтобы новое слово вводилось тогда, когда возбуждено вниманіе и любопытство. Это дѣло наставника, а такія минуты часто встрѣчаются. Положимъ на примѣръ, что въ домѣ испортился колодезь; его надобно поправить.

Мастеръ вынимаетъ изъ деревяннаго насоса, длинный желѣзный пруть, наконцъ котораго находится поршень. — Ребенокъ спрашиваетъ имя и употребленіе незнакомыхъ ему вещей: ему показываютъ дѣйствіе клапановъ, даютъ самому испытать его въ кадкѣ съ водою и по мѣрѣ, какъ возрастаетъ любопытство, показываютъ механизмъ всей машины и изъясняютъ, почему вода проходя чрезъ поршень, должна подыматься въ насосъ.

Всякой разъ, когда въ домѣ есть какая нибудь поправка, дѣти должны ее видѣть. То, что всѣхъ старшихъ занимаетъ, обращаетъ на себя всегда ихъ вниманіе, а ученіе, соединенное съ дѣйствіемъ, есть самый вѣрный способъ научить. — Испортился замокъ? его отвинтили; дайте его въ руки вашему воспитанику; пусть онъ разсмотритъ всѣ главныя части, которыя назовете ему ихъ именемъ; пусть онъ разсмотритъ

все и получить ясное понятіе о дѣйствіи пружинъ. Такимъ образомъ онъ привыкнетъ смотрѣть со вниманіемъ и любопытствомъ на всѣ машины служащія ежедневному употребленію, а знаніе техническихъ названій будетъ ему полезно въ тысячи случаяхъ его жизни.

Карандашъ, линейка и первыя понятія рисованья необходимо помогаютъ ребенку въ этой части его ученія. Давайте ему рисунки разныхъ машинъ, начиная отъ самыхъ простыхъ и переходя постепенно къ сложнымъ. Отъ одной фигуры къ другой переходить не прежде, какъ когда уже онъ совершенно понялъ первую. Здѣсь онъ узнаетъ что такое разрѣзъ, профиль, планъ, взглядъ съ верьху и пр. и пр. Вниманіе, съ которымъ ребенокъ разсматриваетъ различныя фигуры машинъ, стараніе переложить ихъ на бумагу, чрезвычайно полезны для развитія умственного.

Въ рисункахъ изображающихъ части машинъ или профили машинъ и зданій, нѣкоторыя части ихъ скрыты: ихъ можно понять по разрѣзу, или по отношенію, существующему между цѣлью машины и средствами употребляемыми къ достиженію цѣли. Въ рисункахъ перспективныхъ, умъ дѣйствуетъ обратно; — онъ долженъ принимать поверхности и линіи такъ, какъ онъ представляются глазу, не обращая вниманія на разстояніе; должно забыть на время знаніе, пріобрѣтенное опытомъ, и видѣть какъ видѣть ребенокъ, въ первой разъ открывшій глаза. — Кто привыкъ рисовать перспективу, тотъ можетъ какъ скоро захочетъ, смотрѣть на природу какъ на картину. Привычка схватывать перспективу предметовъ, переносить на одинъ планъ линіи идущія въ самыхъ сложныхъ и различныхъ направленіяхъ, весьма способствуетъ къ изученію механики. Познакомившись съ рисунками изо-

бражающими перспективу разрыва и профилей, ученикъ легко постигаетъ механизмъ самой сложной машины и можетъ слѣдить за самыми ея дѣйствіями. Шумъ, движеніе, многочисленность и сложность частей, большіе размѣры нѣкоторыхъ машинъ затрудняютъ ихъ анализъ. Изъ рисунковъ же можно легко понять ихъ устройство и назначеніе. Рисунки много помогаютъ изобрѣтательности; кто умѣетъ чисто и правильно начертить выдуманную имъ машину, тотъ выигрываетъ много времени и сберегаетъ труды свои.

Разговаривая о механикѣ, должно стараться, чтобы ученикъ вашъ составилъ себѣ вѣрное понятіе о пространствѣ и времени въ томъ смыслѣ, въ какомъ принимаетъ ихъ механика. Эти два слова, затрудняющія сначала всякаго, встрѣчаются на каждомъ шагу въ задачахъ и объясненіяхъ, то порознь, то въ извѣстномъ взаимномъ соотноше-

ніи. Приучивъ ребенка видѣть пространство между двумя точками, отвлекая его отъ всѣхъ предметовъ раздѣляющихъ, должно, въ примѣрахъ для него доступныхъ, дать ему понятіе о сравненіи пространства съ временемъ. Положимъ, онъ смотритъ на вѣтреную мельницу. Вы спрашиваете: Сколько оборотовъ дѣлаетъ она въ минуту! — «Незнаю! надо счесть!» — «Хорошо; я буду смотрѣть на часы, а ты считай.» — Послѣ этаго опыта вы замѣтите ему, что часть крыла, которая ближе къ центру, обращается тише, нежели оконечность, «Однакоже, прибавите вы, она дѣлаетъ столькоже оборотовъ, сколько и оконечность крыла» — «Правда; но она не такъ скоро вертится.» — Почему? — Потому, что кругъ ея меньше,» — Это значитъ, что оконечности крыльевъ пробѣгаютъ въ то же время большее пространство, нежели части ближайшія къ центру.

Такимъ образомъ въ головѣ ребенка

родится понятіе о скорости. Свѣденія его въ ариѳметикѣ послужать ему къ тому, чтобы выражать, посредствомъ чиселъ, различныя *скорости*, происходящія изъ разныхъ отношеній времени и пространства. Отвлеченное значеніе послѣдняго слова нисколько его не затруднить. Онъ всегда видѣлъ пространство измѣряемое на бумагѣ, на деревѣ, на землѣ, въ воздухѣ, потому это слово возбуждаетъ въ немъ понятіе о разстояніи между двумя предметами видимыми или воображаемыми.

Значеніе слова *моментъ* (*momentum*), употребляемаго часто въ механикѣ, также можетъ быть объяснено примѣрами. Вотъ разговоръ мой нынѣшнимъ утромъ, съ мальчикомъ десяти лѣтъ именно по случаю этаго слова. «Я спросилъ, знаетъ ли онъ, что значитъ моментъ? — онъ отвѣчалъ, что это значитъ *сила*.» Что понимаешь ты подъ сплюю? — «Усиліе.» — «Усиліе чего?» —

Тяготѣнія. — «Подъ тяготѣніемъ ты понимаешь стремленіе всѣхъ тѣлъ къ центру земли?» — Нѣтъ. — «Какъ ты думаешь, можетъ ли перо, летя съ величайшей быстротою, опрокинуть домъ?» — Нѣтъ, не можетъ. — «А гора двигаясь очень медленно?» — Думаю, что можетъ.

Послѣ такого разговора, ученикъ можетъ понять дѣйствіе *момента* встрѣчею или столкновеніемъ различныхъ тѣлъ, или усиліемъ одного тѣла противъ нѣсколькихъ тѣлъ; различіе между движеніемъ однообразнымъ и ускоряющимся; сложныя движенія происходящія отъ нѣсколькихъ толчковъ данныхъ съ разныхъ сторонъ; дугу, которую описываетъ брошенное тѣло. Все это кажется слишкомъ труднымъ и сложнымъ для дѣтей, но мы на опытъ узнали, что все это можетъ быть очень легко понято, если для объясненій и для примѣровъ, выбирать тѣ минуты,

когда въ нихъ возбуждено любопытство и желаніе пріобрѣсть свѣденія.

Мы имѣли обыкновеніе заставлять дѣтей нашихъ выдумывать различныя машины, для доказательствъ нѣкоторыхъ задачъ механики, какъ напр. ускоренія паденія тѣлъ, дѣйствія сложныхъ тѣлъ; и т. д. — Не вѣроятно какую это приносило имъ пользу и до какой степени малѣйшій успѣхъ возбуждалъ охоту къ ученью; все пріобрѣтенное такимъ образомъ глубоко врѣзывалось въ ихъ памяти и быстро развивало умственные способности.

Первыя доказательства не должны быть затруднены математическою точностію. Приложение геометріи къ механикѣ принесло ей, безспорно, неизмѣримую пользу: наши воспитанники со временемъ ее узнаютъ и усвоятъ себѣ всѣ важныя результаты; но сначала механика должна быть для нихъ игрою, занятіемъ, и вмѣстѣ ученіемъ

для развитія изобрѣтательной способности, для образованія разсудка и глазо-мѣра. Тутъ всѣ занятія дѣятельны; удовольствіе движенія, желаніе произвести что нибудь особенное, любопытство пробужденное и удовлетворенное, все служить возбужденіемъ и впечатлѣваетъ въ памяти результаты опытовъ.

Для этого у насъ изготовленъ аппаратъ, съ помощью котораго дѣти сами могутъ дѣлать всѣ нужные опыты; какъ напр. опытъ умноженія силъ, дѣйствіе рычага всѣхъ трехъ родовъ, вѣрота, блоковъ, наклонной плоскости, винта, и тутъ же принимаютъ въ соображеніе дѣйствіе тренія въ машинахъ. Главныя части этаго простаго аппарата состоятъ въ вертикальномъ цилиндрѣ, снабженномъ двумя колесами и рычагами. Это даетъ имъ возможность разнообразить опыты до безконечности, приводить въ движеніе ихъ силы, и служить

неистощимымъ источникомъ удовольствій. Предлагаемъ ввести это занятіе въ пансіоны и многочисленныя семейства: оно замѣнитъ съ пользою время отдыха, обыкновенно потерянное или дурно употребленное.

ГЛАВА XVIII.

О ЖИЗНИ.

Начиная давать дѣтямъ понятіе о химіи, должно выбирать тѣла, которыхъ главныя свойства легко отличить можно осязаніемъ, вкусомъ или обоняніемъ, и употреблять выраженія не требующія точнаго опредѣленія.

Мальчикъ, бѣгавшій по двору пока шелъ снѣгъ, подходитъ къ камину, чтобы согрѣться и обсохнуть; черезъ нѣсколько минутъ онъ замѣчаетъ, что платье его мокрое прежняго. Снѣгъ исчезъ, но вода течетъ совсѣхъ сторонъ. Спросите его, что случилось съ снѣгомъ и отъ чего онъ такъ вымокъ: онъ не

знаетъ. Положите снѣгу на блюдечко и поставьте къ огню, онъ увидитъ какъ снѣгъ превратится въ воду, и—пріобрѣтетъ такимъ образомъ понятіе о растопленіи (fusion).

Если въ морозный день вы выставите на воздухъ блюдечко съ водою, вода покроется сначала тонкою, ледяною коркою, потомъ совсѣмъ замерзнетъ. Вы приблизите блюдечко къ огню, ребенокъ увидитъ, что ледъ таетъ и пойметъ, что вода теряя теплоту становится льдомъ, а ледъ, сообщаясь съ теплотою, превращается опять въ воду.

Когда вы печатаете письмо, ребенокъ съ большимъ любопытствомъ наблюдаетъ за превращеніемъ твердаго тѣла въ мягкую массу и потомъ за возвращеніемъ въ прежнее состояніе твердости. Чтобы изъяснить себѣ это явленіе, онъ прикладываетъ къ нему свѣденія, полу-

ченныя прежде о дѣйстви теплоты на твердыя тѣла.

Положите кусокъ сахару въ чашку горячаго чаю: онъ скажетъ, что теплота растопила его. Повторите этотъ опытъ съ холоднымъ чаемъ и онъ увидитъ, что и въ этомъ сахаръ разсталъ. — Покажите ему разницу между химическимъ разложеніемъ и механическою смѣсью, т. е. смѣшеніемъ частицъ твердаго тѣла съ жидкостью. Онъ увидитъ, что вода смѣшанная съ мелкимъ пескомъ, нѣсколько времени остается мутною, потомъ мало по малу очищается и твердыя частицы падаютъ на дно. Напротивъ, распущенный сахаръ не мутитъ воды, и только по вкусу можно узнать въ водѣ присутствіе твердаго тѣла, съ которымъ она соединилась.

Вы спросите не знаетъ ли онъ какого нибудь средства, чтобы отдѣлить сахаръ отъ воды? — Онъ замѣчалъ, что вода во время кипѣнія подымается въ

видъ пара, и наконецъ испаряется такъ, что въ сосудъ воды не остаётся : это послужить ему къ отдѣленію воды отъ сахара; испаривъ воду посредствомъ кипяченія, онъ получитъ твердый сахаръ. Если бы не испаряя воды, онъ прибавилъ еще сахару, то замѣтилъ бы, что до извѣстной степени вода болѣе не принимаетъ его и сахаръ остается въ твердомъ видѣ; изъ этаго примѣра узналъ бы онъ, что такое *насыщеніе* (saturation).

Эти небольшіе и очень простые опыты даютъ дѣтямъ ясное понятіе о разложеніи, испареніи, и насыщеніи; тутъ не нужно ни формальныхъ уроковъ, ни химическихъ инструментовъ. Переходя отъ одного опыта къ другому, должно увѣриться, что ребенокъ совершенно понялъ первый опытъ; надобно дать уму время переработать принимаемую пищу.

Есть опыты опасные, ихъ надобно

запретить дѣтямъ, но есть много такихъ, которые они могутъ производить сами. Направляйте ихъ выборъ, для того, чтобы опытъ удался и успѣхъ поощрялъ къ новымъ наблюденіямъ. Одинъ изъ самыхъ легкихъ есть разложеніе камфоры въ винномъ спиртѣ. Если ребенокъ нальетъ въ этотъ растворъ воды, то вся жидкость сперва побѣлѣетъ, потомъ помутится—и наконецъ камфора осядетъ на днѣ стакана: это *отсѣдъ* (*précipitation*); назовите его по имени, какъ и всѣ прочія химическія операціи, для того, чтобы, узнавая процессы науки, ученикъ вашъ знакомился съ ихъ названіями. Изъясните тогда, что винный спиртъ распустилъ въ себѣ камфору въ слѣдствіе закона сродства, которымъ дѣйствуетъ на камфору, но какъ сродство спирта съ водою сильнѣе, то когда влили воды въ растворъ, тогда спиртъ покинувъ камфору, соединился съ водою. Кислоты и щелочно-

сти доставятъ также много любопытныхъ опытовъ, убѣдятъ въ законахъ сродства и покажутъ дивное присутствіе неизмѣнныхъ законовъ природы во всѣхъ химическихъ разложеніяхъ и соединеніяхъ.

Съ помощію кубика ученикъ вашъ узнаетъ, что нѣкоторыя тѣла летучѣе другихъ. Онъ будетъ слѣдовать за процессомъ перегонки и сублимированья; замѣтитъ, что при извѣстной степени жара, нѣкоторыя жидкости превращаются въ парь; узнаетъ употребленіе и теорію термометра.

Пусть онъ узнаетъ свойство кислотъ и щелочности: дайте ему отвѣдать и того и другаго для того, чтобы навсегда отличительный ихъ характеръ остался въ его памяти. Превращеніе голубыхъ растительныхъ цвѣтовъ въ зеленые, посредствомъ поташей и въ красные посредствомъ кислотъ, доставитъ ему нѣсколько пріятныхъ опытовъ.

Дайте ему общее понятіе о *соляхъ*, земляныхъ, щелочныхъ и металлическихъ. Покажите какъ вскипаетъ и шипитъ жидкость, отъ которой отдѣляется углетворная кислота, посредствомъ другаго, ближайшаго сродства. Забавляйте разложеніемъ мергеля и глины. Заставьте сдѣлать чернила, мыло. Покажите, что большая часть хозяйственныхъ операцій, есть ничто иное какъ химической процессъ, напр. готовить сыръ, масло, мѣсить тѣсто, варить пиво, и пр. и пр. Однимъ словомъ, ребенокъ, который это пойметъ, будетъ съ большимъ участіемъ и пользою смотрѣть на всѣ хозяйственныя производства, прежде не замѣченныя; въ немъ образуется привычка къ наблюдательности и дѣятельности ума, которая со временемъ дадутъ ему возможность увеличать массу человѣческихъ познаній и быть членомъ полезнымъ человѣчеству.

ГЛАВА XIX.

О ВОСПИТАНІИ ОБЩЕСТВЕННОМЪ И ЧАСТНОМЪ.

Спросятъ, назначенъ ли планъ нашего воспитанія исключительно для дѣтей, воспитываемыхъ родителями дома? Нѣтъ, онъ равно годится и для тѣхъ, которыхъ готовятъ къ общественному воспитанію. Дѣти, по большой части, посылаются въ школу, не ранѣе осьми или девяти лѣтъ. Слѣдуя нашему методу, они вступятъ туда не имѣя тѣхъ недостатковъ, въ которыхъ обыкновенно обвиняютъ учениковъ. Не очевидно ли, что трудъ наставниковъ былъ бы несравненно легче, если бы дѣти, ввѣряемые ихъ попеченіямъ, не имѣли ни

привычекъ къ лъни, ни наклонностей къ скрытности и лжи? Основываясь на опытѣ, можемъ увѣрить, что планъ воспитанія, здѣсь представленный, которому мы постоянно слѣдовали, въ общественномъ воспитаніи приготовить дѣтямъ блестящіе успѣхи, въ домашнемъ наградить счастливымъ результатомъ заботы и попеченія родителей.

Избѣгая всякой системы, мы здѣсь рассказываемъ только факты испытанные. Наука воспитанія еще далеко не доведена до совершенства. Предлагаемъ нѣсколько матеріаловъ собранныхъ долговременнымъ наблюденіемъ, и отнюдь не отваживаемся издавать полного кодекса. Злоупотребленія вездѣ въ глаза бросаются, ихъ указать легко. Недостатки нашихъ (*) общественныхъ школъ поражаютъ всякаго. Всѣ жалуются, что слишкомъ много времени

(*) Т. е. Англійскихъ.

употреблено на изученіе древнихъ языковъ; что обращаютъ мало вниманія на нравственность; что недостатокъ согласія въ видахъ между родителями и наставниками производятъ невольное противудѣйствіе родителей. Можно бы привести и еще другіе недостатки, но чѣмъ же замѣнить школы общественныя? Могутъ ли родители занятые ремесломъ какимъ, или торговлей, сами воспитывать дѣтей своихъ? — А тѣ, у которыхъ довольно свободнаго времени, всѣ ли способны дать хорошее воспитаніе? Сколько такихъ, которые желали бы передать попеченія о дѣтяхъ хорошему наставнику, но не имѣютъ способовъ заплатить ему? и сколько еще такихъ, которые съ хорошимъ достаткомъ не въ состояніи сдѣлать хорошаго выбора? А въ довершеніе, сколько видимъ родителей предпринимающихъ воспитаніе по одному чувству долга и довѣрчивости къ усердію своему, подъ конецъ

награждаемыхъ за всѣ мученья и заботы, одной горькой неудачей?

И такъ общественныя школы необходимы, не смотря на всѣ неудобства свои, но родители не должны ожидать, чтобы они образовали нравственныя привычки дѣтей ихъ. Для многихъ отцовъ общественное воспитаніе служить предлогомъ небреженія и безпечности. За чѣмъ же давать дѣтямъ какія нибудь привычки, говорятъ они, и до восьми лѣтъ учить ихъ чему нибудь? Въдь въ школъ все перемѣнится. — Школьная подчиненность является во время, для исправленія пороковъ растающихъ дѣтей. Они начинали родителямъ быть въ тягость. Ихъ отдаютъ въ школу и съ неудовольствіемъ предвидятъ заботы вакаціоннаго времени.

Родители такимъ образомъ разсуждающіе, врядъ ли были бы хорошими воспитателями. Мудрено, чтобы отецъ, ко-

торый до осьми лѣтъ почитаетъ сына своего неспособнымъ чему нибудь учиться, довершилъ успѣшно воспитаніе, съ самаго начала его бременившее. Сынъ его въ школахъ будетъ лѣнивъ, не радивъ, а можетъ стать и пороченъ.

Утверждаютъ, будто общественное воспитаніе измѣняетъ совершенно привычки и характеръ дѣтей. Но всѣ знаютъ какъ трудно искоренить привычки осьмилѣтняго мальчика. Ребенокъ, который въ домъ отца проводилъ время съ лакеями, въ совершенной праздности, врядъ ли полюбитъ ученье, когда ему придется учиться. Избалованный ребенокъ, которому все прежде покорялось, долженъ самъ покоряться силѣ, но склонность его къ властолюбію не уничтожилась: со временемъ онъ будетъ тираномъ и рабомъ, какъ и когда придется. Мальчикъ, пріученный съ младенчества цѣнить всѣхъ и все, только въ отношеніи къ себѣ, не въ школѣ на-

учится самозабвенію и великодушію. Онъ замѣтитъ скоро, что сила и хитрость властвують вездѣ больше, нежели разсудокъ; общественныя качества, которыя пріобрѣтетъ онъ столкновеніемъ страстей и выгодъ, скорѣе введутъ его въ разныя заблужденія и пристрастія, нежели научать любезности и свѣтскости.

Характеръ двадцатилѣтняго юноши зависитъ отъ того, чѣмъ онъ былъ въ десять лѣтъ, а десятилѣтній мальчикъ таковъ, какимъ сдѣлало его воспитаніе: въ домѣ отцовскомъ получаетъ онъ направленіе цѣлой жизни, рѣшающее дарованія его и характеръ. Желаемъ, чтобы эта истина привлекла на себя вниманіе. Положимъ, что всѣ дѣти входящіе въ школу осьми, десяти лѣтъ, воспитаны *хорошо* въ домѣ родителей; наставнику нечего истреблять; привычекъ къ лѣности, къ тупому невниманію, къ разсѣянности у нихъ нѣтъ, такъ

же какъ пороковъ нрава и капризовъ. Дѣти понимаютъ инстинктивно всѣ нравственныя связи общества: они снисходительны съ товарищами, и, во взаимныхъ отношеніяхъ, уважаютъ правила справедливости, къ которымъ приучены съ рожденія. Увлекаться духомъ партій противъ наставниковъ имъ трудно и не нужно; они не могутъ уничтожить въ себѣ чувства доброжелательства общаго, въ которомъ дома воспитаны.

Нельзя ожидать, чтобы всѣ родители вообще приготовили такимъ образомъ дѣтей своихъ, но если бы нѣскольکو десятилѣтнихъ мальчиковъ вошли въ общественное заведеніе съ правилами, которыя мы начертали, испытавши ихъ, то примѣръ этихъ дѣтей былъ бы чрезвычайно полезенъ. Не отличными свѣдѣніями были бы они замѣтны, но прямою характера, здравымъ сужденіемъ, способностью изобрѣтательной, привычкою къ прилѣжанію, умѣньемъ

примѣнять наблюденія и правила свои къ дѣлу. Въ испытаніи этихъ достоинствъ долженъ состоять экзаменъ десяти-лѣтняго мальчика: если онъ выдержитъ его хорошо, то успѣхи его на поприщѣ науки будутъ несомнѣнны: онъ также быстро перегонитъ дѣтей ушедшихъ далѣе обыкновеннымъ способомъ ученія на память, какъ великанъ перегоняетъ карлу его опередившаго. Облегчая ему возможность пріобрѣтенія науки вообще, можно частнымъ образомъ заняться ею. Готовя дѣтей въ общественныя школы, родители могутъ дома показать грамматику и первыя начала древнихъ языковъ. Если ученикъ далеко отсталъ отъ товарищей, то чувство униженія будетъ ему оскорбительно; между многими воспитанниками достоинства умственныя цѣнятся только по числу нѣкоторыхъ пріобрѣтенныхъ познаній.

Г. Френъ въ одномъ изъ сочиненій

своихъ объ алгебрѣ, говоритъ, что въ школахъ молодые люди судятъ о взаимномъ другъ друга достоинствѣ только по знанію Греческаго и Латинскаго языковъ. Когда послѣ встрѣчаются въ свѣтъ, то съ удивленіемъ видятъ, что лучшіе латинисты не всегда отличаются на избранномъ ими поприщѣ. Недостатокъ прочихъ необходимыхъ знаній, становится ощутителенъ и непріятенъ. Ариѳметику, напр. должно всегда преподавать еще въ родительскомъ домѣ и прежде вступленія въ школу. Ученіе ариѳметики даетъ разуму опредѣленность и весьма полезно живымъ и смѣливымъ дѣтямъ.

Доброе воспитаніе ребенка въ теченіи первыхъ девяти или десяти лѣтъ не очень замѣтно, сначала даже для взора наблюдателя, но въ состязаніи съ другими на школьномъ поприщѣ, разница будетъ скоро ощутительна, а черезъ нѣсколько лѣтъ, превосходство явится

разительно для всѣхъ. Можно сравнить дѣйствіе этаго перваго воспитанія съ красками Индѣйцевъ. Когда они кладутъ первый слой краски на матерію, то онъ едва примѣтенъ глазу, дѣйствіе времени, воздуха и свѣта ярко и блистательно измѣняетъ его.

Приготовляя дѣтей для ученія въ школахъ, надобно точно такое же заботливое попеченіе обратить на время ваканцій. Часто родители стараются пріобрести любовь дѣтей, устраивая для нихъ время ваканцій совершенно противоположнымъ съ тѣмъ, которое они провели въ школѣ. Въмѣсто того, чтобы заодно дѣйствовать съ учителемъ, они соперничаютъ съ нимъ; и мудрено же тому сохранить нужное вліяніе, когда съ нимъ борется чувство, которое онъ въ дѣтяхъ бережетъ самъ, и когда ему предоставлены одни только наказанія.

Праздность и свобода, вотъ главныя удовольствія дѣтей во время ваканцій.

Они чувствуютъ предвкушеніе той жизни, которую будутъ вести окончивъ курсъ науки, и только что привычка къ лѣни и разсѣянію опять овладѣетъ ими, ихъ опять отсылаютъ въ школы. Тотъ, кто понимаетъ трудность воспитанія, знаетъ, что успѣхъ зависитъ отъ постоянного содѣйствія людей и обстоятельствъ, въ теченіи многихъ лѣтъ. И гдѣ же найти наставника, котораго терпѣніе и преданность заставляли бы всякой разъ начинать снова все раздѣланное и уничтоженное родителями ?

Должно стараться сохранить единство цѣли въ воспитаніи и во время ваканцій разговорами, дать молодымъ людямъ возможность приводить въ дѣйствіе выученное, внушить почтеніе къ учителямъ и благодарность къ попеченіямъ наставника. Въ это же время можно показать неразуміе многихъ школьных предразсудковъ, и научить юно-

шей вѣрнѣе оцѣнивать людей и вещи. Они всѣ склонны къ пристрастію, и весьма легко привязываются или ненавидятъ. Духъ партій той школы, въ которой учатся, также вредить сужденію. Надобно, чтобы они привыкли давать себѣ отчетъ въ причинѣ любви своей, ненависти, мнѣнія. Разговаривая съ ними о томъ времени, которое осталось имъ провести въ школѣ, о будущемъ ихъ назначеніи, надобно внушить, что они не будутъ совершенно свободны, оставивши школу. Пусть они знаютъ, что *трудъ*, въ томъ или другомъ видѣ, есть непремѣнное, общее назначеніе человѣка, что уваженіе людей есть дань принадлежащая добродѣтели, или дарованіямъ и дѣламъ полезнымъ, что развить въ себѣ дарованія, или качества полезныя людямъ, можно однимъ только трудомъ, а счастье въ семъ мірѣ пріобрѣтается только уваженіемъ общимъ. Пусть примѣръ докажетъ имъ,

что трудъ и занятія, не вредятъ счастію; что люди самые дѣятельные, счастливыѣ другихъ, что скука неразлучна съ праздностью, что чѣмъ больше заняты люди, тѣмъ они счастливыѣ, и что минуты разсѣяннаго веселья, тогда только веселы, когда служатъ отдохновеніемъ послѣ труда.

Когда юноши получаютъ здоровое понятіе объ истинномъ назначеніи человѣка, и о способахъ быть счастливымъ, сдѣлавшись полезнымъ, то предупреждать этимъ, или умѣрять слишкомъ живое волненіе ихъ лѣтамъ свойственное, побуждающее ихъ жить только въ будущемъ и вздыхать о счастливой минутѣ освобожденія отъ цѣпей науки. И удивительно ли, что молодой человѣкъ вышедши изъ школы предается весьма возможнымъ излишествахъ и заблужденіямъ, когда онъ не имѣетъ никакого понятія о свѣтѣ и обществѣ? Всѣ его науки совершенно не согласны съ тѣмъ,

что ему встрѣчается въ обществѣ. Тамъ и не думаютъ объ этихъ герояхъ Греческихъ и Римскихъ, которыхъ онъ такъ уважаетъ. Онъ хочетъ почваниться своими свѣденіями и становится смѣшенъ и страненъ, потому что не умѣетъ скромностью дать цѣны своимъ познаніямъ. Онъ видитъ, что невѣжи, неучи правятся въ свѣтъ; слышитъ какъ ученыхъ называютъ педантами. — Новые знакомцы увлекаютъ его; страсти разгораются и ринувшись въ бездну разсѣянія, ученіе, школы, занятія, трудъ, все кажется ему ядомъ и мученіемъ, отъ которыхъ радъ, что избавился.

Воспитаніе нами предлагаемое и испытанное на дѣлѣ, не представляетъ никакой рѣзкой противоположности между эпохой ученія и жизнью молодого человѣка въ обществѣ. Одна стройно приготовляетъ по другой. Приобретенныя познанія годятся ему всегда во всѣхъ нуждахъ и случаяхъ жизни. Цѣль

честолюбія для него не измѣнилась. Его правила и дѣйствія совершенно между собою согласны. Юноша воспитанный въ школѣ и пренебреженный родителями не раздѣляетъ съ нимъ главной выгоды хорошаго воспитанія: бодрой вѣры въ будущіе успѣхи, почерпнутой въ благодарности за прошедшія попеченія, ревностнаго желанія оправдать надежды, наградить преданность отца все счастіе въ немъ положившаго. — Такая цѣль вѣрнѣе и благороднѣе всякой другой, и доступна душѣ великой и любящему сердцу образованнаго юноши.

ГЛАВА XX.

О ТАЛАНТАХЪ, МУЖИВЪХЪ ДОВИ- ЩАХЪ.

Недавно, одна уже не молодая оперная танцовщица, обратилась къ одному Англичанину, путешествующему въ Парижъ и просила его рекомендовать ее въ воспитательницы, или въ компаньонки, или въ учительницы въ какой нибудь знатный англійской домъ. Англичанинъ изъясвилъ удивленіе. «Чему же вы удивляетесь!» спросила танцовщица, развѣ у меня выговоръ не хорошъ! развѣ я дурно танцую, или не знаю музыки? Развѣ мало въ общеніи моемъ ловкости и пріятности? Чего же во мнѣ не достаетъ? «Но — въ Англіи. . . . надобно вамъ сказать, что

всякая мать очень заботится о нравственности, и поведеніи женщины — которой ввѣряетъ воспитаніе дѣтей своихъ. Станутъ освѣдомляться. О это незатрудненіе, отвѣчала танцовщица, я перемѣню имя.

Прежде нежели рѣшимъ основательны ли были требованья танцовщицы, и какія качества нужны для воспитательницы, посмотримъ истинную цѣну того, что называютъ талантами.

Спросимъ у матери, страстно желающей, чтобы дочь ея отличалась блестящими талантами въ свѣтъ что дала бы она для этого? Все на свѣтъ, восклицаетъ она не останавливаясь. — Стало быть, вы отдадите воспитаніе вашей дочери балетмейстеру, если увѣритесь, что тогда будетъ она лучшей танцовщицей въ цѣлой Англіи» — О! конечно нѣтъ, доброе имя дѣвушки и невинность ея, не входятъ въ сравненіе не съ какимъ талантомъ.» Но согласитесь ли вы напри-

мѣрь, что бы дочь ваша обладала въ высшей степени всѣми блестящими талантами, съ тѣмъ только условіемъ, что бы всю жизнь свою провела въ монастырѣ? » Какой вопросъ! Какъ можно предпочитать успѣхи тщеславія семейному счастью? И на что же ей таланты, если она не можетъ блистать ими въ свѣтѣ?» Хорошо! — Скажите теперь, неужели надежда, что дочь ваша восхититъ въ многолюдномъ концертѣ столы, всю лондонскую публику, заставитъ васъ въ теченіи цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ посвящать восемь часовъ времени на пріобрѣтеніе первостепеннаго таланта?

»Можетъ статься, слишкомъ дорого достанется отличный талантъ, если купить его этой цѣною. Но надобно признаться, что талантъ *отличный*, въ какомъ бы то ни было родѣ, есть важное пріобрѣтеніе. Отличную музыканшу приглашаютъ во всѣ лучшія общества. Безъ

красоты и богатства можетъ она надѣяться на выгодное замужство. Да и сама по себѣ, музыка такой усладительный источникъ наслажденій! Таланты самымъ пріятнымъ образомъ наполняютъ жизнь. Они предохраняютъ молодую женщину отъ праздности и привязываютъ ее къ дому. Вотъ для чего таланты истинно полезны.»

Вотъ обыкновенно какъ разсуждаютъ о пріобрѣтеніи талантовъ. Каждая приведенная причина стоитъ внимательнаго разбора.

За примѣрами далеко никому ходить не нужно. Пріятныя искусства вездѣ распространились, такъ что стоитъ посмотреть вокругъ себя. Между несчетнымъ множествомъ молодыхъ дѣвицъ, которыхъ учили музыки и рисованью, сколько найдемъ такихъ, которыя занимались бы живописью и музыкой, послѣ замужества?— Молодая женщина увидитъ тотчасъ, что ей нѣкогда играть на фортопіано и ри-

совать. Причина побуждавшая уже для нее не существуетъ. Уже не къ чему цѣлые четыре часа сряду играть на фортопіано для сохраненія легкости въ игрѣ, или пѣть для сбереженія голоса; никакого нѣтъ удовольствія играть и пѣть передъ людьми, которые тысячу разъ васъ слышали, похвала ихъ уже не одушевляетъ, трудъ превышаетъ награду. — Молодая музыканша можетъ любить музыку, тогда избавя себя отъ мученья твердить и скуки выставляться, она за деньги свои ѣдетъ въ концертъ и слушаетъ совершеннѣйшую игру въ мірѣ. Другія забавы, лѣнь, разсѣяніе, заботы, дѣти, мало по малу отучаютъ отъ искусства, въ которомъ постоянное упражненіе необходимо. Не хочется быть второстепенной тамъ, гдѣ прежде блистали превосходствомъ, и потому бросаютъ музыку, которой посвящено было нѣсколько лѣтъ жизни.

Женщины, съ успѣхомъ занимавшіяся

живописью, не такъ легко ее покидаютъ. Этотъ талантъ можетъ занимать пріятно не отнимая столько времени. Въ рисованьи успѣхи награждаютъ за прильжаніе, независимо отъ похвалы. Между тѣмъ признаться надобно, что выключая тѣхъ случаевъ, гдѣ дѣйствуетъ склонность, мудрено благоразумной женщины заниматься искусствомъ, если она не убѣждена, что оно полезно или пріятно тѣмъ, кому она желаетъ нравиться. Достоинство произведеній живописи или рисованья молодой дѣвицы, цѣнится всегда по сравненію съ произведеніями подругъ ея. Они, сравнительно, могутъ быть прекрасны, превосходны, но изъ ста ни одно не годится на выставку. Честолюбіе родителей удовлетворяется нѣсколькими картинками, которыя красуются зарамками въ гостиной. Учители не выходятъ изъ этой калѣи, а свѣтскія ученицы и не желаютъ переступить за нее. Есть конечно ис-

ключенія. Есть молодыя женщины, которымъ это искусство сдѣлалось любимымъ упражненіемъ, которыя далеко въ немъ успѣли, могутъ почитать его вѣрнымъ своимъ товарищемъ и доставлять пріятность друзьямъ своимъ. Но объ исключеніяхъ мы говорить не будемъ.

Какая бы ни была причина, но мы видимъ, что склонность къ живописи и музыкѣ проходитъ у дѣвушекъ, какъ скоро онѣ выходятъ за мужъ, это показываетъ что таланты эти не составляютъ упражненіе. Кажется будто и родители не соображаются въ этомъ случаѣ съ тѣмъ, что около нихъ происходитъ, и что имѣютъ въ виду не пользу дочерей, а другія, сокровенныя причины.

Многія матери, воспитывая дочерей, надѣются, что онѣ отличатся въ свѣтъ дарованіями блестящими, которыя послѣ красоты, всего болѣе нравятся въ свѣтскихъ обществахъ, и всего скорѣе до-

ставятъ дочерямъ *выгодную партію*. Мы предполагаемъ, что благоразумная мать называетъ *выгодною партіею*, замужство съ человѣкомъ достойнымъ, разсудительнымъ, благороднымъ. Спросите же, такого человѣка, что привязало его къ женщинѣ, отличной своими талантами? Игра ли ея на фортопіанахъ, красивыя ли движенія въ танцахъ, или изящество ея картинокъ? Всѣ такіе таланты можно, конечно, назвать пріятными украшеніями, но на-вѣрное не они рѣшили его выборъ; онъ даже не хочетъ считать ихъ въ числѣ качествъ отличающихъ жену его. Тысяча другихъ женщинъ обладаютъ такими же дарованіями, но они не сдѣлали бы ни малѣйшаго впечатлѣнія на его сердце.

Любопытно такъ же послушать, что объ этомъ предметѣ говорятъ женщины знающія свѣтъ. Г-жа Роландъ, не смотря на свои политическія мнѣнія, безспорно была женщина умная и опытная.

Книга, которую она писала въ ожиданіи близкой смерти, вѣроятно писана съ откровеннымъ убѣжденіемъ. Она рассказываетъ въ ней занятія свои въ тюрьмѣ и говоритъ о живописи и музыкѣ.

«Послѣ того я рисовала, говоритъ она, до самаго объѣда; я такъ давно бросила рисованье, что произведенія мои не очень были извѣстны, но всегда можно съ удовольствіемъ заниматься тѣмъ, что въ молодости нравилось и удавалось. Мнѣ кажется, что включая изящныя искусства въ воспитаніе женщинъ, должно имѣть цѣлью не столько блескъ отличнаго таланта, сколько желаніе внушить имъ любовь къ занятію, привычку къ терпѣливому вниманію и дать разнообразіе домашнимъ удовольствіямъ. Скука есть самая жестокая болѣзнь чловѣка въ обществѣ; избавившись отъ скуки предохраняли себя отъ всѣхъ гибельныхъ случайностей порока и опасности искушенія.

«Я не желаю, чтобы дочь моя была виртуозъ; помню какъ моя мать боялась, чтобы я не пристрастилась къ музыкѣ, или не посвятила себя живописи; она хотѣла, чтобы любила обязанности женщины, чтобы могла быть хозяйкой и матерью семейства. Я желаю чтобы моя Дора умѣла акомпанировать себѣ на арфѣ, играла бѣгло на фортопіано; чтобы она столько знала рисованье, сколько нужно, для того, чтобы смотрѣть съ наслажденіемъ на великія произведенія искусства, нарисовать цвѣтокъ, и успѣть одѣться со вкусомъ, изяществомъ и простою; желаю, чтобы таланты ея, такъ же мало внушали ей тщеславія, какъ другимъ удивленія; желаю, чтобы она никогда не поражала при первомъ взглядѣ, чтобы правилась гармоніей цѣлаго, чтобы привязывала къ себѣ сердечными качествами, а не пріятнымъ наружнымъ блескомъ.

Молодая дѣвица не можетъ предви-

дѣть, какія будутъ главныя склонности ея мужа, и потому не должна, слишкомъ рѣшительно располагать своими; ей легче будетъ сообразиться со вкусомъ своего мужа. Если мужчина любить музыку и живопись, то ему будетъ пріятно, что жена его можетъ съ нимъ вмѣстѣ ими заняться Между тѣмъ каждый добрый и разсудительный человекъ, будетъ гораздо выше цѣнить намѣреніе, нежели исполненіе. Онъ отъ жены своей не ожидаетъ образцовъ совершенства, но чувствуетъ, что общія занятія, склонности, крѣпче соединяють союзъ ихъ. »

На это можно отвѣчать, что не всѣмъ женщинамъ достанется мужъ добрый, чувствительный, благодарный женѣ, за желаніе ея сообразить вкусъ свой и занятія съ его склонностями. Многія матери, подъ словомъ *выгодная партія*, разумѣють богатство и знатность; многимъ это и удастся; мы часто видимъ, что

бѣдная дѣвушка выходитъ за богатаго человѣка, плѣненного ея талантами. И какъ скоро такой случай дойдетъ до свѣденія другихъ матерей, то онѣ, съ новымъ усердіемъ, стараются пріобрѣсть выйгрышъ въ этой лотерей. Но съ нѣкоторыхъ поръ, дѣвушки всѣ воспитаны одинакимъ образомъ, онѣ всѣ исполнены талантовъ, матери и не разсуждаютъ, что цѣна на товаръ уменьшается по мѣрѣ его изобилія. Теперь нѣтъ ни одного маленькаго пансіона, гдѣ бы не было *виртуоза* въ музыкѣ и живописи. Во всѣхъ достаточныхъ семействахъ, дочери — *барышни*, которыхъ спѣшатъ начинить талантами. Остановитесь въ гостиницѣ по дорогѣ въ Лондонъ, дочь трактирщика играетъ вамъ варьяціи на фортопіано, и покажетъ картинки въ рамкахъ своей работы. Такъ какъ модный свѣтъ избѣгаетъ всего, что неизключительно его отъ другихъ отличаетъ, то вѣроятно и таланты выдутъ скоро

изъ моды: они сдѣлались слишкомъ общими. Стараются поддержать монополию другимъ образомъ: берутъ уроки у дорогихъ учителей, которые доступны только богатымъ людямъ и увѣряютъ, что кто у нихъ не учился, тотъ не можетъ выйти изъ посредственности. Между тѣмъ и это послѣднее средство уничтожается: разбогатѣвшіе разночинцы платятъ немовѣрную цѣну этимъ превосходнымъ учителямъ и вытѣсняють знатныхъ изъ послѣдняго убѣжища ихъ тщеславія. День отъ дня становится труднѣе отличиться талантами; для этаго нужно необыкновенную способность и неутомимую настойчивость.

Смотря на всѣ эти обстоятельства, можно думать, что мода скоро переменится, что женщина отличная теперь талантами не многихъ найдетъ поклонниковъ. Не прекрасныя ли вышиванья оставили намъ наши бабушки? и на нихъ прошла уже мода. Этѣ чудныя работы

хранятся въ сундукахъ и шкафахъ, какъ памятники необычайнаго терпѣнія и трудолюбія, и всѣ жалуютъ о той скукѣ, которую бѣдныя женщины должны были чувствовать, совершая такую длинную и утомительную работу. Нынче столько же времени и такое же вниманіе употребляютъ для однихъ звуковъ; а вышиванье нашихъ бабушекъ было прочно, работа переживала ихъ самихъ; правда и то, что для безвкусной вещи прочность есть порокъ и въ картинахъ художницъ нашихъ главнымъ достоинствомъ можно почестъ ихъ эфемерность.

Однако же мы собственно не на таланты нападаемъ; а только на ихъ злоупотребленіе, на желанія ими блистать, выказываться, на страсть восхищаться суетными предметами. Тѣ женщины, которыя, занимаясь искусствами, проводятъ пріятно время, безъ тщеславія украшаютъ ими пріятельскій кругъ свой, становятся ими счастливы и любезны,

тѣ сами увидятъ, что наша критика до нихъ не касается.

Мы еще не говорили о танцахъ, также модномъ талантѣ. — Танцы безспорно полезны сколько для здоровья и для веселья, столько для пріобрѣтенія ловкости и развязности. Локкъ говоритъ, что умѣнье танцовать даетъ молодымъ людямъ довѣренность къ себѣ, нужную для того, чтобы безъ застѣнчивости входить въ комнату и потому совѣтуетъ весьма рано начинать учить танцамъ.

Есть вѣрныя средства для внушенія этой довѣренности. Если дѣти живутъ въ хорошемъ обществѣ, то невольно пріобрѣтаютъ благородную самоувѣренность, манеры хорошо воспитанныхъ людей, которыя недоступны искусству танцевальнаго учителя. Непріятно также поручать балетмейстеру образованіе манеръ молодой дѣвушки, но я въ этомъ случаѣ не хочу показывать излишней строгости. Удовольствіе бала свойственно моло-

дымъ людямъ и гораздо приличнѣе всякихъ другихъ. Балъ даетъ способъ познакомиться, способствуетъ развитію ловкости и замѣняетъ опасную забаву разговоровъ праздныхъ и злословныхъ.

Но для матерей, вездѣ заботливо помышляющихъ о выгодной партіи дочерямъ, этого мало. Имъ надобно, чтобы дѣвушка замѣтна была своими танцами; нужно всѣ способы употреблять для того, чтобъ привлечь взоры мужчины и плѣнить его своими прелестями. Мы такъ не думаемъ и многое подтверждаетъ наше мнѣніе. Дѣвушки, отличающіяся своими танцами, конечно привлекаютъ вниманіе и комплименты; за ними ухаживаютъ тѣ праздные юноши, которые живутъ въ многочисленныхъ обществахъ и дышатъ однимъ разсвѣніемъ. Изъ нихъ ни одинъ не будетъ хорошимъ мужемъ. По большей части этотъ легкомысленный и развратный народъ почитаетъ бракъ средствомъ поправить разстроенное состоя-

ніе и пріобрѣсть богатство. Для нихъ увлеченіе не существуетъ. Они смѣются надъ всѣми чувствами, особливо надъ чувствительностью любви истинной. Правда, что иногда, забывши всѣ разчеты, молодой модникъ попадаетъ въ сѣти красоты, Грацій и талантовъ. Но на него показываютъ, какъ на обманутаго глупца и смѣются его браку; прочіе юноши становятся еще осторожнѣе, а попавшійся ни въ какомъ случаѣ хорошимъ мужемъ не будетъ.

Духъ времени ясно видѣнъ въ этомъ гордомъ равнодушіи и вытверженной апатіи, съ какими модные юноши смотрятъ на женщинъ, старающихся отличиться, и выказывающихъ всѣ шутки свои для привлеченія вниманія. Если женщины потеряли въсь свой въ обществѣ, то не возвратятъ его добиваясь рукоплесканій тѣхъ людей, которыхъ вольное обращеніе весьма похоже на дерзость. Пока воспитаніе женщинъ будетъ имѣть цѣлью

похвалы и восторгъ людей, не умѣющихъ понятія о достоинствѣ истинномъ; пока онѣ будутъ унижать себя исканіемъ этихъ похвалъ, всѣ молодые люди блестящіе знатностью и богатствами или модою будутъ почитать себя верховыми судьями всѣхъ репутацій. Женщины почтенныя сохраняющія чувство собственного достоинства, не могутъ смотрѣть безъ негодованія на явное презрѣніе, которое эти модные юноши показываютъ женщинамъ, между тѣмъ какъ онѣ будто этого не замѣчаютъ. Дѣвушки не чувствующія этого негодованія, и занятыя единственно желаніемъ богатаго замужества, не достигаютъ даже этой цѣли, или достигаютъ ее на бѣду себѣ. Сколько видимъ мы красавицъ, которыя весьма не долго, увы! восхищали собою публику забытыхъ, изгладившихся совсѣмъ изъ памяти! Сколько другихъ, успѣвши въ желаніи богатаго замужества, осуждены на цѣлую жизнь горя и страданія! Эти

выгодныя партіи, рѣдко бываютъ счастливыми партіями; а гдѣ нѣтъ счастья, къ чему все остальное?—Воспитывайте дочерей своихъ для счастья, пусть таланты ихъ служатъ имъ для этой цѣли и тогда будете имѣть право на ихъ благодарность.

Мы не отваживаемся входить въ подробности о способахъ преподаванія пріятныхъ искусствъ. Техническая ихъ часть извѣстнѣе самому преподавателю, нежели писателю. Одинъ успѣхъ не вполне зависитъ отъ технического ученія. Онъ можетъ дать ученику хорошія практическія правила, привычки и нѣкоторую охоту, но не можетъ внушить упрямой настойчивости, единственной руководительницы къ успѣхамъ. Учитель, приходящій по часамъ, не знаетъ характера ученицъ своихъ, и потому не можетъ дѣйствовать на нравственную ихъ сторону.—Его замѣнить должна мать. Если мать сама обладаетъ тѣми талантами,

которые желаетъ развить въ дочери, то не нужно ей лучшаго учителя для первыхъ началъ. Дочь ея будетъ превосходной ученицей, если только привыкла къ прилѣжанію и труду и имѣетъ желаніе быть превосходной. Рано или поздно, она превзойдетъ даже тѣхъ ровестницъ своихъ, которыя учились у искусныхъ учителей и прежде казались далеко впередъ ушедшими.

Нельзя назначить времени, когда надобно начинать учить дѣвицъ искусствамъ. Если положеніе не позволяетъ брать лучшихъ учителей въ то время, когда дѣти малы, то лучше отложить ученіе. Дѣвушки, пріученныя къ внимательному прилѣжанію и не перенявшія дурныхъ привычекъ, удивляютъ быстрыми своими успѣхами. Лучше начать ученіе позднѣе, нежели позволить дурному учителю дать дурные пріемы. Славный музыкантъ Тимоѳей, плѣнявшій игрой своей Александра великаго, требовалъ

двойную плату съ тѣхъ учениковъ, которые учились прежде у другихъ учителей.

У хорошаго учителя, кромѣ всѣхъ другихъ выгодъ, ученикъ долженъ *внимательно* заниматься. Посредственный или небрежный учитель позволяетъ ему разсѣяніе; съ нимъ работаетъ онъ машинально, безъ усилія, и надѣется на его помощь. А когда воспитаніе окончено, то преданный собственнымъ силамъ, утомленный искусствомъ, котораго не постигъ, молодой человѣкъ забываетъ даже и то, что дѣйствительно зналъ.

Сиръ Райнольдъ говорить, что только тѣ доходятъ до нѣкоторой степени искусства, которые умѣютъ учить себя сами. Это мнѣніе нѣсколько преувеличено, но безспорно, мудроно успѣвать тому, кому слишкомъ много помогаютъ. Усилія собственные, внезапныя, быстро. подвигаютъ всякаго рода уче-

ніе. Тотъ, кто знаетъ техническую, часть музыки или рисованья, знаетъ ремесло, а не искусство, не науку. Заставьте его рассказать вамъ *разумнымъ образомъ* то, что онъ дѣлаетъ, или методически работать, онъ смутится, удивится почти, какъ тотъ слѣпорожденный, который выучился безъ инструментовъ дѣлать вѣрный кругъ и вѣрный четвероугольникъ. Ему возвратили зрѣніе, и онъ принужденъ былъ закрывать глаза, когда хотѣлъ чертить эти фигуры.

Выучивая механическія дѣйствія, нашъ разумъ остается недѣятельнымъ, и чѣмъ болѣе привыкаемъ къ исполненію этихъ механическихъ работъ, тѣмъ менѣе дѣйствуетъ разумъ. Цѣпь этихъ работъ прерывается, какъ скоро захотимъ приложить къ нимъ размышленіе. Работникъ перестаетъ двигать рукою, если хочетъ изъяснить по какимъ причинамъ, движетъ ею. Обо всемъ другомъ

можетъ онъ говорить не прерывая работы своей, какъ же скоро станетъ думать именно о своей работѣ, то перестаетъ работать. Мы пишемъ чрезвычайно скоро, не занимаясь сложностью движеній образующихъ буквы: если станемъ объ этомъ думать, писанье пойдетъ медлѣннее и хуже. Въ искусствахъ, можно также дойти до механическаго раздражанія самымъ труднымъ вещамъ. Опытный живописецъ рисуетъ съ натуры фигуру, также мало занимая ею разумъ, какъ мы когда пишемъ буквы. Наконецъ скажемъ, что каждое привычное занятіе не требующее употребленія умственныхъ способностей, мало по малу ихъ притупляетъ.

Нужно употребить много времени для того, чтобы пріобрести большое мастерство въ исполненіи и вотъ почему такъ мало людей переходятъ за искусственную машинальность. Привычка становится тираномъ тѣхъ, которые долго

дѣлали одно и тоже. Надобно, чтобы воспитаніе убѣдило въ преимуществѣ умственной дѣятельности надъ дѣятельностью механической, тогда честолюбіе юношей обратится къ предметамъ его дотойнымъ. Заставляйте ихъ всегда понимать умомъ то, что дѣлаютъ, упражняйте изобрѣтательную ихъ способность, и потомъ не трудно будетъ обратить ихъ вниманіе на изученіе какого либо искусства. Если вы будете хвалить хорошо нарисованный цвѣтокъ, или списанный ландшафтъ, не направляя честолюбія къ важнѣйшимъ предметамъ, то никогда не произведете отличнаго таланта и самобытной энергіи. Въ искусствѣ исполненіе совсѣмъ не такъ важно, какъ энергія, ручающаяся за будущіе успѣхи. Автоматъ можетъ превосходно рисовать и играть на фортепіано, но отъ него нельзя ожидать очерка геніальнаго Рафаэля или изобрѣтательности Пичини. Можно управлять рукою этой

чудной машины, но вдохнуть ей душу, не дано человѣку.

Часто молодые люди приходятъ въ уныніе и отказываютъ себѣ во всякомъ талантѣ сравнивая себя съ другими, отличившимися быстро, почти безъ помощи учителей. Имъ странно, какъ могутъ другіе находить удовольствіе въ занятіи, которое имъ чрезвычайно скучно и которое скоро надѣются совсѣмъ бросить. Эта скука, это уныніе, произведены необдуманнѣмъ преподаваніемъ. Какъ скоро ученица поддалась имъ, нечего ждать успѣховъ. И такъ родители должны стараться о развитіи умственныхъ способностей и вкорененіи прилежанія и трудолюбія гораздо болѣе, нежели о машинальномъ блестящемъ исполненіи, даже въ такомъ случаѣ, когда цѣль ихъ есть не столько счастье дочери, сколько знаменитость въ свѣтскихъ обществахъ.

Сказываютъ, что древніе Персы да-
Ч. II.

вали дѣтямъ своимъ учителя для каждой добродѣтели: одинъ училъ правдѣ, другой мужеству, третій умѣренности, и т. д. Не понимаю, какъ эти наставники оставались въ границахъ своихъ владѣній, и какъ не дрались о преимуществъ своей добродѣтели передъ другими, подобно учителямъ мѣщанина въ дворянствѣ. Случается видѣть похожее въ ученіи дѣвицъ, долженствующемъ развитіи ихъ таланты, Учитель музыки совсѣмъ не заботится объ успѣхахъ учителя живописи или танцовъ, и тѣ платятъ ему взаимно тѣмъ же. Иногда соревнованіе зависти простирается до того, что каждый учитель старается уменьшить успѣхи въ искусствѣ соперника. Надзоръ матери можетъ предупредить недальновидность учителей; мать одна, имѣя въ виду все воспитаніе, покажетъ цѣну каждаго предмета отдѣльно и сообразить его съ общими правилами и цѣлью. Это

можно назвать философіей изящныхъ искусствъ.

Если правда, что таланты мало способствуютъ счастію женщины и семейства ея, если пріобрѣтеніе талантовъ требуетъ отъѣнно много времени и вредить упражненію самыхъ высшихъ способностей ума, если между тѣмъ оправдается заключеніе наше, что скоро они должны выдти изъ моды, то не мудроно все это сообразить при выборѣ гувернантки или наставницы. Таланты пусть будутъ второстепенными для нее предметами. Надобно искать въ ней сужденія здраваго, свободнаго отъ предразсудковъ, постоянства въ исполненіи намѣреній и совершенной прямоты. Надобно, сверхъ того, наблюдать за ея разговорами и манерами. Дѣти любятъ обезьянничать: они перенимаютъ скоро тонъ, рѣчи, движенія, привычки тѣхъ, съ кѣмъ живутъ, и потому, особливо дѣвцамъ, нужно съ дѣтства приви-

катъ къ благородному и ловкому обхожденію и манерамъ.

Согласіе воспитателей есть также необходимость: наставница должна или властвовать или повиноваться. Если мнѣнія ея различны съ мнѣніями родителей, то она должна убѣдить ихъ въ справедливости своей системы, или подчинить свою практику ихъ теоріи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что разсудительные родители будутъ обходиться съ воспитательницей дѣтей своихъ, какъ съ совершенно равной себѣ особою. Но если она раздѣлять будетъ съ ними разсѣянную свѣтскую жизнь, обыкновенную людямъ богатымъ, кому же предоставлено будетъ попеченіе и непрестанный надзоръ, необходимые для успѣха воспитанія? Здѣсь нужна середина. Гувернантка конечно должна имѣть входъ въ тѣ же общества и тотъ же кругъ, въ какомъ приняты родители, но должна тамъ быть только съ своими

воспитанницами, или очередоваться съ матерью: при совершенномъ согласіи правилъ изъ этого не можетъ выдти никакого неудобства.

Что же касается до литтературнаго образованія женщинъ, то мы повторимъ сказанное нами въ другомъ сочиненіи (*), что образованіе ума женщинъ и развитіе ихъ понятій основываетъ прочное благополучіе общества. Счастіе семьи, добродѣтели женщинъ, ихъ способы нравиться, привязывать къ себѣ людей почтенныхъ и достойныхъ любви, все это больше зависитъ отъ ихъ умственнаго развитія, нежели отъ всѣхъ учрежденій новѣйшей утонченности, или древняго рыцарства. Весьма осторожно слѣдуетъ поступать съ литтературнымъ образованіемъ женщины. Не надобно увлечь ея воображеніе далеко отъ всѣдневныхъ занятій и мелкихъ удоволь-

(*) Letters for literary ladies.

ствій жизни, соединеніе которыхъ составляетъ много счастья. Украсьте разумъ ея, разширьте взгляды, и сохраните ей скромность и безцѣнную простоту. Пусть умѣетъ она отличить и уважить предрассудки. Пусть судить здраво обо всемъ, судить сама, и независимо отъ мнѣнія другихъ, но пусть ни на минуту не покинетъ ее глубокое чувство приличій и нѣжная разборчивость и смѣтливость, украшающія и охраняющія добродѣтели женщины. Безпрестаннымъ надзоромъ надъ чтеніемъ, разговорами и манерами дочери, мать дастъ ей привычку и любовь къ приличію, также какъ любовь къ литературѣ.

По счастью, обычай избавляетъ женщинъ отъ изученія ученыхъ языковъ. Онѣ могутъ узнать все относящееся къ древнимъ изъ хорошихъ переводовъ. Но познанія точныя, ученіе основательное и серіозное также прилично жен-

щинамъ какъ и мужчинамъ. По милости легкихъ театральныхъ правилъ, легкомысленныхъ періодическихъ изданій, необдуманыхъ словъ, брошенныхъ въ разговорахъ, принято почти всѣми вообще, что женщины не должны ничего глубоко знать; что разсудокъ, наука, размышленіе имъ недоступны; что онѣ гораздо любезнѣе съ веселою острою и свѣденіями поверхностными, нежели съ умомъ основательно образованнымъ, съ разсудкомъ здравымъ и яснымъ. Такія правила ведутъ къ непріятнымъ послѣдствіямъ, и въ воспитаніи производятъ неизчислимые противорѣчія. Они побуждаютъ молодыхъ дѣвицъ тщеславиться своимъ невѣжествомъ, внушаютъ имъ взыскательность и требованія ни на чемъ не основанныя, суетность, которою онѣ гордятся и неспособность ко всякому размышленію. — Дѣвушка, имѣющая поверхностныя понятія о большей части наукъ, желаетъ выставить

свои знанія; становится смѣшна всѣмъ и несносна людямъ истинно образованнымъ. Нельзя довольно оцѣнить, какъ выгодно знать совершенно то, что знаешь. Знать общія начала науки, совсѣмъ не то, что имѣть общее понятіе объ этой наукѣ, а ученіе основательное точно также полезно женщинамъ, какъ мужчинамъ. Опытная воспитательница будетъ умѣть воспользоваться всѣмъ, что мы сказали о симпатіи чувствительности и характерѣ; предлагаемъ ей наши мысли о памяти и разсудительности, о вкусѣ и воображеніи, и надѣемся, что онѣ покажутся ей не совсѣмъ бесполезны въ примѣненіи.

ГЛАВА XXI.

О ВЪ ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТИ И МА- ТЕРІИ.

Прежде нежели посвятимъ цѣлые годы труда какому нибудь предмету, не худо занять нѣсколько минутъ раз-смотрѣніемъ, стоитъ ли онъ того. Многіе цѣнятъ память выше всего, и всѣми силами стараются развить эту способность въ дѣтяхъ своихъ; но опредѣленіе хорошей памяти не для всѣхъ одинаково. Иные полагаютъ ее въ способности помнить долго большое количество вещей; другіе въ возможности припоминать кстати то, въ чемъ имѣешь нужду. Первые цѣнятъ больше количество собранныхъ матеріаловъ: дру-

гіе, то присутствіе ума, которое умѣетъ съ ними справляться.

Иногда полагають, что память есть качество, независимое отъ другихъ умственныхъ способностей, и хотя не видятъ великой выгоды въ памяти, отдѣльной отъ всего прочаго — но воображаютъ, что нужно имѣть отличную память, для полнаго употребленія разсудка и изобрѣтательности.

Древніе народы во всѣхъ своихъ общественныхъ заведеніяхъ и воспитаніи частномъ, съ великимъ тщаніемъ старались изошрять память. Но гражданскія и политическія обстоятельства этихъ народовъ дѣлали дѣйствительно это качество важнѣе, нежели оно намъ кажется теперь. Народный начальникъ хотѣлъ знать по имени всѣхъ своихъ согражданъ; полководецъ, всѣхъ воиновъ; ораторъ обязанъ былъ выучивать наизусть длинныя рѣчи. Ученики философовъ, или посѣщающіе школы, при-

учались къ изустнымъ ученіямъ. Нерѣдко выучивали наизустъ цѣлые манускрипты не имѣя возможности пріобрѣсти подлинника. Мудрено ли, что тогда такъ высоко цѣнили способность, употребленіе которой было столь необходимо?

При возрожденіи словесности и прежде изобретенія книгопечатанія, безъ отличной памяти невозможно было знать литтературы того времени. Почитали геніемъ человѣка, который зналъ наизустъ много манускриптовъ, а самъ онъ обладалъ сокровищами. Онъ могъ ходить изъ города въ городъ и жить своими знаніями; съ нимъ справлялись, какъ съ бібліотеками, и чѣмъ болѣе у него было заученныхъ книгъ, тѣмъ почтеннѣе онъ казался. Мы видимъ, что въ XII вѣкѣ, Абелардъ собралъ 600 учениковъ въ лѣсахъ Шампаньи, они строили себѣ шалаши изъ древесныхъ сучьевъ, лишали себя всѣхъ жизнен-

ныхъ потребностей, для того, чтобы насладиться поученіями этого человѣка съ чудесною его памятью. Каждый изъ учениковъ его, уносилъ съ собою, то что выучивалъ наизусть, и кто затверживалъ болѣе, тотъ и считался ученѣе прочихъ.

Книгопечатаніе сбавило цѣну такого рода памяти. Теперь каждый можетъ справляться съ книгами, это легче и вѣрнѣе, чѣмъ слушать того, кто затвердилъ ихъ наизусть. Всѣ полезныя свѣденія собраны и хранятся въ библіотекахъ; литератору не нужно обременять память цитатами изъ авторовъ. Стоитъ замѣтить страницу, и нужныя фразы всегда у него подъ рукой. Не довольно даже простой учености для пріобрѣтенія знаменитости. Теперь слушаютъ имена Аббата Лонгерю и Флорентинца Малиабекки, не только безъ удивленія, но многіе литераторы даже о нихъ и не знаютъ. По словамъ Даламберта, уче-

ность Аббата Лонгерю не только была чудесна, но и ужасна. Греческій и Еврейскій языки знакомѣ были ему собственнаго. У него въ головѣ было столько географическихъ, хронологическихъ и историческихъ фактовъ, что онъ взялся сдѣлать съ памяти историческое описаніе Франціи, справляясь только, иногда съ ландкартою. Простое географическое названіе напоминало ему исторію каждой провинціи, cadaго города, cadaго помѣстья, и даже каждой знатной фамиліи. Цѣлый годъ работалъ онъ надъ этимъ многосложнымъ описаніемъ Французскаго государства.

Всѣ восхищались имъ, пока оно было въ манускриптѣ; но когда стали печатать, нашлись многія ошибкі, и надобно было въ корректурныхъ листахъ дѣлать значительныя перемѣны. Изданіе обошлось очень дорого, а книга была бы конечно лучше, еслибы была написана не съ памяти. Любовь къ чудесно-

му должна уступить мѣсто пользѣ. По мнѣніямъ, высказаннымъ Аббатомъ Лонгерю, можно судить о вліяніи, которое необычайная память имѣла на разсудокъ его и воображеніе. Онъ говорилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Англичане занимаются геометріею и врачебною наукой, а не Арабскимъ и Греческимъ языкомъ, они уже ничего не сдѣлали хорошаго. Коментаторовъ Гомера предпочиталъ онъ самому Гомеру, поэмы котораго казались ему усыпительными. Аріоста называлъ онъ безумнымъ. Кромѣ изорваннаго тома трагедій Рассина, въ его библіотекѣ не было ни одной Французской книги. Ученость его не принесла обществу никакой пользы и умерла съ нимъ вмѣстѣ. Библіотекаръ Маліабекі, еще болѣе питалъ страсти къ книгамъ, и пожралъ въ теченіи своей жизни шесть огромныхъ залъ, наполненныхъ книгами. Этотъ неутомимый чтець оставилъ послѣ себя вмѣсто легенды,

медаль съ своимъ портретомъ. Онъ представленъ окруженный книгами и съ книгою въ рукъ. Эта легенда довольно наивная въ его устахъ, говоритъ ясно безъ словъ, что чтеніе не нужно ни къ чему, если не умѣешь употребить его съ пользою въ жизни.

Имена Шекспира и Франклина не уступаютъ никакимъ въ литературной знаменитости. Они оба не были учены и не славились отличною памятью. Скажутъ, что если бы Шекспиръ не собиралъ въ памяти всѣ свои тонкія и вѣрныя наблюденія, то не умѣлъ бы такъ истинно и рѣзко представить намъ всѣ страсти человѣческой природы; и если бы Франклинъ не помнилъ всѣхъ опытовъ своихъ, всѣхъ философическихъ замѣчаній, всѣхъ наблюденій другихъ физиковъ, то не могъ бы прославиться всѣми своими открытіями. Все это правда, и доказываетъ ясно, что у такого рода людей память есть спо-

способность второстепенная: хранитель вѣрный залоговъ, преданныхъ ей для сбереженія до той минуты, въ которую потребуется въ нихъ нужда.

Память нужная для тщеславнаго блеска и память на важныя вещи, рѣдко находятся вмѣстѣ. Тотъ, кто могъ бы пересказать намъ въ порядкѣ все, что съ самаго младенчества ѣлъ и пилъ ежедневно, удивилъ бы насъ, безспорно, если бы мы рѣшились его выслушать. Но тотъ, кто въ минуту нужную вспоминаетъ урокъ опытности, становится лучше, добрѣе, полезнѣе другимъ, тотъ достоинъ уваженія и любви. Слѣдовательно, истинная цѣна памяти определяется ея пользою и доставляемымъ ею удовольствіемъ.

Если бы мы могли предвидѣть, что будетъ намъ полезно въ жизни и какія познанія пріятны будутъ другимъ, то могли бы приноравливать къ тому упражненія нашей памяти. Сидѣлецъ въ

конторѣ помнитъ, не уча, имена, мѣста жительства, дѣла и обстоятельства всѣхъ купцовъ и всѣхъ покупателей, съ коими господинъ его имѣетъ дѣло. Женщина, привыкшая жить въ кругу большаго свѣта, знаетъ на память реэстръ всѣхъ визитовъ своихъ; помнитъ ясно, какъ одѣта была каждая женщина на многолюдномъ балѣ; умѣетъ въ самомъ многочисленномъ обществѣ, сблизить между собою людей почему нибудь гармонирующихъ припоминая съ изумительной ясностью малѣйшіе точки ихъ прикосновенія; для всего этаго нужна ей память; она пользуется и украшается ею. Человѣкъ остроумный собираетъ вездѣ анекдоты и смѣшныя черты, потомъ при случаѣ рассказываетъ ихъ для увеселенія общества. Всѣ разсудительные люди, однимъ словомъ, не обременяютъ памяти разнородными фактами и мелочами: они извлекаютъ правила общія, связываютъ ихъ при-

лично между собою и наслаждаются
выгодами хорошей памяти, не затруд-
няя ее безъ нужды.

Вотъ что говоритъ Стевардъ о поль-
зѣ, которую можно извлечь изъ систе-
матическаго порядка.

«Философической порядокъ пособляетъ
«памяти, собирая подъ немногія общія
«правила множество подробностей, пови-
«димому между собою безсвязныхъ. Мно-
«гіе ученые привыкли разсматривать
«связь между причиной и ея слѣдстві-
«ями, и этотъ взглядъ представляетъ
«имъ множество аналогій, незамѣтныхъ
«толпъ. Человѣкъ неучившійся, не на-
«ходитъ никакого удовольствія наблю-
«дать предметы, выходящіе изъ круга
«обыкновенной жизни. Ему трудно вспо-
«мнить замѣчанія и разсужденія, совер-
«шенно несвязанныя съ его ежеднев-
«ными занятіями. Люди, даже образо-
«ванные, начиная заниматься какой ни-
«будь новой наукой, жалуются на не-

« возможность удержать въ памяти всѣ
 « названія и понятія, вдругъ представ-
 « ляющіяся разуму. Мало по малу, эта
 « невозможность исчезаетъ, силою раз-
 « сужденія, а не памяти; рассудокъ отлича-
 « етъ, выбираетъ главныя названія, фак-
 « ты, доказательства и подчиняетъ имъ
 « второстепенныя, для облегченія памя-
 « ти отъ излишняго труда. »

« Каждая наука имѣетъ господствующее
 « начало соединенія, которое мы
 « не вдругъ замѣчаемъ, но отыскиваемъ
 « по немногу. Въ поэзіи, подражаніе; въ
 « философіи, причина и дѣйствіе; въ
 « математикѣ, безпрестанныя доказы-
 « вательства; — занимающіеся этими науками,
 « привыкли и къ началамъ ихъ. »

« Привычка записывать мысли, много
 « способствуетъ памяти; въ то время
 « какъ записываемъ, вниманіе наше обра-
 « щено на одинъ предметъ и мы можемъ
 « объять всѣ его отношенія. Написанное
 « объясняетъ намъ то, что темно въ суж-

деніяхъ нашихъ. Посредствомъ слова, буквы, алгебраическаго знака, мы можемъ пройти множество разнообразныхъ идей, и разрѣшить разныя проблемы; безъ этой помощи недоступныхъ нашимъ способностямъ.»

«Хорошій выборъ книгъ, чтеніе внимательное и разсуждающее, укрѣпляетъ память, потому что умножаетъ сумму свѣденій и обращаетъ къ новымъ открытіямъ и новому развитію мысли.»

Стевардъ справедливо замѣчаетъ, что всѣ техническія средства, помогающія памяти, вредятъ разсудительности, прерывая порядокъ логической и сближая вещи, никакой естественной связи не подлежащія. Можно однакоже употреблять это средство съ дѣтьми для возбужденія въ памяти ихъ нѣкоторыхъ вещей, условную цѣну имѣющихъ въ обществѣ: но никакъ не должно дозволить имъ прилагать подобное пособіе къ фактамъ, на которыхъ основаны начала наукъ.

Есть много различныхъ способовъ для упражненія памяти, изъ нихъ надо избрать полезнѣйшій. Частыя повторенія однѣхъ и тѣхъ же словъ, запечатлѣваютъ ихъ въ памяти; припѣвъ пѣсни остается въ ней такъ же.

Рифма, метръ, размѣръ, помогаютъ выучивать и долѣе помнить; но частое повтореніе одного слова вредно разсуждающей памяти, пока мы повторяемъ слово, то не думаемъ о его смыслѣ. Одинъ звукъ его поражаетъ слухъ, и передаетъ машинально воспоминанію. Но если какое нибудь обстоятельство, прерветъ этотъ машинный строй, то вся работа пропала: намъ не по чемъ наладить мысли на первый ладъ. Если же съ работою памяти мы соединимъ мысль, то, можетъ статься, не такъ легко намъ будетъ запоминать слова, но за то присвоимъ ихъ себѣ навѣки. Потому-то, выучивая стихи, не должно намъ ввѣряться слуху и впечатлѣнію

повторяемыхъ звуковъ, гораздо лучше наблюдать за связью мыслей и за отношеніемъ изображенныхъ картинъ.

Рѣдко можно встрѣтить людей способныхъ дать ясный отчетъ въ своихъ мысляхъ; слѣдовательно мудрено опредѣлить, какимъ образомъ дѣйствуетъ память на разные лица. Судя по слѣдствіямъ, обыкновенно думаемъ, что причина ихъ одинаковая. Случается, что двѣ разные особы, одинакимъ образомъ расскажутъ какое нибудь событіе; кажется, будто обѣ одарены равною памятью; но, статься можетъ, что одна изъ нихъ повторяетъ машинально выученное, а другая то, что выучила и поняла умомъ. Когда Джонсонъ присутствовалъ при прѣніяхъ парламента для того, чтобы послѣ передавать ихъ въ своемъ *Gentleman's magazine*, то всѣ удивлялись необыкновенной его памяти. Вѣроятно разумъ его дѣйствовалъ больше, нежели память. Онъ зналъ

характеръ каждого оратора, привыкъ къ ихъ слогу, собственный литературный навыкъ и вкусъ показывалъ ему, что хорошо и умѣстно въ рѣчахъ ихъ, и такимъ образомъ пособлялъ его памяти. Діалектикъ замѣтитъ упущеніе связующей фразы, кольца сцѣпляющаго двѣ мысли, также точно какъ ухо привыкшее къ поэтическимъ звукамъ замѣтитъ въ стихѣ недостающій слогъ. Вспоминающій по системѣ, найдетъ тотчасъ потерянное. Онъ знаетъ къ какому разряду принадлежало то, чего ищетъ: отъ идей общихъ переходитъ къ частнымъ и воспоминаетъ то, что вспомнить надлежало.

Въ обыкновенныхъ методахъ воспитанія, взыскиваютъ отъ учениковъ точности въ повтореніи выученнаго. — Точность можетъ быть нужна въ теченіи жизни, но и то рѣдко.

Когда разсматриваемъ предметъ для насъ новый, то не съ самаго начала

призываемъ разсудокъ на помощь памяти: мы беремъ прежде все, что намъ попадается, а послѣ все отдѣляемъ, ибо видимъ, что оно не нужно. — Такъ въ младенчествѣ наукъ опытныхъ, должны были входить во многія лишнія подробности и наблюдать за множествомъ фактовъ. Когда же сравненіе ихъ между собою, привело къ правиламъ общимъ, то отбросивъ все не нужное, наука сдѣлала быстрые успѣхи. Когда Симонидъ предлагалъ Θемистоклу научить его *искусству помнить*; научи меня лучше *искусству забывать*, отвѣчалъ тотъ ему.

Для всѣхъ, кто желаетъ наблюдать за своими умственными способностями и усовершенствовать ихъ, Франклинъ можетъ служить самымъ полезнымъ образцомъ и примѣромъ. Онъ такъ просто рассказываетъ свои испытанія, безъ всякаго желанія выказаться и безъ всякой натяжки, что можно слѣдить за

нимъ шагъ за шагомъ. Въ твореніяхъ Франклина поразительна разнообразность замѣчаній его на разные предметы. Кажется, что подобный трудъ доказывать долженъ огромную память; совсѣмъ нѣтъ; онъ самъ говоритъ, что имѣлъ привычку записывать все, что ему казалось замѣчательно, совѣтуетъ друзьямъ своимъ дѣлать тоже. Онъ говоритъ, что не проходитъ дня, въ которомъ бы не нашлось чего нибудь замѣчательнаго для наблюдателя, если только смотрѣть съ надлежащей стороны на вещи. Такимъ образомъ, не обременяя, памяти собиралъ онъ факты, и сохранялъ разумъ свободнымъ для размышленія и дѣйствія.

Одинъ изъ друзей его спросилъ какимъ образомъ удалось ему открыть тожественность молніи и электрической искры? Онъ показалъ ему экстрактъ всѣхъ записокъ своихъ о произведенныхъ опытахъ, о томъ, что считаетъ

полезнымъ сдѣлать и о причинахъ, вызвавшихъ его заключеніе, и сказалъ притомъ: по этимъ наблюденіямъ увидѣть можно, что не трудно было догадаться, какъ сводить электричество съ облака: эта догадка представилась бы всякому человѣку занимающемуся электричествомъ.

Вотъ замѣтки Франклина отъ 7-го Ноября 1749 года. «Молнія и электрическая жидкость сходны: 1-е въ томъ, что производятъ свѣтъ, 2-е въ цвѣтъ этаго свѣта, 3-е въ направленіи ихъ циг-цагомъ, 4-е въ быстротѣ хода, 5-е въ томъ, что притягиваются металлами, 6-е въ звукъ ихъ удара, 7-е въ томъ, что оба содержатся во льду и въ водѣ, 8-е оба раздробляютъ тѣла, чрезъ которыя проходятъ, 9-е оба убиваютъ животныхъ, 10-е сплавливаютъ металлы, 11-е въ ихъ сѣромъ запахъ. — Острые концы притягиваютъ электрическую жидкость. Не

«извѣстно, есть ли въ молніи тоже свойство. Но если они сходны во всемъ, съ чѣмъ только можно ихъ сравнить, то вѣроятно будутъ сходствовать и въ этомъ. Надобно испытать.»

Когда наблюденія записаны въ такомъ ясномъ порядкѣ, какъ мы здѣсь видимъ, то сближеніе кажется очень просто и выводъ немудренъ. Однакоже, никто, прежде Франклина, его не сдѣлалъ, хотя многіе занимались въ то время электричествомъ. Размышленія, доведшія его до сего важнаго открытія, не были ни многосложны, ни утомительны для памяти; доступны понятіямъ cadaго.

Положимъ теперь, что Франклинъ, когда писалъ эту замѣтку, перебиралъ въ памяти всѣ опыты электричества, произведенные въ разные времена; что помнилъ имена всѣхъ занимавшихся этой наукой, ихъ теоріи, число и время проявившихся трудовъ, со всѣми малѣйшими подробностями. — Къ чему по-

служила бы ему такая память? Онъ былъ бы принужденъ отдавать всѣ эти свѣденія по мѣрѣ того, какъ они представлялись уму его, и изъ такого затруднительнаго изобилія выбралъ однѣ только сближенія, изчисленные въ его замѣткѣ. Но то время было бы совершенно потеряно, которое онъ употребилъ бы на переборъ и отстраненіе всѣхъ бесполезныхъ воспоминаній.

Когда мы наблюдаемъ природу, или изучаемъ наблюденія другихъ, то стараемся учредить въ собственныхъ мысляхъ порядокъ, способствующій намъ изобрѣтать и разсуждать; такъ какъ играя въ карты, подбираемъ масти по тѣмъ вѣроятностямъ, которыя представляетъ намъ теорія игры, и съ первымъ ходомъ соображаемъ свои планы.

Франклинъ и тутъ можетъ служить намъ примѣромъ: никто лучше его не умѣлъ выбирать и распредѣлять свои

наблюденія, гдѣ бы онъ ни находился, на лодкѣ, въ рудокопняхъ, въ типографіи, въ толпѣ, въ уединеніи, въ Европѣ или въ Америкѣ, вездѣ та же дѣятельность и тотъ же наблюдательный взглядъ. Какъ скоро какое нибудь событіе поражало его, онъ добирался до его причины. При каждомъ сдѣланномъ наблюденіи, онъ продолжалъ за нимъ слѣдовать, дабы узнать, подтвердится ли его гипотеза фактами, или уничтожится. Его замѣчанія всегда имѣли цѣль, и потому устраивались самымъ выгоднымъ образомъ для памяти или для изобрѣтательности. Порядокъ ихъ состоялъ въ очевидной аналогіи, или въ взаимныхъ отношеніяхъ дѣйствій и причинъ. На двухъ оселкахъ пробовалъ онъ цѣнность собственныхъ мыслей: могли ли они приложены быть къ улучшенію какого нибудь искусства, и могли ли вести къ рѣшенію какой проблемы въ наукѣ? Замѣтимъ, что и здѣсь разсудокъ об-

легчалъ работу памяти: тотъ, кто собираетъ наудачу все, что попадаетъ, подобенъ сорокъ, которая подбираетъ все, что ей покажется на глаза и крадетъ деньги, не подозрѣвая цѣны ихъ.

Наблюденія людей, не одаренныхъ логическими методами, могутъ навести ихъ на нѣкоторыя полезныя открытія, но это будетъ счастливый случай, удачный билетъ въ лотерею. Сколько наблюденій пропало безъ пользы, потому что ими не управлялъ разсудокъ! Сколько столѣтій замѣчали, что палка въ водѣ кажется переломленною, и не доходили до причины этаго явленія? тотъ, кто захотѣлъ бы слѣдовать за этимъ наблюденіемъ во всѣхъ его измѣненіяхъ, могъ бы изобрѣсти телескопъ.

Указавши то, что мы называемъ хорошей памятью, укажемъ теперь способы пріобрѣсти ее. Способность соображать между собою мысли, не равносильна у людей и у дѣтей. До нѣкото-

рой степени, разница эта происходитъ отъ организаціи. Живые умы не любятъ повторенія одинакихъ мыслей, имъ нравится перемѣна. Вялые дѣти охотнѣе повторяютъ одно и тоже дѣйствіе и покоряются привычкѣ: новостъ ихъ не привлекаетъ.

Упражненіе памяти можетъ быть полезно или вредно для такихъ различныхъ натуръ. Чѣмъ болѣе нравится повтореніе, тѣмъ менѣе одобряйте его, оно поддерживаешь только вялость ума. Употребите похвалу, примѣръ, сочувствіе и всѣ энегрическія средства для возбужденія живаго вниманія ко всему окружающему. Нужды нѣтъ, что имъ нравится не то, чѣмъ вы бы желали занять ихъ; лишь бы нравилось! довольно этаго, чтобы съ успѣхомъ упражнять память. Надобно стараться, чтобы первые опыты удались, иначе вялый ребенокъ потеряетъ надежду на успѣхъ и откажется отъ всякаго усилія.

Страхъ ошибиться, не долженъ смущать упражненій памяти: онъ разсѣваетъ и ослабляетъ вниманіе. Въ случаѣ неудачи, наказанія и упреки равно неумѣстны: довольно и самой неудачи. Надобно даже не слишкомъ на ней останавливаться, пусть новый опытъ, урокъ полегче, заставитъ забыть о ней. Такіе дѣти, которые не огорчаются неудачами и не радуются успѣхами, очень рѣдко встрѣчаются. Эта видимая апатія и нечувствительность произведены воспитаніемъ.

Многіе воображаютъ, что память упражнять можно только книгами: это совершенно ложно. Мы помнимъ очень хорошо то, что насъ поразило въ разговорахъ, или что показалось намъ полезно; по этимъ показаніямъ должно поступать и съ дѣтьми. Ребенокъ потерялъ свой мячикъ? обѣщайте ему другой, съ условіемъ, что въ назначенной часъ и минуту онъ вамъ объ немъ

напомнить; конечно онъ этаго не забудетъ. Любящіе дѣти способны употреблять память свою на услуги друзьямъ: вотъ прекрасное средство развить ее, укрѣпляя ихъ доброжелательность. Старайтесь, чтобы они видѣли удобность, а не произволь въ вашихъ распоряженіяхъ. Назначьте мѣсто, минуту и предметъ могущій возбудить воспоминаніе: напр. пусть вашъ воспитанникъ вспомнить вамъ нужную услугу въ то время, когда подадутъ свѣчи, или когда встанутъ изъ-за стола, или когда пройдете мимо такого-то мѣста. Эти обстоятельства соединяются въ умѣ его съ нужнымъ дѣломъ, и когда явятся, онъ вспомнитъ, что ему надобно помнить.

Хорошая память, для дѣловыхъ людей, зависитъ отъ хорошо устроенныхъ мѣстныхъ соображеній. Человѣкъ занятый различными дѣлами устроиваетъ себѣ искусственную память, помогая се-

бѣ всѣми обыкновенными произшествіями цѣлаго дня; каждый часъ являясь, напоминаетъ занятіе съ нимъ соединенное. Дайте съ самыхъ раннихъ лѣтъ такую же привычку дѣтямъ. Они любятъ рассказывать то, что видѣли и дѣлали, пусть наставникъ слушаетъ ихъ иногда какъ товарищъ, а не какъ учитель. Тотъ же мальчикъ который вытвердивъ хронологическія таблицы сегодня, забылъ ихъ на другой день, не забудетъ ни одной подробности въ томъ, что его занимаетъ: слѣдовательно, онъ вспоминать можетъ. Слушая воспитанника нашего пока онъ рассказываетъ порядочно и обстоятельно, мы ободряемъ его и даемъ возможность упражнять память, вспоминая все, что видѣлъ и что сдѣлалъ. Порядокъ времени есть первый и самый легкій способъ помогать памяти: то, что случилось въ одно время, мысли представившіяся въ одинъ часъ, возвращаются вмѣстѣ въ воспоминаніи.

Люди необразованные сохраняютъ цѣлую жизнь этотъ способъ припоминанія. Ихъ память наполнена фактами и подробностями совершенно посторонними, которыя взошли нечаянно въ отношеніе къ нужному дѣлу и никакой связи съ нимъ не имѣютъ.

Посмотрите на простолюдина, когда его допрашиваютъ какъ свидѣтеля въ уголовномъ дѣлѣ. вмѣсто частнаго, нужнаго факта, онъ говоритъ о постороннемъ. Онъ расскажетъ вамъ все, что нисколько не объясняетъ дѣла, но что его поразило въ минуту совершенія его. Онъ свидѣтельствуетъ не только собою, но и всѣми неодушевленными вещами, вокругъ него бывшими. Всѣ эти постороннія мелочи такъ тѣсно соединились въ головѣ его съ главнымъ событіемъ, что, рассказывая ихъ простодушно, онъ полагаетъ, что даетъ болѣе вѣсу своему свидѣтельству. Убѣжденіе его въ существованіи этихъ постороннихъ об-

стоятельствъ есть для него несомнѣнный признакъ истины. Если адвокатъ обвиненнаго прерветъ его замѣчаніемъ, что всѣ эти подробности не нужны, то онъ замолчитъ или начнетъ заикаться. Ему невозможно доказать то, что знаетъ, если съ тѣмъ же вмѣстѣ не можетъ сказать, что былъ въ это время одѣтъ такъ-то, обѣдалъ то-то, и встрѣтился съ такимъ-то. Люди съ умомъ образованнымъ не запутываются въ подробностяхъ, не относящихся къ дѣлу. Эта несвязная смѣсь разнородныхъ понятій препятствуетъ неграматному человеку слѣдить за чѣмъ нибудь разумно, и даетъ упорство, непобѣдимое никакими доказательствами.

Надобно какъ можно ранѣе отучать дѣтей отъ привычки воспоминаній, относящихся просто къ времени, и заставлять ихъ помогать памяти разсудкомъ. Положимъ, напр. что воспитанникъ вашъ не знаетъ, куда дѣлъ свою шляпу. Онъ

помнить, что на немъ была шляпа въ послѣдній разъ, какъ онъ ходилъ со двора: это соединеніе времени. Куда же ходилъ онъ? за чѣмъ надѣвалъ шляпу? когда шелъ со двора? вотъ соединеніе мыслей гораздо естественнѣе. Онъ ходилъ прятать отъ дождя змѣй, который забылъ на дворѣ и который могъ намокнуть. Стало быть шелъ дождикъ, и если шелъ дождь, шляпа его намокла. Следовательно, возвратясь, онъ положилъ ее сохнуть. Вотъ связь обстоятельствъ, по которымъ можетъ онъ отыскать свою шляпу.

Это покажется мелочно и пошло: но въ воспитаніи нѣтъ ничего ни мелочнаго, ни пошлаго. Управляйте хорошо бездѣлками, воспитанникъ вашъ ощутитъ ихъ пользу въ случаяхъ важныхъ. Упражня такимъ образомъ его память, вмѣсто вѣчныхъ книжныхъ уроковъ, мы не надоедаемъ ему и не вкореняемъ

ложной мысли, будто наука приобрѣтается однѣми книгами.

Еще не умѣя читать, дѣти любятъ слушать чтобъ имъ читали; т. е. пользуются удовольствіемъ, не употребивъ труда. Съ тѣхъ поръ можно упражнять память, спрашивая у нихъ то, что слышали. Не надобно, чтобы они повторяли тѣми же словами и тѣми же фразами; пусть говорятъ они по своему и устрояютъ мысли какъ хотятъ; тогда упражненіе памяти будетъ вмѣстѣ упражненіемъ разсудка и способности изобрѣтательной.

Пусть дитя разскажетъ вамъ объясненіе, котораго отъ васъ потребовалъ; т. е. смыслъ, а не слова вами употребленные. Вотъ повторенія, которыя заставляютъ разумъ дѣйствовать, укрѣпляютъ его и развиваютъ.

Дѣти любятъ находить сходства и аналогіи. Этимъ способомъ можно изощрять память, но должно употреблять

его осторожно. Быстрое соображеніе аналогій часто доказывается умомъ, поэтическими геніями или изобрѣтательностью въ наукахъ; но также часто сбиваетъ разсудокъ и внушаетъ суевѣрныя понятія. Должно научать разсуждать дѣтей, которые живо поражены легкими соотношеніями и мнимыми сходствами. Когда они постигнутъ удовольствіе обдуманнаго разбора, то наружныя сходства станутъ ихъ меньше привлекать. Наставники часто пользуются этой способностью сличать и отыскивать сходство, оно помогаетъ впечатлѣть въ памяти воспитанника преподаваемую науку. Если употреблять будутъ аналогіи дѣйствительно существующія, объяснять одно понятіе другимъ уже объясненнымъ, то этотъ способъ превосходно можетъ изощрить память и плѣнить воображеніе. Мысли, такимъ образомъ пріобрѣтенныя, являются въ порядкѣ; вообще лучше сое-

динять двѣ полезныя мысли, взаимно другъ друга возвышающія, нежели связать въ головѣ дитяти суетную и вздорную вещь съ понятіемъ полезнымъ, сходнымъ съ нею по какому нибудь внѣшнему отношенію.

Какъ мы вспоминаемъ все касающееся до нашихъ ежедневныхъ занятій и удовольствій, такъ и дѣти вспоминаютъ все связанное съ ихъ забавами. Они столько же, сколько и взрослые, уважаютъ полезныя и пріятныя свѣдѣнія, но сами заняты однимъ настоящимъ; и потому, если упражняемъ ихъ память на томъ только, что будетъ имъ полезно въ будущемъ, то они работаютъ не охотно и не оживлены чувствомъ видимой пользы труда своего. Надобно стараться, чтобы усилія ихъ памяти приносили имъ ощутительную пользу. Такъ, на примѣръ, можно побудить ихъ вспоминать то, что прочли, позволяя рассказать это, выслушивая снисходительно

разсказъ и оставляя имъ свободу помѣстить въ разговорахъ выученное въ книгахъ. Когда докторъ Джонсонъ, который имѣлъ необычайную память, былъ ребенкомъ, то ходилъ всякой день къ одной старухѣ разсказывать ей все, что прочелъ наканунѣ.

Лагошри, одинъ изъ учителей Генриха IV, замѣтилъ необыкновенную живость ученика своего, затрудняющую ему ученье, вздумалъ учить его разговорами. Такимъ образомъ разсказалъ онъ ему главныя черты древней исторіи, изрѣченія мудрецовъ и исторію героевъ. Генрихъ всю жизнь помнилъ выученное такимъ образомъ, и часто удивлялъ ученыхъ точностью своихъ цитатовъ.

Изъ этаго примѣра не надобно заключать, чтобы книги были бесполезны дѣтямъ. Познанія пріобрѣтаются однимъ постояннымъ трудомъ, но первое упражненіе памяти не должно быть за-

труднительно ребенку. Мы можемъ полагаться на собственные его усилія для усовершенствованія ученія, когда знаемъ, что онъ пріобрѣлъ уже привычку и охоту къ прилежному занятію. Если онъ имѣетъ способность вспоминать что нибудь, то конечно уже вспомнить то, что ему нужно помнить, въ продолженіи ученія. Не надобно никогда хвалить ребенка за то, что вспомнилъ все, что выучилъ, но хвалить за то, что умѣлъ хорошо выбрать то, что нужно помнить, и съ пользою прилежить къ дѣлу.

Мы замѣтили, что привычка изобрѣтать умножаетъ желаніе пріобрѣтать познанія и усиливаетъ вниманіе ко многимъ идеямъ и вещамъ, на которыя лѣнныя и не просвѣщенные смотрятъ равнодушно. Тоже и съ дѣтьми. Упражняющіе изобрѣтательную способность, съ удовольствіемъ упражняютъ и память: они чувствуютъ успѣхъ и поль-

зу. Выученное, съ надеждой приложить къ чему нибудь полезному, гораздо тверже остается въ памяти, нежели выученное просто наизусть. Вотъ примѣръ этой разницы.

19 Іюня 1796, Сидней, умный девятилѣтній мальчикъ, переводилъ Овидіево описаніе зависти. Когда дошло до слова *Suffusa*, онъ произнесъ его какъ будто оно было съ двумя ss и съ однимъ f: *sufussa*. — Два или три раза повторилъ онъ эту ошибку. Наконецъ, отецъ приказалъ ему повторить это слово сорокъ разъ. Черезъ три часа послѣ этаго, отецъ спросилъ помнитъ ли онъ слово, которое сорокъ разъ повторилъ? Мальчикъ забылъ его. Тогда отецъ спросилъ, какую двойную букву произносилъ онъ какъ будто она была одна? «*ф*», отвѣчалъ сынъ; а какую одинокую произносилъ ты какъ двойную? — *S*. — Ахъ, теперь помню! *Suffusa*.» — Тотъ же мальчикъ съ такимъ трудомъ воспомина-

ющій тверженное безъ смысла, въ другихъ случаяхъ показывалъ замѣчательную память. Онъ читалъ мало и ничего не училъ наизусть, но что поражало его въ разговорахъ, то оставалось въ умѣ его и онъ умѣлъ этимъ пользоваться.

31 Марта 1796, отецъ сказалъ приемъ, что видѣлъ у сосѣда огромный рогъ, найденный въ землѣ, гдѣ лежалъ онъ глубоко. При этомъ рогъ нашли кусокъ сала завернутаго въ коврѣ. «Какимъ образомъ зашло туда сало? и сало ли еще это?» — прибавилъ отецъ.

Четырнатцати лѣтній братъ Сиднея сказалъ, что можетъ стать все это было давно зарыто въ землю разбойниками.

«Сидней. Можетъ стать, мертвое тѣло завернуто было этимъ ковромъ и оно превратилось въ сало.» «Почему ты вздумалъ, что это могло быть мертвое тѣло?»

С. Потому, что вы однажды читали

намъ повѣсть о тѣлахъ давно зарытыхъ, которые превратились въ сало.»

«Въ спермацетъ? хочешь ты сказать.»

С. Да, точно, въ спермацетъ.

Эта повѣсть была читана въ присутствіи всей семьи, тому два мѣсяца назадъ, и одинъ Сидней ее помнилъ.

Между нѣкоторыми стихами, выученными наизусть, Сидней зналъ также гимнъ несчастію. Однажды сестра его сказала одной дамѣ при немъ: «я видѣла, что вы больше другихъ жалѣли обо мнѣ, когда у меня былъ нарывъ на пальцѣ, потому что вы сами недавно страдали ноготьдой.»

С. улыбнулся — Чему ты улыбаешься? спросилъ отецъ. «Я вспомнилъ стихи.» — Какіе? «гимнъ несчастію!»

«And from her own she lerned to melt at others woe (*). Чрезвычайно

(*) Своимъ несчастіемъ научилась она сострадать другимъ.

поразили, въ одной эпитафiи, Сиднея эти слова, которые отецъ прочелъ при немъ.

«Приблизься, прочти безсмертное это
«имя, клянись подражать ему на по-
«прищѣ славы. Клянись на этомъ
«алтарѣ, по примѣру его, пренебрегать
«оковами, бѣдностью и смертию.» Отецъ
спросилъ у него, почему это мѣсто ему
нравится, и что оно ему напоминаетъ?
С. отвѣчалъ, что напоминаетъ ему клят-
ву мести, которую Амилькаръ заставилъ
сына произнести.» Но эпитафія мнѣ
лучше нравится, прибавилъ онъ; безраз-
судно было требовать отъ Аннибала,
чтобы онъ поклялся всегда ненавидѣть
Римлянъ.»

Латинскіе уроки такъ непріятны дѣ-
тямъ, что они безъ удовольствiя замѣ-
чаютъ сходства, сюда относящiяся;
надобно, для большаго ободренiя, застав-
лять учениковъ говорить о томъ, что
прочли, по латынѣ, какъ будто о всед-
невномъ языкѣ ихъ. Пусть судятъ они

о людяхъ древнихъ вѣковъ, сравниваютъ ихъ съ живущими нынѣ по тѣмъ правиламъ нравственности и добра, которыя отъ насъ получили. Прикладывая такимъ образомъ ученіе свое къ понятіямъ о жизни и нравахъ, имъ не трудно будетъ вспомнить все выученное при случаѣ, цитовать кстати, и пользоваться всѣми выгодами образованнаго и здраваго ума. Хорошо воспитанный чловѣкъ умѣетъ безъ педанства и тщеславія употреблять свѣденія свои въ обществѣ. Джонсонъ говорилъ:» лучше соглашусь, чтобъ меня ударили, нежели заставили слушать оратора, который рѣчь свою начинаетъ съ пуническихъ войнъ.»

Когда членъ Парламента начинаетъ рѣчь Греческими и Латинскими цита-тами, то всѣ присутствующіе кашляютъ или улыбаются, но когда Шериданъ или Боркъ кстати и съ жаромъ приводятъ классическія уподобленія и намѣки, то

слушатели ощущаютъ глубокое чувство удивленія и почтенія.

Память всего нужнѣе для снабженія матеріалами способность изобрѣтательную; постараемся показать, какимъ образомъ можно упражнять эту важную способность. Примѣры наши всѣ взяты въ практикѣ, они вѣрнѣе и легче всякихъ выдумокъ.

Напрасно полагаютъ, что изобрѣтательность должна упражняться надъ одними важными случаями жизни: самыя простыя обстоятельства ежедневнаго быта, представляютъ всегда тому возможность; лишь бы умѣли ими пользоваться. Постройки, поправки въ домѣ, работы садовыя, полевыя, разговоры, чтеніе, все можетъ развивать изобрѣтательную способность въ дѣтяхъ. Пусть они съ нами вмѣстѣ обдумываютъ какіе нибудь планы, сообщаютъ свои мнѣнія, питаютъ любопытство и, ободренные на-

ми, придумываютъ рѣшеніе той или другой задачи.

Одна дама линевала карандашемъ очень много страницъ бумаги; утомленная своей работой, она спросила: нѣтъ ли средства облегчить это линеванье? М. пригласилъ Сиднея тогоже мальчика, о которомъ мы говорили выше, рѣшить эту задачу. Подумавши четверть часа, Сидней описалъ инструментъ, которымъ можно проводить нѣсколько линеекъ вдругъ. Отецъ велѣлъ сдѣлать инструментъ, по словамъ его и онъ дѣйствительно годился. Мальчикъ былъ очень доволенъ и охотно готовился на новыя попытки.

Служанка не соглашалась бросать золу въ дыру стѣны ей указанную, отговариваясь тѣмъ, что вътеръ ей отбрасываетъ золу въ глаза. Надобно было отыскать способъ исправить это неудобство. Задачу предложили всѣмъ членамъ семейства. Одинъ изъ дѣтей придумалъ маленькую съ перевѣсомъ доску, по-

хожую на вѣяльницу; другой придумалъ какъ приладить ее; вельѣли сдѣлать по ихъ указаніямъ, и вышло очень удачно.

Однажды М... готовясь развѣшивать опиумъ, тщательно уравнивалъ вѣсы свои. Кто-то сказалъ, что вѣсы ювелировъ должны быть очень вѣрны, потому что маленькая разница одного грана дѣлала огромное измѣненіе въ цѣнѣ бриліанта. Сидней слушалъ очень внимательно. Отецъ сказалъ ему, что ювелиры покупаютъ бриліанты, когда воздухъ тяжелъ, а продаютъ ихъ напротивъ, когда воздухъ легокъ. С. спросилъ этому причину, отецъ далъ ему короткій гидростатическій урокъ, сопровождаемый нѣкоторыми опытами надъ удѣльной тяжестью различныхъ тѣлъ. Тогда С. сказалъ, что ювелиры безсовѣстно поступаютъ, продавая и покупая такимъ образомъ бриліанты, что по настоящему имъ можно бы вѣшать бриліантъ противъ бриліанта.

Однажды вечеромъ свѣчи очень нагорѣли, потому, что забыли съ нихъ снять. М... сказалъ, что пріятно бы имѣть свѣчи, съ которыхъ никогда бы не нужно снимать. Предложили всему обществу изобресть таковыя, но изъ всѣхъ проектовъ, ни одинъ не годился. М... видя, что дѣти внимательно слушаютъ, предложилъ имъ найти способъ, какимъ бы свѣча сама собою гасилась въ назначенную минуту.

Сидней, подумавши нѣсколько минутъ, сказалъ: Что если повѣсить гасильникъ на блокъ, котораго бы гирия была немного легче гасильника, то онъ сталъ бы спускаться тихо, тихо на свѣчку, подъ нимъ стоящую, и погасилъ бы ее.

Точно, отвѣчалъ отецъ, но пока гасильникъ бы спускался тихо, тихо свѣчка стала бы дымиться и вонять.

Клара 12 лѣтняя дѣвочка сказала тогда: я привязала бы гасильникъ къ ниткѣ, продѣтой въ блокъ, на потолокъ

прибитый. Другой конецъ этой нитки, провела бы я между двумя столбиками по обѣимъ сторонамъ свѣчи, этотъ конецъ нитки перерѣзывалъ бы свѣчу, на какомъ угодно назначенномъ мѣстѣ. Когда пламя дойдетъ до этой нитки, она сгоритъ, а гасильникъ, повѣшенный надъ свѣчкой, упадетъ и погаситъ ее.»

Это точное описаніе *weavers allees* напечатанной въ журналѣ, о которомъ Клари никогда и не слыхивала.

Очень полезно предлагать дѣтямъ этого рода задачи уже рѣшенныя. Они могутъ сравнить слабый результатъ ихъ собственной мысли съ произведеніями генія. Мы всегда напередъ знаемъ, въ состояніи ли ребенокъ придумать то, что мы ему предлагаемъ. Говорятъ что гений созидаетъ; это выраженіе есть поэтическая преувеличенность. Никакой гений не произведетъ ничего изъ не существующаго. Изобрѣтательность есть только новое соображеніе матеріаловъ.

Можно судить о трудности какого нибудь изобретенія, по многочисленности идей, вошедшихъ въ соображеніе и по степени ихъ взаимныхъ аналогій. Предлагая задачу ребенку, мы должны рассмотретьъ, знаетъ ли онъ все, что нужно для ея рѣшенія, и ясное ли имѣетъ понятіе о томъ, чего отъ него требуютъ. Тогда можемъ соразмѣрять вопросы наши съ способностями ученика, и вести его не спѣша отъ простаго къ сложному.

Л. возвратясь изъ Эдимбурга, гдѣ онъ слушалъ лекціи доктора Блака, читалъ намъ свои записки каждый день послѣ завтрака. Когда онъ прочелъ лекцію о теоріи паровыхъ машинъ, и изъяснилъ устройство огневыхъ насосовъ, М. заставилъ дѣтей рассказать построеніе этихъ машинъ на ихъ собственномъ языкѣ. Всѣ трое рассказали, такъ что видно было, что они поняли прочтенное. Л. прочелъ подробно устройство огневыхъ насосовъ въ Савери, и въ Нью-

коменъ, и хотѣлъ уже читать описаніе машинъ Вуата, но М. остановилъ его, и спросилъ: не можетъ ли кто изъ присутствующихъ изобрѣсть подобную машину? Вотъ въ чемъ состоитъ затрудненіе, прибавилъ онъ, въ насосахъ Савери и Ньюкоменъ, наливали холодной воды въ цилиндръ, для сосредоточенія пара, паръ сосредоточивался, но цилиндръ охлаждался. Надобно было цилиндръ разогрѣвать снова, для того, что бы въ немъ набрался вновь паръ, слѣдовательно тутъ большая потеря топлива и жару. Нельзя ли сосредоточить паръ, не охлаждая цилиндра.

С. Я вложилъ бы жестяную трубу въ цилиндръ для охлажденія пара и тотъ часъ ее бы оттуда вынулъ, или положилъ бы большей кусокъ льду на верхъ цилиндра.

Нѣкоторые предложили горизонтально впускать и вынимать изъ цилиндра металлическую дощечку; но сами тотчасъ

увидѣли какъ это было бы затруднительно.

Клара (12-ти лѣтняя дѣвочка). Я поставила бы надъ цилиндромъ сосудъ съ холодной водою, для сосредоточенія пара. »

М..» Сосудъ этотъ былъ бы соединенъ съ цилиндромъ? К..» Нѣтъ, онъ не долженъ до него дотрогиваться. М..» Тогда наружный воздухъ ебирался бы въ цилиндръ, пока паръ проходилъ отъ цилиндра къ охладителю...

К. Но я закрыла бы сосудъ и ведущій къ нему проходъ. »

М. Мнѣ пріятно сказать тебѣ, что ты изобрѣла часть усовершенствованія теперешнихъ паровыхъ машинъ. Видите ли, что для изобрѣтенія нужно только ясно представить себѣ затрудненіе, которое нужно побѣдить. »

Всѣ эти подробности мы предлагаемъ не какъ примѣръ, но какъ простое указаніе, какимъ образомъ можно постепен-

по вести дѣтей отъ простаго къ сложному. Мы можемъ себя поставить на мѣсто ученика и понять что именно мудрено для него; можемъ пересмотрѣть, какимъ порядкомъ получили мы наши понятія, и такимъ же способомъ передавать ихъ уму нашихъ воспитанниковъ. Элементарные авторы больше желаютъ показать, что они обладаютъ сами предметомъ своимъ, нежели стараются передать его невѣдущимъ. Отцы или наставники должны изустно пояснять авторовъ, и это изустное преподаваніе тѣмъ еще выгоднѣе, что даетъ возможность ввести множество занимательныхъ мелочей и обстоятельствъ, недоступныхъ важности дидактическихъ авторовъ.

Оставляя въ сторонѣ всякое честолюбіе, можно найти большое удовольствіе, занимаясь практически искусствами. Дѣтей, прежде нежели они сдѣлаются мучениками славы, очень забавляетъ эта умственная работа, принаровленная къ

ихъ способностямъ. Всѣ опыты веселятъ ихъ; избавленные отъ нашихъ предразсудковъ, съ гибкими и свѣжими органами, они сближаютъ то, что знаютъ и изобрѣтаютъ лучше насъ, разумѣется сравнительно съ нашими свѣдѣніями.

Докторъ Гукъ говоритъ, что разсудительный человѣкъ, въ рѣшеніи философской задачи, долженъ всегда клониться къ той сторонѣ, которая менѣе согласна съ его любимымъ занятіемъ. Химикъ хочетъ все толковать химически; геометръ проблемами геометрическими; механикъ видитъ законы механики во во всѣхъ явленіяхъ природы. Эти пристрастія много отнимаютъ пользы у истинныхъ дарованій.

Другіе предразсудки равно вредятъ умамъ изобрѣтательнымъ, если они не занимались науками. Довѣряя собственнымъ силамъ, они не спрашиваютъ что прежде ихъ люди думали и сдѣлали.

Съ пренебреженіемъ смотрять они на общія правила, и охотнѣе идутъ по темной тропинкѣ, нежели по дорогѣ, сглаженной учеными людьми. Потому-то самому всѣ ихъ изобрѣтенія не переходятъ нѣкоторыхъ границъ, и удивленіе, возбужденное ими, всегда смѣшано съ сожалѣніемъ: для чего они не учились!

Ученые, напротивъ, привязываются къ правиламъ общимъ, не выходятъ изъ любезной имъ теоріи и пренебрегаютъ наблюденіями. Сколько вѣковъ ученый міръ довольствовался отрицаніемъ пустоты, и сколько полезныхъ открытій опоздали за этимъ ложнымъ началомъ! сколько лѣтъ вѣрили, что мы видимъ предметы посредствомъ лучей, выходящихъ изъ глаза, почти также какъ палкою дотрогиваемся до предметовъ! Пока разумъ удовлетворялся такимъ страннымъ изъясненіемъ, никто не пробовалъ даже дѣлать какія нибудь

опыты надъ процессомъ зрѣнія. Принятый предразсудокъ сковываетъ геній. Докторъ Гукъ казался смѣшнымъ, утверждая, что рано или поздно, люди будутъ уметь плавать по воздуху. Воздушные шары оправдали его предсказанія, но собственные его усилія остались тщетными, потому, что онъ непременно хотѣлъ примѣнить ложную аналогію птичьихъ крыльевъ. Онъ предоставлялъ рѣшеніе механикъ и изобрѣталъ разнаго размѣра крылья. Химія доставила бы ему то, чего онъ искалъ. Любопытно видѣть какъ онъ не далеко былъ отъ истиннаго пути. Онъ замѣтилъ, что пузыри у рыбы наполнены воздухомъ, и предполагалъ, что этотъ воздухъ легче атмосферическаго, почему рыбы легко всплываютъ на поверхность воды. Еслибы онъ слѣдилъ за этимъ наблюденіемъ, то могъ бы изобрѣсть шары, но его завлекла теорія птичьихъ крыльевъ.

Привычка равнообразить занятія и

ученіе есть лучшее предохраненіе отъ надмѣнности невѣжества и пристрастія науки. Разсматривая карту человѣческихъ свѣденій, легко замѣтить, что есть много незнакомыхъ земель и неправдивыхъ путешественниковъ: Геркулесовы столбы не представляются границей всѣхъ возможныхъ открытій. Безъ надмѣнности можно предоставить успѣхамъ человѣчества безграничное пространство, и вмѣсто того, чтобы смѣяться надъ надеждами юнаго соревнователя, должно ободрять его къ новымъ изобрѣтеніямъ. Смѣяться можно надъ самодовольствомъ невѣжества, это поддерживаетъ усилія и научаетъ юношу испытать свои силы, прежде нежели отважится выказать свои выдумки.

Ободряя настойчивость, давайте ей полезное направленіе: цѣна изобрѣтательныхъ способностей, опредѣляется только приложеніемъ. Механикъ Боверикъ обладалъ изумительнымъ терпѣ-

ніемъ и искусствомъ. Онъ сдѣлалъ цѣпочку изъ двухъ сотъ колець, которая вмѣстѣ съ замкомъ и ключемъ не превѣшивала четверти грана.

Этой цѣпочкой сковывалъ онъ блоху. Еще сдѣлалъ онъ карету; дверцы открывались и закрывались пружиной, въ ней сидѣло четыре особы, сзади два лакея, на козлахъ кучеръ правилъ шестью лошадьми, у ногъ его сидѣла собака; и весь этотъ снарядъ тащила блоха къ тому приученная. Изобрѣтеніе и исполненіе этой вздорной игрушки, вѣроятно стоило ему столькоже времени, сколько Уату улучшение паровыхъ машинъ, или Аркрейту изобрѣтеніе прядильныхъ мѣльницъ.

Разказываютъ, что Бребёвъ написалъ полтора ста эпиграммъ на одну и ту же женщину, а одинъ изъ соперниковъ его въ стихотворствѣ желая превзойти его, сочинилъ на ту же особу триста эпиграммъ, и всѣ различныя. Каково же чи-

тателямъ? — а между тѣмъ нельзя не подивиться подобному терпѣнію и остроумію. Будемъ, при дѣтяхъ нашихъ, отдавать должную справедливость и хвалить одни прочныя произведенія генія. Если они станутъ изощрять свои способности надъ бездѣлками, постараемся обратить ихъ вниманіе на общія начала и на результаты полезныя человѣчеству.

свѣденій, которыя нужны для преподаванія правилъ изящнаго вкуса. Но внимательное чтеніе нѣкоторыхъ весьма пріятныхъ книгъ не должно страшить ихъ; такова на пр. Теорія пріятныхъ ощущеній соч. Пульи; анализъ красоты, Гогарта; опытъ о вкусѣ, Юма; Бурка, объ изящномъ, и сочиненія Лорда Кама, Рейнольда и Алисона. Эти книги писаны не для дѣтей, но родители прочитавъ ихъ, могутъ въ разговорахъ развить правила тамъ заключенныя. Легко показать ученику, примѣрами безпрестанно подпадающимися, причину почему та или другая форма, то или другое произведеніе природы или искусства, нравится, или не нравится. Легко сдѣлать для него ощутительной выгоду симетріи, порядка, однообразія, показать почему простота нравится, многосложность пѣняетъ, а разнообразіе увлекаетъ; почему привычка украшаетъ намъ нѣкоторые предметы, а новизна другіе,

и почему, наконецъ связь знакомыхъ намъ ощущеній, почти всегда управляетъ нашимъ вкусомъ.

«Я полюбилъ эту даму, потому что «голосъ ея похожъ на голосъ матери моей. Люблю эту прогулку, потому что «здѣсь веселился съ товарищами. Люблю цвѣтъ этой ленты, потому что таковъ и у сестры моей.» Каждой день слышали мы такіа замѣчанія въ устахъ дѣтей нашихъ, и они покажутъ какъ вкусъ опредѣляется соединеніемъ нѣкоторыхъ ощущеній и воспоминаній съ предметами. Эти же замѣчанія, приучить могутъ къ наблюденію за тѣмъ, что происходитъ въ немъ самомъ, къ сравненію своихъ ощущеній съ правилами и къ самобытному мнѣнію.

Вкусъ изощренный въ одномъ родѣ исключительно, часто лишаетъ возможности судить о другомъ. Научая философіи вкуса, и въ тоже время изощряя способность наслаждаться его изящными

удовольствіями, мы открываемъ ученику нашему обширное поле дѣятельности. Онъ живѣе чувствовать будетъ очарованіе, узнавши тайну его производящую.

При каждомъ новомъ ощущеніи, при видѣ каждаго новаго предмета, мы должны доставлять дѣтямъ возможность выразить свои чувства и мысли; когда же они пріобрѣтутъ достаточное количество мыслей и словъ, пусть описываютъ то, что видятъ и что чувствуютъ. Родители, привыкшіе къ блестящимъ описаніямъ поэтовъ, не довольны будутъ простыми выраженіями дѣтей. Напрасно. Ихъ описанія должно сравнивать съ предметомъ, а не съ поэтическимъ описаніемъ: малое число прилагательныхъ лучше чѣмъ большое, и самобытность лучше копіи. Представляемъ здѣсь описаніе лѣтняго вечера, сдѣланное тремя дѣтьми, чтобы показать, какой степенью краснорѣчія можно довольствоваться.

12-е Іюля 1796 М.... прогуливался
Часть II. 6

съ тремя дѣтьми своими и сказалъ имъ: „Въ твореніяхъ Оссіана мы видимъ, что поручено было тремъ поэтамъ описать приблизившуюся ночь; каждый изъ нихъ возвратился съ различнымъ описаніемъ. Вы не читали еще Оссіана; но мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы описали мнѣ, что видите и чувствуете въ сію минуту: пусть каждый изъ васъ, какими словами хочетъ, опишетъ мнѣ этотъ вечеръ.“

Бетси (дѣвушка 14-ти лѣтъ). На западѣ облака блестятъ свѣтомъ солнца, которое уже закатилось. Къ востоку густой туманъ. Дымъ, среди дня сгустившійся, теперь разстилается и, соединясь съ туманомъ, насъ окружаетъ. Мало слышно шуму, но что слышно, то явственнѣе, нежели днемъ. Дальніе звуки также слышны какъ и близкіе. Луна окружена краснымъ туманомъ.

К. (дѣвушка одиннадцати лѣтъ). Облака на западѣ всѣ розовыя отъ закатившагося солнца. Луна кажется красной

черезъ туманъ. Дымъ и туманъ затемняютъ дальніе предметы, а близкіе виднѣе. Свѣтъ луны освѣщаетъ то, что близко къ намъ. Луна очень свѣтла и блеститъ на домъ и на окнахъ. Вдали все шумитъ, а подлѣ насъ все тихо. »

Сидней (мальчикъ по десятому году). Солнце сѣло за холмомъ и облака на западъ озарены его сіяніемъ. Туманъ мѣшается съ дымомъ, который подымается изъ кучи негодныхъ травъ, зажженныхъ вѣроятно бѣднымъ человѣкомъ, для пріобрѣтенія этимъ способомъ нужнаго хлѣба. Луна проглядываетъ сквозь туманъ, иногда выходитъ и опять уходитъ въ свою облачную рошу. Шуму мало, но его очень, очень слышно. »

Таковыя упражненія изошряютъ наблюдательный взоръ и останавливаютъ его на всемъ; но они полезны только тогда, когда дѣти имѣютъ уже въ головѣ нѣсколько понятій и поэтическихъ выраженій, и въ состояніи понять, что до-

стоинство поэтического описанія зависить не столько отъ выраженныхъ мыслей, сколько отъ возбужденнаго имъ воображенія и чувства.

Какъ скоро дѣти пріобрѣли нѣсколько предварительныхъ понятій, можно начинать образовывать воображеніе. Можно показать имъ, какъ одна черта кисти, одно слово, возбуждаютъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ множество идей; какъ ораторъ, поэтъ, писатель, пользуются выборомъ выраженій, чтобы произвести сильное дѣйствіе на воображеніе. Кесарь утишаетъ бунтъ, назвавши своихъ воиновъ: *Граждане!* если бы это слово не поразило воображеніе возмущившихся, то не могло бы имѣть чуднаго своего дѣйствія. Вся тайна живаго впечатлѣнія, которое производили нѣкоторыя мѣста въ Стернѣ, состояла въ искусствѣ его возбудить много чувствъ и мыслей, не многими словами, иногда умолчаніемъ, иногда простымъ движе-

ніемъ. Всѣ, собравшіеся въ кухню, и старая служанка обтирающая сковородку, расплакалась при одномъ жестѣ капрала Трима, когда онъ говорилъ о смерти своего молодого господина.

«Вотъ мы здѣсь (продолжалъ капраль и поставилъ палку перпендикулярно, чтобы дать понятіе о крѣпости, силѣ, здоровьи.....), а черезъ минуту (онъ бросилъ на полъ палку)... вотъ мы и въ могилѣ!»

Живопись представляетъ замѣчательные примѣры приложенія тогоже правила: артистъ, выпуская предметы, сильнѣе потрясаетъ воображеніе, нежели изображая ихъ съ точностью. Никогда бы не удалось живописцу выразить смертельное страданіе Агамемнона, присутствующаго при закланіи дочери: онъ изобразилъ его накрывшаго голову полой платя, и воображеніе зрителя живѣе представляетъ себѣ черты его въ эту ужасную минуту.

Образованіе воображенія распространяетъ кругъ симпатіи, также какъ и кругъ идей. Порція, разлучаясь съ Брутомъ при началѣ междоусобной войны, скрываетъ горестъ свою, но картина Андромахи, прощающейсь съ Гекторомъ, представляется глазамъ ея, и она не можетъ удержать слезъ. Если бы Порція не читала Гомера, картина конечно не произвела бы надъ ней никакого дѣйствія.

Когда воображеніе не образовано, то разумъ нечувствителенъ къ легкимъ, не яснымъ, ѣдкимъ чертамъ сатиры. Покажите необразованному воображенію картины Гогарта: придется изъяснять каждое лице, и, не смотря на изъясненія, картина гораздо менѣе произведетъ дѣйствія, нежели при первомъ взглядѣ надъ человѣкомъ образованнымъ для изящныхъ искусствъ. Надобно понимать языкъ возвышенныхъ умовъ, прежде нежели возможно будетъ наслаждаться ихъ произведеніями.

Невъжественная толпа удивляется безпрестанно, но удовольствія восторженнаго уваженія доступны однимъ образованнымъ умамъ. Удивленіе есть чувство низшаго разряда и мало отделяется отъ тѣхъ ощущеній, которыя мы раздѣляемъ съ безсловесными животными.

Глупый человѣкъ восхищается бездѣлицами и доволенъ своимъ восхищеніемъ, но никто не захотѣлъ бы такъ радоваться такими предметами. Г-жа Ролансъ рассказываетъ, что слушая однажды проповѣдь одного знаменитаго проповѣдника, она поражена была глубокимъ, усерднымъ вниманіемъ, съ какимъ молодая женщина, подлѣ нея сидѣвшая, глядѣла на проповѣдника.» Боже мой! какъ онъ вспотѣлъ!» вскричала наконецъ прекрасная энтузіастка. — Кесарь, слушая рѣчь Цицерона, вѣроятно ощущалъ другаго рода удивленіе.

Тысяча средствъ въ рукахъ оратора

для пораженія образованнаго воображенія; очень немногія, для людей необразованныхъ. Также, какъ и другіе, могутъ они живо представить себѣ предметы не присутствующіе, но соображеніе всѣхъ ихъ понятій ограничивается малымъ кругомъ, и слышанныя слова не имѣютъ для нихъ связи съ поэтическими или литературными понятіями. Эта разница чувствительна уже и въ дѣтяхъ не воспитанныхъ. Употребите слово лавръ; говоря съ несвѣдущимъ юношею; если онъ видалъ дерево, то не нашелъ его ничѣмъ замѣчательнѣе прочихъ, слыхалъ, можетъ быть, что кладутъ листь лавровый въ приправу къ инымъ кушаньямъ. Но дитя, которому извѣстенъ миѳъ Дафны и Аполлона, Олимпійскія игры, который имѣетъ понятіе о побѣдныхъ тріумфахъ, о славѣ, — однимъ этимъ словомъ, можетъ быть многообразно взволнованъ.

Воображеніе украшается и очищается чтеніемъ хорошихъ писателей. Есть ми-

нуты, когда всѣ впечатлѣнія дѣйствуютъ сильнѣе, когда чувствительность юноши требуетъ пищи, а пріобрѣтенныя имъ познанія допускаютъ множество разнообразныхъ предметовъ, — воспользуйтесь этими минутами, чтобы развить въ душѣ его живое чувство поэтическихъ красотъ. Повтореніе лучшихъ поэтическихъ мѣстъ, ослабляетъ дѣйствіе красоты ихъ; эти вѣчныя повторенія отнимаютъ святость самыхъ возвышенныхъ мыслей, самыхъ звучныхъ словъ, самыхъ дивныхъ картинъ. Выраженіе сильное, чувство высокое, соотвѣтствующія чувству подобному, достаточны чтобы поселить въ душѣ юноши энтузіазмъ къ поэтическимъ мыслямъ. Впечатлѣнія, полученныя въ такія избранныя минуты, покажутся легки; не бойтесь: они забыты не будутъ. Изыщная мысль, поразившая его, не изгладится изъ памяти. Можетъ-быть долго останется она безъ употребленія, но каждая близкая мысль

разбудить ее и, при удобномъ случаѣ, съ пользою пойдетъ въ дѣло.

Молодые люди стремящіеся блистать на поприщѣ краснорѣчія, должны замѣчать, какое впечатлѣніе производить на нихъ краснорѣчивое сочиненіе и отыскивать причину этаго впечатлѣнія; то, что подѣйствовало на нихъ, послужить имъ урокомъ для дѣйствія надъ другими. Привычка наблюдать, не могутъ ли новыя событія и новыя идеи дать новыя обороты рѣчи и счастливыя примѣненія, — весьма полезна молодому оратору. Разнообразіе наукъ и занятій дастъ силу и просторъ воображенію. Когда Гиббонъ издалъ первый томъ своей Римской исторіи, то старался развлечь умъ свой совсѣмъ другаго рода науками: онъ сталъ слушать курсъ химіи и курсъ анатоміи. «Начала этихъ наукъ (говорить онъ) и любовь моя къ естественной исторіи разширила кругъ познаній и помогли мнѣ разнообразить мои

«описанія. Химикъ и анатомъ могутъ
«слѣдить за мною по снѣговымъ слѣдамъ
«ихъ областей.»

Говорятъ, будто люди съ живымъ во-
ображеніемъ рѣдко бываютъ благоразум-
ны. Это вина воспитанія. Мы видимъ, что
люди привыкшіе къ нѣкоторымъ упраж-
неніямъ своего воображенія, призываютъ
по волѣ энтузіамъ, и потомъ отдаляютъ
его. Трагическій актеръ кажется во влас-
ти фурій на сценѣ; входя за кулисы, го-
лосъ его попрежнему кротокъ и движенія
спокойны. Поэтъ кричитъ стихи свои
на чердакъ съ усердіемъ, доходящимъ до
бѣшенства: его зовутъ объдать, онъ
является смирнымъ человѣкомъ.

Всѣ великія усилія требуютъ нѣкото-
рой степени энтузіазма. Волтеръ застав-
лялъ дѣвицу Перонъ проходить какую-
то роль. Она не соглашалась на ту
степень страсти, которой онъ требовалъ
отъ игры ея.» Меня примутъ за бѣс-
нующуюся. Э, сударыня! отвѣчалъ ей

поэтъ философъ; надобно отдаться бѣсу, если хочешь совершенства въ искусствѣ.»

Энтузіазмъ, одушевляющій поэта и живописца, ограждаетъ его отъ многочисленныхъ неудачъ, неуваженія, злости и поддерживаетъ на тяжеломъ исполненномъ препятствій поприщѣ. Воины — герои претерпѣваютъ нужду, бѣдность, лишенія, ищутъ смерти для достиженія той славы, которую воображеніе представляетъ имъ верховнымъ счастіемъ. Отнимите энтузіазмъ, героизмъ исчезаетъ.

Когда Вестрисъ воображаетъ себя богомъ танцевальнаго искусства, то счастливъ столько же, сколько Александръ великій, упоенный своимъ апофеозомъ. Пока вдохновенный не слышитъ голоса разсудка и злобной, холодной мудрости, то блаженство его продолжается; но лишь только станетъ разбирать то, что плѣняетъ его, блаженство исчезаетъ какъ бредъ горячки. И такъ благоразумные

родители не стануть увлекаться счастьемъ дѣтей своихъ и направлять ихъ усилія къ этой цѣли, когда размыслятъ какъ не прочны веселые обманы энтузіазма, не огражденнаго здравымъ смысломъ и ясною разсудительностью.

Первыя раннія впечатленія, полученныя воображеніемъ, рѣшаютъ часто участь всей жизни. Это не просто восторженное желаніе славы или знаменитости: это сильная привязанность, развитая и укрѣпленная воображеніемъ, которой зародышь брошенъ въ сердце примѣромъ или словомъ родителей. Когда родители величаютъ богатство, знатность и власть, дѣти преувеличиваютъ въ умѣ своемъ вліяніе богатства, власти и знатности на счастье жизни и, во время кипѣнія страсти, предаются ихъ стяжанью со всѣмъ рвеніемъ энтузіазма. Знатные и богатые хотятъ, чтобъ ихъ почитали счастливыми; возбудить зависть окружающихъ своимъ великолѣпіемъ, есть

для нихъ истинное наслажденіе, если въпрочемъ наслажденія тщеславія могутъ быть истинны. Дѣти, воспитанные благо-разумными родителями, умѣютъ отли-чить личину счастія отъ счастія пря-маго; но тѣ, которые съ маленькихъ лѣтъ видѣли раболѣпное поклоненіе богатству, видѣли, какъ отецъ соразмѣрялъ оказы-ваемое людямъ вниманіе, по степени ихъ состоянія, какъ удивлялся велико-лѣпному экипажу, восхищался пышнымъ нарядомъ и роскошнымъ убранствомъ, — по неволѣ слѣдуютъ его примѣру: во-ображеніе ихъ дѣйствуетъ по данному направленію, и они полагаютъ все сча-стіе въ пріобретѣніи богатства. Другіе склонности часто проистекаютъ отъ по-добныхъ же источниковъ, какимъ ни-будь случаемъ, поразившимъ воображе-ніе. Молодой человѣкъ, назначаемый на поприще торговли, проситъ, чтобы ему позволили войти въ военную службу. Отецъ удивляется и забываетъ, что нѣ-

сколько лѣтъ тому назадъ самъ возилъ его на военный праздникъ, гдѣ оба приходили въ восторгъ отъ удивленія и удовольствія.

Но какъ же можно избѣжать впечатлѣній оставляющихъ такіе продолжительные слѣды? нельзя же лишить дѣтей веселостей общихъ, не настроивъ еще больше ихъ воображенія и не принудивъ, такимъ образомъ, полюбить запрещенное. Правда, не возможно избѣжать сильныхъ впечатлѣній, способныхъ повредить счастію дѣтей нашихъ; но можно ослабить ихъ дѣйствіе впечатлѣніями сильнѣйшими, которыя мы создать властны; можно упредить воображеніе, пріучивъ различать истину и цѣнить наслажденія не по блеску, но по прочности ихъ. Не надобно ввѣряться мнѣніямъ другихъ на счетъ нашихъ удовольствій, и вмѣсто того, чтобы воспламенять ребенку голову любопытствомъ или безпокойствомъ и нетерпѣні-

емъ, надобно собственнымъ примѣромъ научить его соразмѣрять желанія, надежды, привязанности, по степени ихъ пользы и возвышеннаго достоинства.

Должно соображаться съ склонностями и темпераментомъ дѣтей; связь мыслей совершенно различна въ различныхъ темпераментахъ. Прежде нежели составимъ планъ, какъ управлять воображеніемъ нашего воспитанника, мы должны принять въ соображеніе степень его врожденной живости, привычку къ наблюдательности, привычку размышлять, способность къ вниманію, расположеніе къ разсѣянности, задумчивости, или легкомыслію, и, судя по этимъ даннымъ, стараться предупредить тѣ заблужденія воображенія, къ которымъ онъ болѣе можетъ быть способенъ.

Иные дѣти сильнѣе другихъ чувствуютъ и радость и горе, но не имѣютъ ни желанія, ни времени сравнивать и размышлять. Такимъ болѣе всего нужно

вселить привычку описывать свои ощущенія: это свободное упражненіе разума отменно имъ полезно. Такого характера дѣти быстро и живо соединяють между собою идеи. Они склонны къ пристрастію, восхищаются, любятъ и ненавидятъ безъ причины. Мудрено управлять ихъ воображеніемъ. Упреки и наказанія весьма имъ чувствительны, и потому можно подумать, что, соединяя идею наказанія съ проступкомъ и награжденія съ успѣхомъ, легко руководить ими; но всѣ случайныя обстоятельства также сильно ихъ поражаютъ, и въ воображеніи ихъ образуется такое соединеніе идей, какого и не подозреваемъ. Они неспособны слѣдить за логическимъ разсужденіемъ, или разсуждать сами, безъ всякой видимой причины разсѣянія; не способны (покрайній мѣръ, по большей части) пересмотрѣть ходъ идей, рѣшившихъ ихъ отвращеніе или склонность; — но всѣ усилія, которыя

они употребятъ на отысканіе причины своего сужденія, склонности, ненависти или любви, будутъ для нихъ самымъ спасительнымъ упражненіемъ, хотя бы оно и не всегда удавалось, и укрѣпять способность къ размышленію имъ недостающую.

Докторъ Дарвинъ рассказываетъ разительный примѣръ отвращенія образовавшагося въ умѣ ребенка соединеніемъ идей. За обѣдомъ этотъ ребенокъ кушалъ осетровой хрящъ и спросилъ, что такое хрящъ? ему отвѣчали: та частица, которая раздѣляетъ насъ на двѣ половины, называется хрящемъ.» — Это изъясненіе внушило ему такое отвращеніе, что въ теченіи двадцати лѣтъ не могъ онъ ѣсть осетрины.

Циммерманъ былъ очевидцемъ одного замѣчательнаго явленія антипатіи. Вотъ какъ онъ его рассказываетъ:

«Я находился однажды въ одномъ англійскомъ обществѣ умныхъ и замѣ-

чательныхъ людей. Разговоръ завязался объ антипатіи. Многіе отрицали существованіе непритворной антипатіи и не вѣрили никакимъ объ ней разсказамъ. Я утверждалъ, что антипатія просто болѣзнь. Г. Матью, сынъ управителя былъ одного со мною мнѣнія и привелъ въ примѣръ себя самаго: онъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе отъ пауковъ. Надъ нимъ стали смѣяться. Я сталъ доказывать что антипатія г-на Матью происходила отъ *механическаго дѣйствія, произведеннаго на его душу впечатлѣніемъ* (Мы не беремся изъяснять этого доказательства). Лордъ Муррай вздумалъ сдѣлать паука изъ чернаго воску, чтобы попробовать возбудить ли это подражаніе антипатію. Онъ вышелъ изъ комнаты и возвратился съ паукомъ на рукѣ. Г. Матью, человекъ кроткій и любезный, вообразивъ, что пріятель его дѣйствительно принесъ паука, — отскочилъ къ стѣнѣ, и съ страш-

нымъ крикомъ выдернулъ изъ ноженъ шпагу. Всѣ мускулы лица его были въ судорожныхъ движеніяхъ: вытаращенные глаза ужасно сверкали, а тѣло было совершенно недвижимо. Мы всѣ перепугались, окружили его, отняли шпагу, и насилу могли убѣдить, что это не паукъ, а маленькой кусочикъ черного воску.

Долго не могъ онъ притти въ себя. Когда опомнился, то сожалѣлъ о несчастномъ отвращеніи, котораго побѣдить не въ силахъ. Пульсъ его долго оставался взволнованъ и холодный потъ покрывалъ все тѣло.. »

«Предложили при немъ сдѣлать изъ воску маленькаго паука. Онъ равнодушно глядѣлъ на работу, но когда паукъ былъ готовъ, никакъ не могъ рѣшиться до него дотронуться. Я совѣтывалъ ему рисовать пауковыя ножки, потомъ туловище, потомъ всего паука, чтобы постепенно пріучиться къ этому насѣ-

комому, но никакъ не могъ уговорить его на такую отвагу.»

Происхожденіе этихъ антипатій, вкоренѣлыхъ съ ребячества, находится по большей части въ разговорахъ и въ выраженіи лица старшихъ членовъ семейства. Преувеличенныя изъясненія отвращенія къ какимъ-нибудь насѣкомымъ имѣютъ глубокое вліяніе на дѣтей. Для предупрежденія такихъ безсмысленныхъ отвращеній, должно, говоря объ этихъ насѣкомыхъ, давать имъ такое названіе, которое бы пріятно отзывалось воображенію; на пр. невинная лягушка, замысловатый паукъ. Дитя станетъ смотрѣть на этихъ животныхъ съ любопытствомъ для того, чтобы узнать, чѣмъ заслужили они свое прозваніе.

Часто антипатіи не ограничиваются одними животными; дѣти, расположенныя къ быстрымъ и упорнымъ соображеніямъ, привязываются страстно, или

чувствуютъ отвращеніе отъ людей, совершенно несправедливо, и такой развратъ воображенія имѣетъ вліяніе на цѣлую жизнь. Локкъ рассказываетъ, что одинъ человекъ, выдержавъ мучительную, но спасшую ему жизнь операцію, такъ живо соединилъ черты оператора съ воспоминаніемъ вынесеннаго мученія, что никогда не могъ рѣшиться видѣться съ своимъ благодѣтелемъ. Иные такъ живо соединяютъ мысль оскорбленія и особы оскорбившей, что не могутъ ни забыть, ни простить во всю жизнь. Глубокая ненависть, ненасытная жажда мести могутъ относиться къ той же причинѣ.

Честолюбіе, скупость, тщеславіе рождаются также отъ ложнаго сочетанія идей въ дѣтствѣ. Султанъ на шляпѣ, лента черезъ плечо, кардинальская шляпа, кошелекъ съ золотыми кружками, поражаютъ воображеніе и соединяются въ головѣ съ идеей счастья. Предаваясь

пагубному заблужденію, молодой чело-
вѣкъ теряетъ способность разсуждать,
и противясь очевидности, цѣлую жизнь
слѣдуетъ за призракомъ своего разст-
роеннаго воображенія. Причина безразсуд-
ныхъ поступковъ ведетъ потомъ и къ
преступленію. Пока ослѣпленіе чело-
вѣка касается одного его, мы сожалѣемъ
или насмѣхаемся. Смѣемся надъ ску-
постью Эльва, который надѣваетъ на
улицъ брошенный парикъ. Смѣемся надъ
безумствомъ тщеславнаго нищаго, кото-
рый воображая себя герцогомъ и прин-
цемъ, требуетъ почтительныхъ покло-
новъ отъ проходящихъ. Но произведе-
нія тѣхъ же причинъ ужащаютъ, когда
мы видимъ Александра, убивающаго дру-
га за то, что онъ не признаетъ въ немъ
Бога, или продавца невольниковъ, кото-
рый, алчный къ золоту, заглушаетъ въ
себѣ голосъ совѣсти и состраданія къ
братьямъ, и равнодушно слушаетъ про-
клятіе человечества.

Мы чувствуемъ какъ трудно предлагаемое нами. Надобно управлять, нѣкоторымъ образомъ, обстоятельствами для того, чтобы управить воображеніемъ. Но дайте молодому человѣку привычку наблюдать за собою, давать себѣ самому отчетъ въ своихъ побужденіяхъ, сравнивать чувства свои и мысли, дайте ему привычку размышлять; и тогда не нужно надзора. Когда ребенокъ научится узнавать свои склонности, юноша управлять ими: то несчастія, вины, пороки и преступленія отдалятся отъ предназначеннаго ему поприща.

Есть привычка, о которой мы не говорили, и которая принадлежитъ неотъемлемо воображенію: это привычка къ мечтанію и къ разсѣянію. Въ этомъ положеніи мы предаемся ходу какой-нибудь идеи и, добровольно отказываясь отъ способности размышлять, становимся нечувствительны ко внѣшнимъ предметамъ. Въ иныхъ мечтателяхъ можно

замѣтитъ нѣкоторую степень вниманія, но, вмѣстѣ, признаки сумашествія, покорность воображенію для громажденія воздушныхъ замковъ и системъ. Часто въ этихъ мечтаніяхъ много порядка, вкуса, изобрѣтательности, цѣлости: но нѣтъ основы.

Разсѣянные люди не всегда имѣютъ живое воображеніе. Глупцы бываютъ разсѣянны отъ лѣни, вялости, неспособности устремить мысль на данный предметъ. Мечтанья ихъ безсвязны, безвкусны и нравятся имъ потому только, что, легко повторяясь, лелѣютъ лѣность ума.

Разнообразіе умственныхъ занятій и упражненій органовъ можетъ предупредить привычку къ разсѣянію и мечтанію. Если уже привычка вкоренилась, то надобно побѣждать ее соображаясь съ характеромъ и темпераментомъ ребенка. Съ глупымъ мечтателемъ употребить должно сильныхъ возбудителей,

занять чувства такимъ быстрымъ переходомъ отъ предмета къ предмету, чтобы не достало времени на бредни. Съ ребенкомъ живымъ и чувствительнымъ лучшій способъ прервать разсѣяніе, есть новое занятіе уму и чувствамъ. Тѣ упражненія, къ которымъ онъ уже привыкъ, не достигаютъ той цѣли: можно играть на фортопіано, читать громко и думать о другомъ. Надобно, чтобы дѣйствовала изобрѣтательность, чтобы разумъ слѣдилъ за строгимъ разсужденіемъ, чтобы дѣятельность разгульнаго воображенія сковалась разсудкомъ. Ободрительный голосъ дружбы и похвалы поддержитъ юношу въ методическомъ трудѣ его. Ему скучно разсуждать, онъ согласенъ дѣйствовать одной изобрѣтательной способностью; но безъ разсужденія нельзя усовершенствовать ничего изобрѣтеннаго: слѣд. въ этомъ упражненіи соединено то, что онъ любитъ, съ тѣмъ, чего онъ не лю-

бить, и связывая удовольствія воображенія съ логической разборчивостью, приучается онъ къ послѣдней и начинаетъ любить ее.

Столько писано уже объ удовольствіяхъ и опасностяхъ воображенія, что рассуждая объ этомъ предметѣ, мы хотѣли смотрѣть на него совершенно съ новой точки зрѣнія. Мы указали, какъ можно преподавать правила вкуса не вредя разсудку, и какъ готовить воображеніе къ наслажденію красотами поэзіи и краснорѣчія. Отличая энтузіазмъ генія отъ безразсудности восторженнаго, мы показали средства, какими можно предупредить нравственные болѣзни слишкомъ пылкаго воображенія. Этотъ прекрасный даръ Божій можетъ быть болѣе или менѣе развитъ согласно съ положеніемъ, которое юноша занимать будетъ въ свѣтѣ. Но во всѣхъ состояніяхъ и положеніяхъ жизни подчинить эту способность разсудку полезно и для

самаго себя и для общества. Волшебникъ, покоренный власти мудраго, станетъ производить полезныя чудеса. Воображеніе, какъ огонь, — хорошій слуга и дурной господинъ.

ГЛАВА XXIII.

ОБЪ УМО И РАЗСУДОКЪ.

Способности памяти, изобрѣтательности и воображенія должны быть покорены разсудку. Мы видѣли, что разсудокъ облегчаетъ работу памяти и даетъ стройность порывамъ воображенія. Теперь будемъ смотрѣть какое вліяніе разсудокъ имѣетъ на поступки всей жизни, какъ онъ прилагаетъ средства къ цѣли, какъ располагаетъ дѣйствіями, по тѣмъ причинамъ, отъ коихъ онъ зависитъ.

Пока дитя не знаетъ еще жизни и дѣйствій, нельзя ему заниматься причинами; разсудокъ есть только способность

понятія, извлеченная изъ сравненій; следовательно не можемъ мы требовать, чтобы воспитанники наши упражняли эту способность, прежде чѣмъ опытность доставила имъ матеріалы для упражненія.

Для сличенія надобно видѣть предметы ясно, со вниманіемъ и отстранивши все лишнее отъ наблюдаемаго предмета. Не станемъ повторять здѣсь сказанное нами прежде о выборъ предметовъ для вниманія и о неудобствѣ безполезнаго вниманія. Если станете предлагать сравненіе какъ урокъ, дѣтямъ покажется скучно это умственное упражненіе и они разсуждать не выучатся. Если же имъ пріятно будетъ сличать и сравнивать, то скоро станутъ отличать разницу, сходство, и научатся разсужденію.

Руссо благоразумно совѣтуетъ упражнять чувства въ дѣтствѣ. Точность памяти зависитъ отъ ясности понятій, а прямота разсудка отъ этой ясности.

Ребенокъ близорукой плохо можетъ судить о видимыхъ предметахъ; тотъ, кто слышитъ худо, худо судить о звукахъ; и если ощущеніе у одного быть можетъ вѣрнѣе, нежели у другаго, то, вѣроятно всѣ сужденія о вещахъ, подлежащихъ ощущенію, будутъ между ними въ той же пропорціи. Врожденные пороки организаціи иногда бываютъ неизлечимы, но чаще мы приписываемъ природѣ недостатокъ порожденный воспитаніемъ. Небреженіе или неупражненіе органа часто производятъ медленность и затрудненіе повидимому врожденныя, между тѣмъ какъ привычка ко вниманію, постоянное упражненіе органовъ даютъ тотъ быстрый взглядъ, тотъ вѣрный объемъ предметовъ, то присутствіе ума и разсудка, которые почитаютъ даромъ природы и счастливымъ результатомъ превосходной организаціи.

Предметы видимые и осязательные первые должны упражнять разсудокъ

ребенка. Пусть сравниваетъ онъ формы, массы, величины, толщины; пусть узнаетъ опытомъ сколько можетъ поднять, до чего можетъ достать, до какой дали разглядѣть, услышать звуки; пусть научится судить о мѣрѣ, вѣсѣ, разстояніи, о разныхъ степеняхъ твердости и упругости тѣлъ, о сравнительной мѣрѣ жидкостей по разнымъ величинамъ склянокъ. Всѣ эти свободные опыты пріятно занимаютъ дѣтей. Руссо, который самъ, какъ ребенокъ, любилъ пирожки, совѣтуетъ поощрять дѣтей пирожками; но успѣхъ лучше всякаго поощренія и удавшійся опытъ остается въ памяти вѣрнѣе одинъ, нежели вмѣстѣ съ вліяніемъ предмета совершенно посторонняго.

Выводъ слѣдуетъ непосредственно за сравненіемъ. Кошка толще своего котенка, слѣдовательно ей нужно больше мѣста, чтобы пройти. Ребенокъ способенъ дѣлать такія заключенія гораздо

прежде, нежели можетъ выразить ихъ словами, и мы не должны нетерпѣніемъ ускорять его изъясненія. Посмотрите на ребенка, когда онъ дѣйствуетъ: потому, какъ онъ хочетъ дотронуться до того, чего достать не можетъ, какъ дергаетъ, толкаетъ, поднимаетъ. Вы видите, что онъ разсуждаетъ, что прилагаетъ къ назначенной цѣли нѣкоторыя средства гораздо прежде, нежели можетъ дать въ томъ отчетъ. Мы старались показать, какъ можно при большемъ вниманіи соразмѣрять всегда словарь ребенка съ его понятіемъ. Это соразмѣреніе весьма важно. Если ребенокъ мало знаетъ словъ, въ сравненіи съ способностями и опытностію, то мы не можемъ пособить ему развивать идеи. Онъ употребляетъ много ненужнаго труда для сравненій предметовъ, и изъясняетъ ихъ себѣ весьма сбивчиво, по недостатку нужныхъ знаковь. Если же, напротивъ, въ головѣ его больше словъ, нежели идей: то смыслъ

многихъ выраженій для него не опредѣленъ, и ему невозможно спросить и высказать свои мысли съ точностію и ясно.

Мы уже замѣтили, что глупые вопросы постороннихъ, приносятъ истинный вредъ дѣтямъ. » Хочешь ли ты быть королемъ? спрашиваютъ у пятилѣтняго ребенка. Хочешь ли быть фельд-маршаломъ или епископомъ? Вотъ вопросы, которые всякой день слышишь.

Дѣти, не наученные болтать безсмыслицу, обыкновенно молчатъ и удивляются такимъ вопросамъ. Вообще, когда слушаешь что говорятъ дѣтямъ люди, незанимающіеся воспитаніемъ, — то чувствуешь, что дѣти разсудительнѣе ихъ. Вещи, о которыхъ говорятъ они, не доступны понятію дѣтскому, выраженія всѣмъ неизвѣстны; и сами они, не знаютъ сколько предрасудковъ, ненужныхъ понятій сообщаютъ они дѣтямъ безъ зазрѣнія совѣсти; родители должны тща-

тельно стараться, чтобы дѣти отдалены были отъ этихъ болтуновъ; ибо слушая вздоръ, они никогда разсуждать не научатся.

Когда дѣти одни, предоставлены себѣ самимъ, то рѣдко говорятъ безсмыслицу. Часто мы не понимаемъ того, что они хотятъ сказать, но это потому, что не всѣ наши выраженія имъ знакомы и многому даютъ они другой смыслъ. Не смущайте ихъ тогда бранью или насмѣшкой, — этимъ уничтожается всякая довѣренность и охота сообщаться; но выслушайте терпѣливо, старайтесь объяснить себѣ мысли ихъ, и помогайте имъ незамѣтно, подсказывая, а не поправляя; и такимъ образомъ не отнимете у себя средства помогать ихъ разсудку.

Когда дѣти начинаютъ замѣчать причину, то не всегда отличаютъ ее отъ дѣйствія совпадающаго. Стоитъ обратиться на ходъ собственныхъ нашихъ

мыслей, чтобы убѣдиться какъ несправедливы тѣ, кто съ пренебреженіемъ слушаетъ выраженіе простыхъ дѣтскихъ мыслей. Какимъ образомъ изъясняемъ мы сами связь дѣйствій съ причинами, какимъ образомъ родилась въ насъ мысль, что данное дѣйствіе зависитъ всегда отъ данной причины? Мы не видимъ внутренняго союза, отношенія существующаго въ самой природѣ вещей: мы знаемъ только, что обыкновенно явленія предшествующія почитаются производящими явленія послѣдующія. Замѣтивъ нѣсколько разъ, что одна вещь слѣдуетъ за другою, мы называемъ ее слѣдствіемъ, а другую причиной, и полагаемъ, что онѣ всегда такимъ образомъ будутъ другъ за другомъ слѣдовать. Пока опытность не предложила еще своихъ свѣденій: наружность, сходство, случайность должны часто вводить въ заблужденіе. Постараемся, чтобы дѣти наши отложили рѣшительное

мнѣніе о вещахъ до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣтутъ довольно опытности; во всякомъ случаѣ безпредѣльная откровенность можетъ замѣнить ее, и исправить сужденіе.

Трехлѣтній мальчикъ смотрѣлъ какъ косили лугъ. Трава была мокрая и солнце поднимало сырость въ видѣ пара. Дымъ этотъ идетъ отъ человѣка?» спросилъ онъ, показывая на косца. Вопросъ его былъ естествененъ; паръ поднимался подлѣ человѣка, и солнце было далеко. Еслибы этому засмѣялись, то ребенокъ не сталъ бы въ подобныхъ случаяхъ рассказывать свои сомнѣнія.

Для узнанія причинъ, надобно помогать дѣтямъ въ пріобрѣтеніи опытности; собственные пути испытанія покажутъ имъ, какое обстоятельство необходимо нужно для произведенія даннаго дѣйствія и какое совпадаетъ съ нимъ, или только сопутствуетъ.

Когда ребенокъ видитъ въ первый
Часть II.

разъ, что, смѣшивая голубое съ розовымъ, производятъ лиловое: то можетъ подумать, что палитра и шпатля содѣйствуютъ этому измѣненію цвѣтовъ и также необходимы для совершенія его. Это ему кажется возможнымъ также какъ вліяніе нѣкоторыхъ сосудовъ въ химическихъ экспериментахъ: разсудокъ образуется только наблюденіемъ, опытностью и привычкою отличать.

Невѣдѣніе, которое заставляеть дѣтей удивляться инымъ вещамъ, препятствуетъ удивляться другимъ, которые, по нашему мнѣнію, гораздо чудеснѣе: это не доказываетъ тупости; если бы они знали больше, то не остались бы равнодушными.

Предметы, подлежащіе чувствамъ, лучше другихъ упражняютъ разсудокъ дѣтей. Напрасно заставляютъ ихъ разсуждать о томъ, что не можетъ имъ быть понятно, на пр. объ обществѣ, или нравахъ. Можно научить ихъ разговорному

языку, способу легко и красиво выражаться, остроумнымъ и скорымъ возраженіямъ, но всѣ таковыя качества не прочны. Ребенокъ, который забавлялъ острыми отвѣтами, рѣчами красными и смѣшными, обыкновенно остается несвѣдущимъ и выходитъ неразсудительнымъ человѣкомъ. Умъ и разумъ зависятъ отъ совершенно различныхъ привычекъ. Умъ ищетъ схватывать отдаленныя сходства и сближаетъ самыя разнородныя мысли: разумъ сравниваетъ близкіе предметы и замѣчаетъ разницу. Сравненія разсудка могутъ быть медленны, соображенія ума должны быть быстры; одинаковая способность къ вниманію можетъ развить то или другое качество; пусть родители опредѣляютъ, какую привычку мысли желаютъ водворить въ голову дѣтямъ, и какое преимущество для нихъ важнѣе. Хотятъ ли, чтобъ дѣти ихъ блистали умомъ? для этого надобно пожертво-

вать частію разсудка. Тогда пусть одобряють каждую остроту; пусть хвалятъ когда острота посчастливилась, ласкають самолюбіе, вызываютъ оригинальность, нисколько не заставляя думать о приличіи и о выборѣ словъ; не поправляютъ кривое мнѣніе, не допускають спорить, опредѣлять, изчислять, разсуждать послѣдовательно; пусть избѣгаютъ всего методическаго, медленнаго, точнаго.

Юноша, желающій блистать умомъ, не долженъ смотрѣть на дѣльную сторону предмета, а находить въ немъ только веселую, забавную, смѣшную. Онъ рано привыкать долженъ къ тому роду разговора, въ которомъ хочетъ отличаться, долженъ жить или видаться часто съ людьми умными, упражняться въ острыхъ отвѣтахъ, тонкихъ замѣчаніяхъ, сравненіяхъ новыхъ, эпиграммахъ; долженъ не бояться сказать глупость и для того удержатъ острое или смѣш-

ное слово. Всего страшнѣе и опаснѣе доставить скуку: ихъ цѣль нравиться и веселить.

Показывая средство развивать то, что называютъ въ обществѣ умомъ, мы показываемъ опасность такого воспитанія. Достоверно, что есть успѣхи, которые пріобрѣтаются только жертвуя другими выгодами, и что нельзя соединить два качества, по природѣ ихъ, несовмѣстныя. Если же вы предпочитаете основательность здраваго разсудка, разума правильнаго и яснаго: слѣдуйте совсѣмъ противнымъ путемъ. Пусть блещутъ умомъ другіе дѣти. Не сокрушайтесь, что двѣнадцати лѣтній сынъ вашъ не умѣетъ ничего сказать остраго и забавнаго; что кажется неуклюжъ и глупъ въ сравненіи съ ровесникомъ, котораго умъ развить: придетъ и его время. Онъ будетъ въ свою очередь блещать и далеко оставитъ за собою прежняго совмѣстника. Продолжайте

показывать ему предметы въ ихъ истинномъ видѣ: пусть истина во всѣхъ вещахъ будетъ ему дороже всего; пусть онъ смотритъ, сомнѣвается, сравниваетъ прежде, чѣмъ осмѣлится сказать мнѣніе; пусть выраженія его будутъ изысканно точны, и постоянно въ немъ желаніе научиться, а не выказываться.

Замѣтимъ еще для утѣшенія цѣнящихъ умъ выше всего, что его можно привить къ разсудку, но что разсудокъ не прививается: какъ скоро привыкнешь довольствоваться поверхностнымъ взглядомъ и одною стороною предмета, то становишься неспособнымъ къ обдуманному наблюденію и размышленію: можно съ этимъ быть очень любезну въ свѣтъ, но надобно осудить себя на вѣчную любезность и — болѣе ни на что.

Дѣти воспитанные по нашимъ правиламъ медленно понимаютъ всякую остроту и шутку, а когда поймутъ, то она совсѣмъ не такъ имъ нравится, какъ

намъ. Нравственная сторона предмета, прямая истина больше привлекаетъ ихъ вниманіе, нежели то, что смѣшно: мало-по-малу, и то поживши въ свѣтъ, начинаютъ они чувствовать цѣну блестящей остроты и насмѣшки.

Однажды въ присутствіи маленькаго Сиднева говорили объ извѣстномъ остромъ отвѣтъ офицера Попе. (1) Сидней

(1) Можетъ быть читатели наши не знаютъ этого отвѣта. Въ одномъ кофейномъ домѣ предложили поэту Попе изъяснить одно мѣсто въ Гомерѣ. Поэтъ затруднялся. Одинъ тутъ бывшій офицеръ увѣрялъ, что открылъ истинный смыслъ этой строки и говорилъ, что стоить поставить вопросительный знакъ для того, чтобы эта строка сдѣлалась ясна каждому. Попе, разсердившись, что офицеръ учить его по гречески, сказалъ ему презрительнымъ тономъ: » Знаете ли вы однако, что такое вопросительный знакъ ? » Знаю! отвѣчалъ офицеръ. Это маленькая горбатая фигурка, которая спрашиваетъ. Извѣстно, что Попе былъ горбатъ и кривобокъ.

просилъ изъясненія и нимаю не смѣлся. Черезъ нѣсколько дней послѣ того Сидней сказалъ отцу: «Удивляюсь я, что не чаще насмѣхаются надъ криво-бокими и горбатыми людьми.» О. «Это было бы глупо, развѣ это ихъ вина?» С. — Но помните, когда говорили объ этомъ офицеръ, вамъ казался его отвѣтъ, Попе, смѣшонъ и остроумень.»

О. — Потому, что Попе самъ былъ съ нимъ невѣжливъ.

С. — Почему же? Попе могъ думать, что офицеръ этотъ не знаетъ вопросительныхъ знаковъ. О. Стало-быть онъ хотѣлъ сказать ему, что считаетъ его невѣжею; всякой ребенокъ умѣющій читать, знаетъ вопросительный знакъ. С. (подумавъ). Правда, это была грубость. — Но вѣдь вы сказывали мнѣ, что офицеры обыкновенно не много знаютъ.

О. — Это часто случается, но не всегда. Я говорилъ тебѣ, что молодые, люди, наскуча ученіемъ и плѣнясь мундиромъ,

входятъ въ военную службу для того, чтобы избавиться отъ труда во всякомъ другомъ состояніи необходимаго. Нельзя быть хорошимъ адвокатомъ, или искуснымъ врачомъ не пройдя нужныхъ для того наукъ, но офицеру не нужна ученость для того, чтобы подставлять голову подъ пулю. Хотя вообще офицеры наши не отличаются ученостью, но не необходимо же должны быть невѣжами. Человѣкъ, одѣтый въ красное платье, можетъ столькоже знать, сколько одѣтый въ черное. Попе безразсудно и глупо поступилъ, признавъ офицера за неуча.

С. Теперь понимаю.

О. Хорошо, что ты просишь изъясненія того, чего не понимаешь. Не надобно ничего глотать не разжевавши.

С. Но я все думаю объ этомъ офицерѣ, который насмѣхался надъ Попе за то, что онъ былъ горбатъ.

О. Видишь ли, другъ мой, если бъ

Попе не сказалъ ему ничего невѣжливаго: офицеръ былъ бы грубіянь, вспомнивъ насмѣшливо о горбѣ его. Положимъ на пр. что войдя въ кофейню онъ сказалъ, взглянувши на поэта: «Вотъ человѣчикъ похожій на вопросительный знакъ. Это сближеніе можетъ статься кого-нибудь и заставило бы усмѣхнуться, но всякому разсудительному человѣку, показалось бы оно грубо и зло. Друзья Попе могли бы отвѣчать ему: да, этотъ человѣчикъ первый поэтъ своего времени и замѣчательнѣйшій умъ во всей Англіи.» — Въмѣсто того, офицера вызвали на грубость: вопросъ Попе былъ невѣжливъ, офицеръ полное имѣлъ право отразить его: и отвѣтъ офицера былъ чрезвычайно колокъ, онъ въ одно время осмѣивалъ и фигуру неучтиваго поэта и неприличную его грубость. Это возраженіе, соображая быстро двѣ совершенно различныя вещи, нравится и удивляетъ: это называютъ умомъ.»

Чрезвычайно мудро растолковать ребенку что такое умъ, но еще мудренѣе найти нравственную сторону умныхъ остротъ, которыя приводитъ въ примѣръ, и означить истинную имъ цѣну. Три мѣсяца спустя, послѣ этаго разговора, О. сказалъ остроту, которую С. не понималъ, не засмѣялся и глядѣлъ на него очень важно.» Ты мнѣ кажется совсѣмъ не дорожишь умомъ? сказалъ О. — что такое умъ? спросилъ мальчикъ.

О. сталъ изъяснять ему, что есть нѣсколько родовъ ума, что иногда умъ просто играетъ словами, иногда острота заключается въ самой мысли. Онъ привелъ многіе примѣры перваго, и они совсѣмъ не показались забавны мальчику; онъ съ нетерпѣніемъ искалъ смѣшнаго въ заданномъ словѣ и когда ему показывали острое или смѣшное, то казалось будто жалѣлъ: за чѣмъ столько потерялъ времени, отыскивая загадку? Послѣ того О. сказалъ нѣсколько

эпиграммъ и отвѣтовъ, которыхъ острота заключалась въ самой мысли: эти больше понравились С... нѣкоторые понялъ онъ безъ повторенія, но вообще нравственный смыслъ слишкомъ былъ для него дорогъ, а потому онъ не могъ оцѣнить ихъ художественнаго достоинства.

Мы говорили уже, какъ вредно давать дѣтямъ читать то, чего они не понимаютъ, показали что поэзія не доступна ихъ разсудку и смущаетъ его.

Тоже скажемъ о краснорѣчїи и обо всемъ, что называется очарованіемъ слога. Надобно, что бы они судили здраво о томъ, что читаютъ, а для этого нужно удалить всякое очарованіе и все прикрасы.

Однажды въ присутствїи двухъ мальчиковъ Н. и С. одного 14, другаго 12 лѣтъ читали слѣдующее изъ опыта о природѣ Сень-Пьера :

«Вредныя насѣкомыя замѣчательны по тѣмъ же признакамъ разрушенія. Ко-

маръ, жаждущій человѣческой крови, весь покрытъ бѣлыми пятнами по темному тѣлу своему. Жужжанье его возмущаетъ тишину рощи, и возвѣщаетъ о его приближеніи. Плотоядная оса, подобно тигру, перепоясана чернымъ по желтому пузочку. Оба мальчики въ одно время вскричали: эти пятна и эти полосы ничего не имѣютъ общаго съ жаломъ. Жужжанье комаровъ, сказалъ С., было бы очень пріятно, еслибы оно не сказывало намъ, что приближается насъ комое, которое насъ ужалитъ. Помню, что я остановился однажды на лѣстницѣ, чтобы радоваться черными и кровожолтыми полосками осы, которая сидѣла на окошкѣ. Я не зналъ, что она полосата, какъ тигръ, и что можетъ меня ужалитъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я испыталь ихъ жало, я ужъ имъ болѣе не радуюсь; думаю, что намъ кажутся отвратительными только тѣ животныя, которыя могутъ вредить намъ. Но не

понимаю, какое отношеніе можетъ имѣть къ этому цвѣтъ ихъ — все равно, что если бы сказали о человѣкѣ, у котораго цвѣтъ лица желтый, что у него одинакія склонности съ этимъ жонкилемъ.

Однажды прочли С.... софизмъ Цицерона о глухотѣ, не сказавъ ему ничего прежде, справедливо ли рассуждалъ Цицеронъ, или нѣтъ. Хотѣли знать сужденіе маленькаго. С.» Сколько такихъ языковъ, которыхъ мы не понимаемъ, говоритъ цицеронъ! Ты глухъ для Карфагенца, для Испанца, для Галла, для Египтянина, и объ этой глухотѣ не тужишь? что за несчастіе не слышать еще одного языка?»

«Плохое средство утѣшать глухаго! сказалъ ребенокъ! на что показывать ему, что онъ больше глухъ, нежели думалъ? Можетъ статься онъ и не думалъ обо всѣхъ этихъ языкахъ, а Цицеронъ навелъ его на эту мысль.»

Когда вы спрашиваете о чемъ нибудь ребенка, остерегайтесь показать ваше

мнѣніе, иначе оно будетъ на него имѣть вліяніе. Ждите отвѣта безъ нетерпѣнія, а въ спорахъ и преніяхъ не давайте примѣра недобросовѣстности. Если хотятъ только переспорить противника, а не убѣдить его въ истинѣ, то дѣти въ свою очередь заботиться станутъ объ одной побѣдѣ; станутъ искать всякихъ доводовъ и вертѣть ихъ всѣми способами для поддержанія мнѣнія, которое случайно приняли. Это тщеславное желаніе одержать верхъ, чрезвычайно вредитъ разсудительности ребенка и прямотъ его. Оно не можетъ поселиться въ душѣ его если вы не спорили никогда для одолѣнія противника, но всегда съ убѣжденіемъ защищали истину; отвергайте хитрые доводы, хвалите за искренныя признанія; предпочитайте всегда простой ходъ здраваго разсудка всѣмъ уловкамъ хитраго умничанья; пусть старается онъ пребывать въ положеніи безпристраст-

номъ, способнымъ различить истину не взирая на высказанныя мысли: однимъ словомъ, упражняйте ихъ болѣе въ роль судьи, нежели въ роль адвоката.

Не хорошо дѣлають иные, если торжествуютъ надъ ребенкомъ перемѣнившимъ мнѣніе, въ слѣдствіе поразившаго его доказательства. Не хорошо упрекать ему, если онъ колеблется между двумя мнѣніями по мѣрѣ того, какъ доказательства съ той или другой стороны поражаютъ его: напротивъ, вниманіе его къ доказательствамъ заслуживаетъ похвалу. Развѣ можно упрекать вѣсамъ, что они колеблются, по мѣрѣ тяжести полагаемой въ ту или другую чашу.

Праздные люди забавляются часто легковѣріемъ дѣтей, рассказываютъ вздорныя исторіи и спрашиваютъ: повѣрили ли они ихъ рассказамъ? дѣти пріученныя всегда слышать правду, не сомнѣваются въ томъ, что имъ говорятъ. Они вѣрятъ

постороннимъ такъ же, какъ родителямъ; не надобно употреблять во зло ихъ честь и простоту, выдавая за правду то, что даже не правдоподобно.

Часто употребляютъ съ дѣтьми Сократовскій образъ разсужденія, — готовятъ цѣлый рядъ вопросовъ — съ намѣреніемъ поймать ихъ въ эту ловушку и заставить сознаться подъ конецъ въ томъ, что они опровергали съ начала. Эта метода вредна: ребенокъ стережется отъ заключенія, къ которому чувствуетъ, что ведутъ его, и вмѣсто того, чтобы отвѣчать откровенно, и соображаясь съ внутреннимъ чувствомъ, онъ старается найти отвѣты, которые бы затруднили вопрошателей.

Лучше пользоваться первымъ представляющимся предметомъ, нежели готовить предметы для разсужденія и спора. Вы можете шутя доказать вашему воспитаннику, что сужденія его не правы, онъ будетъ смѣяться, но

исправить ихъ: если же строго и съ досадою станете исправлять его заблужденіе, не мудрено, что онъ упорно къ нему привяжется. Мы нерѣдко видимъ, что женщины умѣютъ судить здраво и вмѣстѣ говорить легко, и шутить, и что такія разнообразныя качества ни мало не вредятъ другъ другу. Если бы матери, обладающія такимъ даромъ, употребляли его на пользу дѣтей своихъ, то воспользовались бы для самихъ себя большей выгодой, нежели сколько принести могутъ всѣ успѣхи въ обществѣ. Слово ласки или порицанія, похвала, улыбка одобренія, или строгой недовольный взглядъ, рѣшаютъ иногда направленіе способностей воспитанника. День не проходитъ безъ того, что бы ребенокъ не разсуждалъ обо всѣхъ маленькихъ произшествіяхъ ему доступныхъ: всѣ они драгоцѣнны для матери, которой они служатъ способомъ для

утвержденія разсудка и для прямаго ему направленія.

Локкъ справедливо замѣчаетъ, что большая часть свѣтскихъ людей совершенно не понимаютъ формулы доводовъ, преподаваемой въ школахъ, что не знаютъ даже имени Аристотеля, а часто разсуждаютъ лучше тѣхъ, которые не выходятъ изъ правилъ логики. Онъ доказываетъ, что силлогизмы не помогаютъ отличить истинныхъ отношеній идей, но измѣняя, напротивъ, естественный порядокъ, препятствуютъ справедливому заключенію. Наконецъ говоритъ, что самые искусные въ составленіи силлогизмовъ не прилагаютъ ихъ къ обыкновеннымъ житейскимъ дѣламъ, въ которыхъ здравый разсудокъ столько же важенъ, какъ и въ философскихъ вопросахъ.

Между тѣмъ, молодые люди должны знать и принятые выраженія, и формулы школьныхъ доводовъ, — должны

имѣть средства открыть слабую сторону запутаннаго разсужденія, и уловки защищеній, но вмѣстѣ должны питать великое презрѣніе къ употребленію этихъ хитростей, съ которыми надобно умѣть сражаться.

Разсудокъ образуется только опытностью. Многія общія предложенія приняты дѣтьми за справедливыя, хотя они не могли постигнуть ихъ во всей полнотѣ, и допустить необходимыхъ заключеній. Если заставляемъ ихъ толковать объ умозрительныхъ вопросахъ, превышающихъ ихъ понятіе, то приучаемъ просто къ фразамъ, и это упражненіе, вредное разсудку, научаешь ихъ довольствоваться словами безъ смысла. Въ нашихъ школахъ мы безпрестанно видимъ тому примѣры; вопросы, данные имъ на обсужденіе, очевидно не могутъ быть рѣшены дѣтьми.» Краснорѣчіе вредно или полезно государству?» — Этотъ вопросъ, требующій обширныхъ позна-

нѣй и многолѣтней опытности, рѣшается 11-ти и 12-ти лѣтними дѣтьми въ трехъ, четырехъ параграфахъ, наполненными заучеными періодами.» Что въ жизни можетъ почитаться лучшимъ благомъ?» спрашиваетъ воспитатель ученика своего приготовивъ его длинною рѣчью о добродѣтели, нравственности, счастіи или удовольствіи. Ученикъ пишетъ четыре страницы на этотъ вопросъ. Всѣ нужныя посвященныя слова вставлены въ его отвѣтъ и связаны съ тѣмъ, что онъ вспоминаетъ и чего не понимаетъ: учитель доволенъ и гордится, воображая, что научилъ воспитанника своего разсуждать философически въ такіе лѣта, когда большая часть его ровесниковъ не имѣетъ еще ни одной опредѣленной идеи.

Всѣ разсужденія относятся къ какому нибудь факту. Хотимъ ли знать, можетъ ли предметъ быть подъ силу ребенку, надобно разсмотрѣть знаетъ ли онъ фактъ, къ которому предметъ относит-

ся. Познанія его вещей, и опытность умножаются — пусть разсуждаетъ онъ о томъ, что знаетъ. Въ предметахъ физическихъ опытность и наблюденіе; въ вопросахъ нравственныхъ разборъ собственныхъ ощущеній, страстей и чувствъ; наконецъ, сравненіе разныхъ свидѣтельствъ съ извѣстными законами природы: вотъ испытанія, которыми ученикъ долженъ подвергать факты, дабы судить объ ихъ истинѣ.

«Доказательство, говоритъ Кондиллякъ, есть рядъ предложеній, въ которыхъ идеи, переходя одна къ другой, различествуютъ одними терминами, и очевидность доказательства заключается въ ихъ тождественности.» — Но для того, чтобы объяснить ребенку одинъ терминъ (или выраженіе) другимъ, надобно, чтобы онъ зналъ его; чтобы объяснить одну идею посредствомъ другой, надобно, чтобы объясняющая была для

него ясна, безъ этого, предложенія какъ бы не были они тождественны, никогда не будутъ для него очевидны и никогда не выведетъ онъ изъ нихъ заключенія удовлетворительнаго уму. Замѣчаніе Кондильяка предписываетъ намъ давать дѣтямъ всѣ ясныя идеи, какія могутъ они пріобрѣсти упражненіемъ органовъ; когда же въ послѣдствіи станемъ разсуждать съ ними, то надобно употреблять выраженія самыя простыя, для того, чтобы легче было переводить всякое предложеніе въ другое тождественное.

Дѣти, пріученные замѣчать собственныя ощущенія, употреблять выраженія правильныя, и свободно рассказывать свои мысли, вообще судятъ правильно о томъ, что собственно до нихъ касается. Когда же нужно оцѣнить свидетельство другаго, взвѣсить и разчесть вѣроятности, то дѣти должны медленнѣе и методически заняться этой наукой. Тѣ, которые всегда слышали одну

правду, расположены вѣрить свидѣтельству другихъ. Это легковѣріе надобно побѣждать, уговаривая ихъ самимъ увѣриться въ фактахъ, когда оно возможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ надобно отучать дѣтей отъ пристрастій, преувеличенія, страсти и любви къ чудесному, потемняющихъ свидѣтельство многихъ, на кого они полагаются. Десяти или двенатцати лѣтъ ребенокъ собралъ въ умѣ довольно разныхъ фактовъ, подтвержденныхъ собственной его опытностью, чтобы сравнивать и судить о другихъ предложенныхъ ему фактахъ. Когда эти факты выходятъ изъ семейственнаго порядка вещей, то они должны отлагать сужденіе свое до тѣхъ поръ, пока соберутъ болѣе доказательствъ и тщательно разсмотреть предложенное. Не худо спросить у нихъ иногда, на чемъ они основываютъ свое мнѣніе, и приучать разбирать то, что для нихъ ново и необыкновенно.

Когда Сиднею было девять лѣтъ, ему рассказали черту, прочтенную въ одномъ журналѣ. Одинъ офицеръ заключенный въ бастильи часто игралъ на флейтѣ. Однажды онъ замѣтилъ, что многіе пауки выходили изъ своихъ норъ и качались на паутинахъ, какъ будто для того, чтобы его слушать. Мыши также выходили отовсюду, пока онъ игралъ, и убѣгали въ норы какъ скоро переставалъ. Офицеръ не любилъ мышей, онъ досталъ себѣ кота и сталъ играть на флейтѣ по прежнему; когда всѣ мыши собрались около него, онъ пустилъ на нихъ кота, который и передушилъ ихъ.

Сидней чрезвычайно пораженъ былъ такимъ предательствомъ и негодованіе остановило на нѣсколько минутъ его способность разсуждать. Потомъ сталъ сомнѣваться въ истинѣ факта. Что же касается до пауковъ, сказалъ онъ, то вотъ что мнѣ пришло въ голову. Мо-

жетъ быть звукъ флейты, потрясая воздухъ, качалъ паутину, а пауки, удивившись движенію, выходили и смотрѣли.» Однакоже это изъясненіе не совсѣмъ его удовлетворяло, и мы приводимъ его только въ примѣръ духа сомнѣнія и разборчивости, который желаемъ поселить въ нашихъ воспитанникахъ.

Когда причины нравственныя входятъ въ вѣроятность правдоподобія происшествій, то судить объ нихъ труднѣе. Надобно взять въ разсмотрѣніе участіе рассказывающаго, его правдивость, обстоятельства, страсти могущія имѣть вліяніе на его мнѣнія. Если рассказанный фактъ не противорѣчитъ общимъ законамъ природы, то меньше нужно доказательствъ. — Соединяя многія разительныя свидѣтельства, можно вѣрить и необыкновеннымъ вещамъ: однимъ словомъ, разсудокъ долженъ образоваться соединеніемъ наблюденій и размышленій, доставленныхъ опытомъ.

Можно написать весьма любопытное и полезное сочиненіе: собраніе упражненій разсудку дѣтей. Располагая эти упражненія по степени силы учениковъ, можно правильно образовать умъ ихъ, и дать имъ начала справедливости и права, предлагая ихъ сужденію дѣла, болѣе или менѣе запутанныя.

Если бы можно было выбрать нѣкоторые уголовные процессы, гдѣ бы дѣти слушали объясненія свидѣтелей, передъ присяжными (jury), то это было бы превосходное упражненіе разсудку. Они видѣли бы, какъ должно отдѣлять все, что не принадлежитъ къ предмету, какъ между ненужными обстоятельствами, пустыми замѣчаніями и посторонними фактами, отыскивать то, что важно, и чѣмъ ограничиваются всѣ вопросы. Такое упражненіе ума было бы полезно во всѣхъ поприщахъ жизни, а не только тѣмъ, кои назначаютъ себѣ гражданскую службу. Правила доводовъ, ходъ,

по которому объясняемъ и утверждаемъ наше сужденіе, вездѣ одинъ и тотъ же, каковъ бы ни былъ занимающій насъ предметъ; а предлагая новые ребенку, мы усиливаемъ вниманіе, и даемъ случай приложить къ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ правила имъ внушенныя.

Мы сказали уже, что сочиненія критическія есть чтеніе неприличное дѣтямъ, но критика, т. е. разборъ приличія и приложенія словъ, есть прекрасное упражненіе дѣтямъ и развиваетъ ихъ идеи. Изученіе языка и искусство разсуждать очень близки другъ къ другу; вникая въ корни словъ и въ измѣненія ихъ смысла, мы научаемся думать, говорить и разсуждать правильнѣе. Эта наука можетъ ко всему быть приложена. Можетъ-статься, половина ссоръ, распрей и бѣдствій челоувѣчества зависитъ отъ неправильнаго или неопредѣленнаго употребленія словъ. Одна сторона употреб-

ляетъ слово въ одномъ смыслѣ, другая въ другомъ, всѣ толкованія и разсужденія кажутся обѣимъ безсмысленны, и вмѣсто того, чтобы объясниться, они сражаются. И это злоупотребленіе словъ случается не въ однихъ философическихъ умозрѣніяхъ: во всѣхъ положеніяхъ жизни оно производитъ тотъ же вредъ и тѣ же несчастія.

Часто вопросъ кажется очень простымъ, но въ немъ содержится множество другихъ вопросовъ и предполагаетъ многія предварительныя свѣдѣнія. Если учитель не можетъ вполне и ясно истолковать предмета, лучше совсѣмъ отдалить его, нежели отдѣлываться отъ любопытства ученика неудовлетворительными отвѣтами. Надобно, чтобы онъ могъ согласиться, что есть предметы превышающіе его понятіе, и что со временемъ онъ въ состояніи будетъ заниматься ими. Иначе дѣти должны будутъ довольствоваться понятіями неопредѣ-

ленными и неясными. Приведемъ примѣръ: Гарри прочелъ, что Голландцы обыкновенно сжигаютъ огромныя запасы пряностей изъ своихъ колоній, когда ихъ слишкомъ много на рынкахъ. Съ удивленіемъ и негодованіемъ увидѣлъ онъ возможность такого истребленія. Учитель сказалъ ему, что Голландцы властны располагать своей собственностью. Гарри отвѣчалъ, что все равно они напрасно истребляютъ полезное и дорогое произведеніе, назначенное природою на потребу человѣка. Надобно изъяснить ему существо торговли, монополій, колониальныхъ отношеній, недоступныхъ еще понятіямъ ребенка, чтобы изтолковать какимъ образомъ выгодно Голландцамъ это истребленіе. Вообще лучше упражнять разумъ немногими предметами, но избранными въ кругу ему доступномъ. Когда случай представить вниманію его предметы, превосходящія его понятіе, то слѣдуетъ

указать только какимъ средствомъ можно дойти до рѣшенія заданныхъ вопросовъ и отложить до будущаго времени всѣ разсужденія : такимъ образомъ готовится пища любопытству безъ вреда разсудку.

Локкъ совѣтуетъ учиться математикѣ для усовершенствованія разсудка. Всякая методическая наука, приводитъ въ порядокъ ходъ мыслей, и облегчаетъ приложеніе тѣхъ средствъ къ другому предмету: но мы часто видимъ, что математики, ученые, хорошіе литераторы, привыкшіе судить здраво о вопросахъ отвлеченныхъ и книжныхъ, совсѣмъ безразсудно поступаютъ въ жизни. Это недостатокъ вѣспитанія, незнаніе людей и дѣла. Разсудительная способность исполнена всей нужной энергіи, но они не привыкли обращать должнаго вниманія на обыкновенныя обстоятельства жизни и дѣйствовать сообразно съ убѣжденіемъ и разсудкомъ.

ГЛАВА XIV.

ВЕРЯЖЛИВОСТИ И ОСТОРОЖНОСТИ.

Вольтеръ сказалъ о король Пруссомъ, что у него было два энтузіазма: одинъ для писанія, другой для дѣйствія. Многія люди судятъ однимъ образомъ въ разговорахъ, другимъ въ поступкахъ, и потому легко быть осторожному за другаго, и весьма трудно за себя самаго.

Говоря объ осторожности, мы разумѣемъ не то холодное и эгоистическое качество, которое можно назвать мудростью міра: мы разумѣемъ силу, сос-

тавленную изъ соединенія разсудка, твердости, пастойчивости и отважности, которая, разсмотрѣвъ все средства ведущія къ благополучію, избираетъ вѣрнѣйшія. Мы видѣли, какъ можно упражнять разсудокъ, посмотримъ какимъ образомъ вкоренить привычку прилагать къ дѣйствіямъ жизни, показанные разсудкомъ, результаты.

Вмѣсто того, чтобы всегда рѣшать за нашихъ дѣтей, приучимъ ихъ умѣть самимъ выбирать. Выборъ хорошъ? они награждены доставшимся наслажденіемъ и хорошимъ употребленіемъ разсудка. Выборъ дуренъ? — Они наказаны всеми неудобствами своей ошибки. Говорятъ, что опытность умудряетъ даже дураковъ, а чѣмъ болѣе созрѣваетъ опытность, тѣмъ вѣрнѣе приходитъ разсудокъ. Никогда довѣренность къ слову не можетъ замѣнить довѣренности въ убѣжденіе. Когда малютка говоритъ: «Я не сталъ больше кушать сливокъ, маминька го-

ворить, что это вредно желудку...» онъ послушливъ, но не остороженъ, онъ руководствуется не собственнымъ сужденіемъ. Иные боятся, чтобы дѣти, которымъ всегда оставляютъ свободу выбора, не сдѣлались своевольны и упрямы. Этого быть не должно безъ вины родителей. Дѣти не должны думать, чтобы въ этой свободѣ заключалась какая-нибудь слава или отличіе: ихъ вниманіе должно быть обращено на трудность и выгоду хорошаго, благо-разумнаго выбора. Можно иногда и помочь имъ, но никогда не сковывать и не рѣшать за нихъ.

Неосторожность дѣтямъ свойственна. Для нихъ все ново, они хотятъ все отвѣдать и всего испытать: пусть научаются отдавать негодное и вредное. Пусть собственныя ощущенія научать ихъ выбирать, и безпрестанныя сравненія оцѣнивать и узнавать годное.

Дѣти думаютъ, что то, что имъ нра-

вится, будетъ правиться всегда. Пользуйтесь чувствомъ утомленія или скуки послѣ излишняго употребленія пріятнаго ощущенія, чтобы показать имъ ошибку и дать урокъ опытности на будущее время.

Упрекають юность, что она предпочитаетъ небольшое настоящее удовольствіе надеждѣ на большее благо: это происходитъ только отъ недостатка опытности. По мѣрѣ того, какъ будущее становится настоящимъ, дѣти начинаютъ постигать цѣну будущихъ удовольствій, а привычка къ жизни внушаетъ намъ такую довѣренность къ будущему, что мы ужъ наконецъ и слишкомъ на него полагаемся. Мы видѣли, какъ являлись передъ нами ожидаемые дни, и убѣждаемся, что будущее всегда будетъ наше. Привычка бываетъ сильнѣе разсудка и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ; старики должны бы подѣлаться излишнимъ съ юношами.

Внушить опытность невозможно; но воспитаніе можетъ ускорить дѣйствія опытности, приучая дѣтей къ размышленію, замѣчая, какія лишенія терпятъ они отъ своей необдуманности и отъ сколькихъ неудовольствій избавила бы ихъ осторожность. Надобно научить ихъ сравнивать ощущенія свои и мысли прежде и послѣ желаннаго и полученнаго удовольствія; стараться также, чтобы всякій урокъ для будущаго опирался на неудачу въ настоящемъ.

Разсуждая о поступкахъ жизни, мы какъ геометры, беремъ истину доказанную для отысканія другой, и также не повторяемъ во всякомъ случаѣ весь рядъ пройденныхъ демонстрацій. Приобрѣтенная опытность даетъ намъ родъ чутья, догадки внутренней, которая показываетъ намъ, чего мы избѣгать должны и чего держаться. Эту догадку можетъ ускорить воспитаніе, сдѣлать ее вѣрнѣе и быстрѣе.

Неосторожность происходит не столько отъ забвенія перенесеннаго опыта, сколько отъ ложныхъ соображеній и отъ страсти. Случается человѣку видѣть какой-нибудь предметъ, совсѣмъ не такъ, какъ видятъ его другіе. Онъ судить правильно, взявши неправильныя данныя, слѣдуетъ за разсудкомъ своимъ, но ведетъ себя неосторожно. Съ нимъ не надобно разсуждать и толковать, покуда не переменилось его положеніе: его ослѣпляетъ страсть, побѣдить ее можетъ только страсть сильнѣйшая, которая и покажетъ ему предметъ въ новомъ видѣ.

Безполезно разсуждать съ тѣми, которые не могутъ слышать голосъ разсудка, это лучшее средство приучить ихъ къ презрѣнію его владычества.

Когда ученикъ вашъ узнаетъ на опытъ, что ваше мнѣніе часто выгоднѣе было для него, чѣмъ его собственное, то дастъ вамъ полную довѣренность и

тогда совѣты ваши будутъ дѣйствительно полезны, могутъ удержать его отъ страсти и во многихъ случаяхъ предохранить.

Дѣвушкамъ осторожность нужнѣе еще чѣмъ мальчикамъ; ихъ благоразуміе и осторожность должны быть плодомъ чужой опытности. Малѣйшая ихъ безразсудность имѣетъ иногда такіа важныя послѣдствія, что нельзя исправить сдѣланной ошибки. Женщина вообще, меньше рискуетъ, совсѣмъ отложивъ всякое дѣйствіе, нежели дѣйствуя опрометчиво. Имъ совершенно приличенъ апофтегмъ, за который вѣсомъ золота заплатилъ восточный монархъ: «не предпринимай ничего, не обдумавши всѣхъ послѣдствій.» и убѣгайте всего, что могло бы дать дѣвужкѣ довѣренность къ счастію, ей полагаться должно только на свое благоразуміе и не ждать ничего отъ случая. Хладнокровіе въ спорахъ есть необходимое качество, предписанное благоразумной осторожностью

женщинъ. Та, которая не умѣетъ владѣть собою въ разговоръ, почти всегда вредно или непріятно употребляетъ умъ свой. Все, что касается до тяжёбныхъ дѣлъ, женщинамъ не прилично. Мы видимъ, что Калпурнія, которая сама защищала тяжбы свои въ Сенатъ Римскомъ, сдѣлалась такою бранчивою и своенравною, что примѣръ ея вынудилъ издать законъ, которымъ запрещалось женщинамъ лично защищать свою тяжбу.

Во всемъ, что касается до склонности и гдѣ нуженъ выборъ, пусть молодыя дѣвушки размышляютъ и обсуживаютъ свои чувства. Говорятъ, что склонность не разсуждаетъ: это правило столько же ложно, сколько вредно. Если бы дѣвушки болѣе обсуживали свои отвращенія и пристрастія, то меньше было бы легкомысленныхъ связей и больше согласныхъ супружествъ. Родители не могутъ надѣяться, что дочери ихъ выучатся разсуждать по вдохновенію и

въ минуту испытанія. Осторожность и благоразуміе тщательно должны быть съ раннихъ лѣтъ развиваемы; счастіе всей жизни часто рѣшается для женщины въ такія лѣта, въ какія мужчины не думаютъ выходить изъ школы.

Бережливость есть добродѣтель необходимая для женщинъ; лишнее снисхождение къ прихотямъ туалета часто бываетъ причиною ихъ расточительности. Привычка покупать много мелочей и бездѣлицъ становится необходимостью. Когда знаменитая Куцона впала въ нищету, то друзья, сложившись, принесли ей 350 фунтовъ стерлинговъ: Куцона немедленно отложила двѣсти фунтовъ стерлинговъ на покупку модныхъ чепчиковъ. Примѣръ матерей научить лучше словъ предпочитать полезное и прочное тому, что имѣетъ проходящую цѣну моды.

Бережливость не однѣми деньгами должна ограничиваться: дѣвушка ежедневно должна ею руководствоваться во

всемъ, что касается ея одежды, и сама смотрѣть за порядкомъ своего гардероба. Если чего-нибудь не досмотрѣла, то наказана будетъ самой вещью, другаго неудовольствія ей не нужно. Порядокъ есть основа бережливости и потому пусть внѣшнее устройство даетъ молодымъ особамъ всю возможность его соблюдать. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всякомъ другомъ, много зависитъ отъ первыхъ привычекъ. Дѣвушка должна беречь свои платья и не пренебрегать старыми. Одинъ Лордъ написалъ надъ дверью своей кухни: «всего вдоволь, ничего лишняго». Совѣтую богатымъ родителямъ взять этотъ девизъ для вкорененія мудрой бережливости въ привычки дѣтей своихъ. Когда дѣти воспитаны въ родительскомъ домѣ, то дѣйствительно имъ деньги не нужны: развѣ только для того, чтобы употребить ихъ на лишнія бездѣлицы. Напротивъ, дѣтямъ нужно смотрѣть на деньги въ

истинномъ ихъ значеніи, т. е. видѣть въ нихъ условный знакъ цѣны полезныхъ вещей. Когда дѣти отдалены отъ родителей и воспитаны въ школахъ, то имъ столько же нужно денегъ, сколько всѣ ихъ товарищи имѣютъ: для чего, чтобы не приучить къ расточительности, нельзя подвергать опасности сдѣлаться завистливыми, или подлыми.

Пусть молодые люди въ родительскомъ домѣ, приобщены будутъ ко всѣмъ денежнымъ разчетамъ. Пусть знаютъ они главные расходы домашніе и почитаютъ ихъ за собственные. Локкъ справедливо замѣчаетъ, «что отецъ, таящій отъ дѣтей свои денежные дѣла, естественно внушаетъ сыну надежду начать жить послѣ его смерти.» Во всякомъ случаѣ, это дурная политика. Простодушная откровенность, полная довѣренность къ честности юноши, располагаютъ сердце его къ симпатіи и вѣрнѣе всего приготавливаютъ къ мудрой бережливости. Мо-

молодые люди, которымъ неизвѣстно количество необходимыхъ расходовъ домашнихъ, считаютъ только то, что сами тратятъ и увѣрены, что расходы ихъ ничего не значатъ въ сравненіи съ доходами отца. Миссъ Бюрней хорошо описала слѣдствія этой неизвѣстности въ дѣлахъ семейныхъ; всѣ неосторожные поступки Камиллы оттуда происходятъ. Всего бы лучше поручать дѣвушкамъ вести счета домашнимъ расходамъ, тогда ариѳметика не будетъ для нихъ умозрительной наукой. Надобно, чтобы онѣ знали цѣну всѣхъ нужныхъ вещей и всѣхъ предметовъ роскоши; чтобы имѣли понятіе о годовой суммѣ необходимой для ихъ гардероба и о расходахъ прибавленныхъ искушеніями моды. Онѣ не должны думать, что лучше другихъ не способны увлечены быть примѣромъ, и что въ иныхъ рукахъ деньги какимъ-то чудомъ хранятся долѣе, чѣмъ въ другихъ. Всѣ таковыя мнѣнія, должны подчинены

быть разчету, и примѣръ людей несчастныхъ отъ денежныхъ неосторожныхъ расходовъ, долженъ свидѣтельствовать истину словъ.

Юноши подвержены еще большимъ искушеніямъ, относительно къ прихотямъ и безпорядку. Одинъ увлекаетъ другаго: они какую-то честь полагаютъ въ томъ, что не смотря за расходомъ своимъ, называютъ это небреженіе благородствомъ, и обвиняютъ въ скупости и мелочничествѣ того, кто не такъ ведетъ себя. Благоразумный отецъ отдаетъ эту опасность избирая товарищей и друзей своего сына. Онъ боится связи съ молодыми людьми, отличающимися однимъ своимъ богатствомъ. Эти юные герои моды и роскоши, вовлеки друзей своихъ въ затруднительное положеніе, безъ зазрѣнія совѣсти оставляютъ ихъ и насмѣхаются надъ ихъ безразсудностью. Если молодой человѣкъ умѣетъ доставить себѣ въ хоро-

шемъ обществѣ и въ литературѣ удовольствія, деньгами купленные: то не подверженъ этимъ разорительнымъ упрекамъ, которые ввергаютъ въ нужду все семейство и служатъ такимъ дурнымъ предисловіемъ его появленія въ свѣтъ. Самая опасная для этого минута есть та, когда юноша, не сдѣлавшись еще зрѣлымъ человѣкомъ, пересталъ быть школьникомъ. Онъ смотритъ на то, что ему кажется блестящимъ въ свѣтъ и беретъ самыя ложныя и самыя упрямые понятія о средствахъ отличиться. Напрасно родители хотятъ просвѣтить его, онъ убѣжденъ, что они отстали отъ вѣка, что все съ ихъ поръ перемѣнилось и что надобно слѣдовать за временемъ. Исправить эти неудобства очень мудро, предупредить — легче. По мѣрѣ того, какъ дѣти вырастаютъ, надобно разговаривать съ ними, вмѣстѣ установить правила касающіяся экономіи и поведенія, не смущать ихъ безвременною стро-

гостью, не требовать благоразумія несовмѣстнаго съ лѣтами и убѣдить, что родители не перестанутъ ихъ уважать, если случится имъ сдѣлать какое дурачество и промотать чего сами не ожидали. Если отецъ ожидаетъ отъ сына совершеннаго благоразумія и непогрѣшаемости, то отдаляетъ его довѣренность: одна снисходительная ласка вызываетъ признаніе; сынъ скажетъ отцу все свои глупости и слабости, какъ скоро знаетъ, что отецъ можетъ простить его и поправить.

Для молодаго человѣка всегда выгодно содѣйствовать въ намѣреніяхъ и дѣлахъ отцу своему, прежде нежели самъ завелся собственными. Отецъ строится, производить въ деревнѣ своей разныя улучшенія, измѣненія; легко можетъ онъ поручить сыну надзоръ надъ работами, это прекрасное упражненіе разсудку его и благоразумію. Пусть онъ пріучается знать цѣны всякой вещи; цѣну работъ и матеріаловъ. Это равно по-

лезно бѣднымъ и богатымъ. Богатые могутъ напередъ разчестъ, что станетъ имъ задуманная прихоть, и такимъ образомъ не подвергнутся обману.

Мы говорили уже о страсти къ игрѣ. Кто послѣдуетъ въ воспитаніи предлагаемому нами плану, тотъ но долженъ бояться, чтобы эта страсть возмутила жизнь его воспитанника. Предметы занятія и любви отдалять отъ него искушение опасное для однихъ празднoлюбцевъ. Намъ скажутъ, что есть люди умные, одаренные талантами, великодушные, любезные и преданные страсти къ игрѣ. Это случается съ ними только тогда, когда они истощили удовольствія, получаемыя сильными возбуждательными средствами: эти сильныя возбужденія сдѣлались необходимою, въ нихъ не находятъ счастья, но ими живутъ.

Невозможно, чтобы низкая страсть скупости могла родиться въ душѣ хорошо воспитаннаго юноши. Но должно

обращать вниманіе на ту сторону семейнаго счастія, которая зависитъ отъ полной взаимной довѣренности всѣхъ членовъ семейства касательно собственности. Точность и акуратность въ денежныхъ счетахъ совсѣмъ не бесполезна между родными и друзьями; напротивъ, она одна содержать можетъ совершенное согласіе и непринужденную короткость. Дети, съ малыхъ лѣтъ, должны приучаться къ порядку въ счетахъ, къ великому почтенію чужой собственности, вмѣсто взыскательнаго безпокойства своихъ правъ. Имъ надобно знать, сколько могутъ истратить каждый годъ, для того, чтобы могли разсудительно распорядиться своими маленькими доходами.

Подарки неожиданные пробуждаютъ преувеличанныя надежды и мечтанія, способствующія безпорядку. Всѣ тѣ, чьи доходы неопредѣлены, переходятъ за границы своихъ доходовъ: это замѣ-

титъ можно болѣе всего въ владѣльцахъ Индѣйскихъ плантацій. Доходъ ихъ есть лотарей, и въ надеждѣ на изобильный годъ, они живутъ расточительно. Тоже расположенію къ расточительности замѣтно въ людяхъ, привыкшихъ къ бѣдности. Извѣстно, что матросы въ теченіе нѣсколькихъ дней тратятъ плоды многолѣтнихъ крейсированій. Негры, безъ малѣйшаго предвидѣнія, тратятъ на лакомства всѣ деньги, выработанныя трудами. Въ отчетъ Лондонской полиціи мы видимъ, что во время дороговизны устресь, семги и морскихъ раковъ, главные потребители находятся въ простомъ народѣ: достаточные люди ожидаютъ, чтобы цѣна этому товару понизилась.

Вмѣстѣ съ совѣтами благоразумія, осторожности и бережливости, необходимо должны находиться ободренія къ щедрости: эти качества стоятъ рядомъ. Цѣна денегъ опредѣляется наслажденіями, которыя деньги доставляютъ:

есть много радостей, которыхъ деньгами не купишь, и эти наслажденія всегда будутъ дороже прочихъ, для тѣхъ, кого воститаніе научило мыслить и чувствовать.

К о н е ц ъ.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ВОСПИТАНІЯ.

Издание А. Семейна.

Въ слѣдствіе желанія, выраженнаго многими изъ подписавшихся, и убѣдившись, что у насъ существуетъ гораздо большая потребность въ хорошихъ книгахъ для дѣтей, чѣмъ въ системахъ и книгахъ для воспитанія, Редакція Библиотеки для Воспитанія рѣшилась сдѣлать слѣдующее измѣненіе противъ программы: за предлагаемыми нынѣ, 2-мъ и 5-мъ томомъ для воспитанниковъ будетъ слѣдовать еще 4-ый томъ, который заключить собою *Троянскую войну*. Первое же отдѣленіе для воспитателей заключится 2-мъ томомъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ШЕСТЬ ТОМОВЪ,

въ Москвѣ и С. ПЕТЕРБУРГѢ

пятнадцать рублей ассигнаціями,

съ пересылкою во всѣ другіе города Россійской Имперіи,

пять рублей серебромъ.

****** Предлагаемый томъ 2 листами меньше противъ обѣщанныхъ 10 ибо оканчивается собою полное сочиненіе Г-жи Еджевортъ; за то другіе томы заключали въ себѣ 11 12 и болѣе листовъ. 4-й т. для воспитанниковъ не замедлитъ выходомъ.

pro
un

